

ЖИВАЯ СТАРИНА

4'2007

Журнал о русском фольклоре
и традиционной культуре

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА
ЗАЕМЪ СВОБОДЫ.

старый строй
поворженъ.
**возвѣгнайте зданіе
свободной Россіи.**

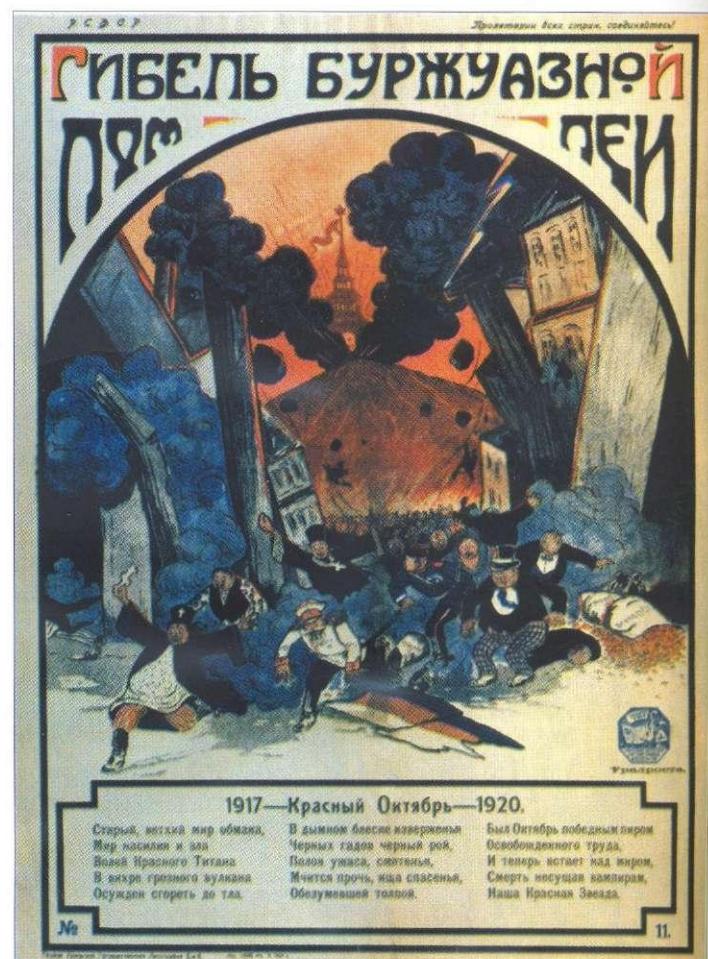
Неизв. автор. «Вторая годовщина Великой Октябрьской революции». Плакат. 1919 г. Петроград. Цв. литография. Из книги: Вашик К., Бабурина Н. Реальность утопии: Искусство русского плаката XX в. М., 2004. Ил. 104

Этот номер «Живой старины» открывается рубрикой «Фольклор и революция» (с. 2–26). Она объединяет статьи и публикации, посвященные различным фольклорным и парафольклорным жанрам (революционные песни и злободневные частушки, анекдоты о новых реалиях и о советских политиках, слухи и воспоминания), в которых отразилась целая эпоха — предреволюционные волнения начала XX в., революция 1917 г., Гражданская война и раннесоветский период.

В качестве иллюстраций предлагаем вниманию читателей образцы пропагандистского изобразительного искусства этой эпохи.

И. Симаков. «Да здравствует 1 Мая». Плакат. 1920 г. Москва — Петроград. Цв. литография. Из книги: Вашик К., Бабурина Н. Реальность утопии: Искусство русского плаката XX в. М., 2004. Ил. 116

Неизв. автор. «Гибель буржуазной Помпеи». Плакат. 1920 г. Екатеринбург. Цв. литография. Из книги: Вашик К., Бабурина Н. Реальность утопии: Искусство русского плаката XX в. М., 2004. Ил. 108

Неизв. автор. «Октябрьская революция — мост к светлому будущему». Плакат. 1922 г. Москва. Из книги: Вашик К., Бабурина Н. Реальность утопии: Искусство русского плаката XX в. М., 2004. Ил. 232

ЖИВАЯ СТАРИНА

4(56)2007

Журнал о русском фольклоре
и традиционной культуреУчредитель и инициатор возобновления издания
Государственный республиканский центр русского фольклораОснован в 1890 году
Возобновлен в 1994 годуРуководитель издательского проекта
А.С. КаргинГлавный редактор **С.Ю. Неклюдов**

Редколлегия:

М.В. Ахметова (зам. главного редактора)**О.В. Белова****Л.Н. Виноградова****В.М. Гацак****М.А. Енговатова****А.Ф. Некрылова****В.Я. Петрухин****И.А. Разумова****С.М. Толстая****А.В. Чернецов**

Ответственный секретарь редакции

А.С. Подгаец

Научный редактор

О.В. Трефилова

Макет и компьютерная верстка:

И.К. Дергунова, Т.В. Бурцева

Обработка иллюстраций:

М.Д. АникееваЗав. отделом изданий **В.И. Емельянов**

Адрес редакции: 119034,

Москва, Турчанинов пер., 6

Тел.: (495) 245-2205, 245-2079

факс: (495) 246-9323

E-mail: crt@inbox.ru

(с указанием: для «Живой старины»)

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство № 01827 от 30 ноября 1992 г.

Подписано в печать 11.12.2007. Формат 60×90 1/8.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 8,0.
Тираж 3000 экз. Заказ 173. Цена договорнаяОтпечатано в типографии
ООО «Печатный салон ШАНС» 1000 экз.
125412, Москва, ул. Ижорская, д. 13/19Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна
© «Живая старина», 2007

На 1-й стр. обложки: Г. Пашков. «Подпись-
вайтесь на Заем свободы». Плакат 1917 г. Цв.
литография. Из книги: Вашик К., Бабурина
Н. Реальность утопии: искусство русского
плаката. М., 2004. Ил. 56

На 4-й стр. обложки: Бистра Радева Пеовска,
1966 гг. «Легенда о Калпакре». 2004 г.
Холст, акриловые краски. 89×115 см. Балкан-
ская квадринале живописи «Мифы и легенды
моего народа». Г. Стара-Загора (Болгария)

СОДЕРЖАНИЕ

ФОЛЬКЛОР И РЕВОЛЮЦИЯ

<i>Е.Л. Недзельский.</i> Народная поэзия в годы революции	2
<i>В.Е. Добровольская.</i> «Как революцию делали...»	7
Письмо крестьян В.И. Ленину. Публикация <i>М.Д. Алексеевского</i>	9
<i>А.А. Немировский.</i> Слухи и сплетни в белогвардейском лагере	10
<i>Д.Е. Сидорова.</i> «Думы летят кверху — мечты падают в пропасть...» Из дневника за 1906 г. Предисловие, публикация и примечания <i>О.Г. Шербининой</i>	12
<i>В.Я. Петрухин.</i> Моя бабушка и революция	14
Революция глазами «глубинки». Предисловие, публикация и примечания <i>А.С. Каргина</i>	15
Из архивных записей заводского фольклора. Предисловие, публикация и примечания <i>М.В. Ахметовой</i>	17
<i>А.С. Архипова, М.А. Мельниченко.</i> Почему Ленин носил ботинки, а Сталин — сапоги?	20
Аnekdotы из коллекции Н.В. Соколовой (1926 г.). Предисловие, публикация и примечания <i>М.А. Мельниченко</i>	24

НЕКРОПОЛИ И ПОГРЕБЕНИЯ В РУССКОЙ ТРАДИЦИИ

<i>И.Ю. Шундалов.</i> Крестьянские некрополи Терского берега Белого моря	27
<i>А.В. Энговатова, И.А. Сапрыкина.</i> Погребения в берестяных гробах	30

МАЛЫЕ ЖАНРЫ ФОЛЬКЛОРА

<i>C. Грэхем.</i> Цикл анекдотов о чукчах: откуда, однако?	33
<i>T.Г. Иванова.</i> Объявления в маршрутках: взгляд фольклориста	35
<i>O.Е. Фролова.</i> К типологии анекдотов	38

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>H.A. Маркова.</i> А.В. Марков и Тифлисские высшие женские курсы	41
--	----

ЭКСПЕДИЦИИ

<i>О.В. Трефилова.</i> Легенды, предания и мифологические рассказы из гагаузского села Болгарево	44
Легенды липован Краснодарского края. Публикация <i>A.И. Зудина</i>	47

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

<i>B.В. Напольских.</i> Русское издание книги английского слависта	50
<i>А.В. Чернецов.</i> Реплика по поводу рецензии <i>B.В. Напольских</i> на книгу <i>В.Ф. Райана</i>	51
<i>Ю.Е. Бойко.</i> Локальные традиции игры на гармони	52
<i>А.В. Гура.</i> Сборник по славянской и балканской этнографии	55
<i>Н.В. Петров.</i> Возвращение сборника несказочной прозы	57
<i>О.В. Трефилова.</i> Новая литература по фольклору и этнографии	58

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

<i>А.В. Рафаева.</i> Чтения памяти В.Н. Топорова	59
<i>В.С. Костырко.</i> XIV Лотмановские чтения	60
<i>А.С. Сатыренко, А.Г. Шешкен.</i> «Российская славистическая фольклористика: пути развития и исследовательские перспективы»	61
Содержание журнала «Живая старина» за 2007 год	63

Мы открываем рубрику, приуроченную к 90-летию революции 1917 г. и посвященную отражению революционных событий в фольклоре, републикацией статьи Евгения Леопольдовича Недзельского «Народная поэзия в годы революции». Е.Л. Недзельский (1894—1961) — поэт, переводчик, публицист, литературовед; участвовал в Гражданской войне на стороне Белой армии. В 1920 г. с остатками войск Врангеля оказался в Константинополе, затем перебрался в Прагу. В 1925 г. окончил Пражский университет, в 1926 г. стал доктором философии.

Публикуемая (в сокращении) статья, в которой дается исторический и региональный обзор некоторых жанров фольклора, популярных в послереволюционные годы, впервые была напечатана в 1924 г. в труднодоступном издании — эмигрантском журнале «Воля России» (Прага) (№ 5, с. 1—28; № 6—7, с. 44—66) и до сих пор не утратила актуальности.

Е.Л. НЕДЗЕЛЬСКИЙ

НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ

<...> Бытовая частушка до революции, на юг от линии Киев—Чернигов—Курск, была лишь в общерусских центрах (Киев, Харьков, Екатеринослав, Севастополь, Одесса) и совершенно отсутствовала в деревне. Впрочем, немногочисленные городские частушки юга всегда можно было рассматривать как занесенные с севера. Когда же началось общероссийское переселение народов и толчеха властей на юге, когда начали вечно переезжать с севера на юг и обратно белые и красные, беженцы и пленные, наступающие и «драпающие», частушка была занесена и быстро и обильно привилась на юге, сохранив свой великорусский язык. Частушка творилась на Украине, принимала ее акцент, но не было малорусской частушки, кроме отдельных и нарочитых строк. С другой стороны, интересно отметить, что политическая частушка далеко не так широко привилась на севере, где бытовая ее форма наиболее обычна. В Москве и севернее эта форма политической эпиграммы живет лишь в городе, в то время как на юге ее творчеством была охвачена и деревня.

<...>

Вопрос о возникновении «яблочка», частушки с политico-историческим характером, гораздо сложнее, чем это может показаться на первый раз. Здесь сыграла роль не только перенесенная с севера частушка, бытовая, в силу жизненных обстоятельств принявшая политическую окраску, но и частушечная жизнь германского фронта, и искусственные куплеты летних открытых сцен, и идеологическая и сатирическая частушка, пущенная в оборот агитпросветом — слева, и отдельно пропаганды — справа.

Еще до революции отмечался успех патриотической частушечной прибаутки, которая удачно заменила прозаические объяснения военных лубочных картин. <...>

С германского фронта, кроме многих непонятных тыкам прибауток, прикатилось и «яблочко», которое особенно живо было позже на всем пространстве немецкой интервенции:

Яблочко,
Куда котишься?
Немцу в зубы попадешь,
Не воротишься!
<...>

В эпоху гражданской борьбы искусственная прививка частушки, ввиду ее жизненности, приняла уже характер вполне организованный; она изобреталась обоими лагерями, печаталась в газетах, это был и есть особый прием и политической борьбы, и агитации. И в этом случае за образец было принято — «яблочко». Впрочем, это произошло уже несколько позже. Впервые юг России запел «яблочко» в эпоху занятия Украины немцами. С одной стороны, впервые разрешалось клеймить большевиков, с другой — жертвой сатиры стали сами оккупаторы, когда с подмостков неисчислимых в тот год открытых сцен, кабаре и «Тиволи» покатилось антнемецкое «яблочко»:

Украина моя,
Плодородная,
Немцу хлеб отдала —
Сама голодная...

Отсюда же впервые было спето и длинное (16 куплетов) «яблочко», которое впоследствии распалось на отдельные четверостишия и зажило в массах. В нем показано, как сразу изменилась жизнь после переворота:

Теперь всем надоели
Пилоты и полеты.
Теперь — иное дело:
Бандиты и налеты,
как потом
Эс-эры, как премьеры
Из оперетты венской,
Пропели «Землю-Волю»
И смылись, как Керенский,
зато

Ленин, Троцкий,
А с ними Луначарский
Сразу снохались
С народом пролетарским.

Так с возвышения кабаре «покатилось» «яблочко», и с этой поры его можно было слышать всюду. <...>

Менялась жизнь, полярно менялась ее идеологическая окраска и «поскольку постольку» менялось и «яблочко», вернее чередовались эпитеты «советский» — «kadetский», а в своей основе они оставались все теми же, аналогично тому, как в одну и ту же форму на практике выливалась разная идеология борющихся станов. Кто брал «верх», тот и воспевался:

Яблочко —
С бока синее,
А кадетская (советская) власть
Очень сильная!

Яблочко —
Да на тополе,
А кадетская (советская) власть
В Севастополе!

Яблочко —
Ярко-краснос.,
Скоро Врангель (Троцкий) придет,
Дело ясное!

С таким же веселым единодушием совершались и очередные «потопления», ведь смеха властей шла в строго закономерном порядке:

Сначала — демонстрация,
Потом — регистрация,
Затем — мобилизация
И вдруг — эвакуация...

И сиять — демонстрация...
Когда впервые Крым был занят большевиками и корабли Антанты уходили, в Севастополе пели:

Пароходик идет
Полный грузами (вар. — да с арбузами).
Будем рыбку кормить
Мы французами!

Кем только не кормили этой рыбки!
Частушка оставалась тою же, менялся лишь груз или образ в угоду потопляемой рифмы: если пароход шел «полный раками» — рыбку кормили «дендилаками», дым из трубы шел «кольцами» — «добровольцами», «дымом-парами» — «комиссарами», «ближе к пристани» — «коммунистами».

Аналогичное же равенство было и в искреннем сочувствии не большевикам и кадетам, но к человеку («...большевики, кадеты — все люди!..»), которомугрозит опасность, к человеку, страдающему (вольно или невольно) в потоке непонятных и преходящих событий.

На тачанке сижу,
Под тачанкой — склизко.
Удирайте, добровольцы,
Бо махновцы близко!

Яблочко,
Куда котишься?
Попадешь на Перекоп
(Джанкой и др.),
Не воротишься!

Большевик (доброволец) молодой,
Куда топаешь?
Попадешь на Перекоп (и др.),
Пулю слопаешь!

При отступлении добровольцев из Новороссийска на Крым мне самому пришлось слышать непосредственную модификацию частушки. Проходили для погрузки на пароход донские части с белыми (вм[есто] серебряных) погонами, а с тротуара уже запевал тоненький голосок сострадательные предупреждения:

Офицерик молодой,
Погон беленький,
Удирай-ка ты в Крым,
Пока целенький!

Впоследствии эта частушка получила широкое распространение, ее пели насмешливо красноармейцы при очередном бегстве добровольцев, но частность — «погон беленький», понимаемая уже как чисто формальная побрякушка на рифму, так и осталась навсегда. Это «яблочко» является переделкой старого:

Офицерик (большевик) молодой,
Зачем женишься,
Как придут большевики (буржуи)
Куда денешься?

По своим сюжетам политическая частушка удобнее всего распадается на последовательность, предуказанныю прибауткой — «Сначала демонстрация, потом мобилизация», эвакуация...

Прежде всего демонстрация, исходящая от отдела пропаганды:

У нас пороху — тьма,
Мы не бедные,
Воевать будем мы
До победного!

Сидя в Крыму во время зимнего затишья, добровольцы верили:
Вот покажем мы еще вам
Под командою Слашева!

Яблочко
В Крыму сладенько,
Да достать Перекоп
Трудно, дяденька!
Это мечты добровольцев; им же дипломатически вторила и народная песенка, что «кадетская власть — очень сильная».

Добровольцы молодцы,
Свое дело знают,
Как поймают коммуниста —
Голову снимают!
Но с другой стороны — регистрация и мобилизация... Здесь уже мало наблюдения, здесь уже сталкиваются интересы населения и власти. Частушка и негодует, и не оставляет «защитного» элемента безобидной наивности:

Правый конь — у Києве,
Левый на Урале,
Була еще телочка —
Мобилизовали!
Бегство от многоцветных мобилизаций порождает идеологию «зеленых», вооруженно отстаивающих свой «нейтралитет»:
Ни Слашевы не указ,
Ни Буденные,
Мы не «эти» и не «те»,
Мы — зеленые!
Впрочем, в Крыму пришлось тяжело и «зеленым»:

Ни при Гетмане,
Ни при Ангеле¹,
Довелось служить
Лишь при Врангеле.

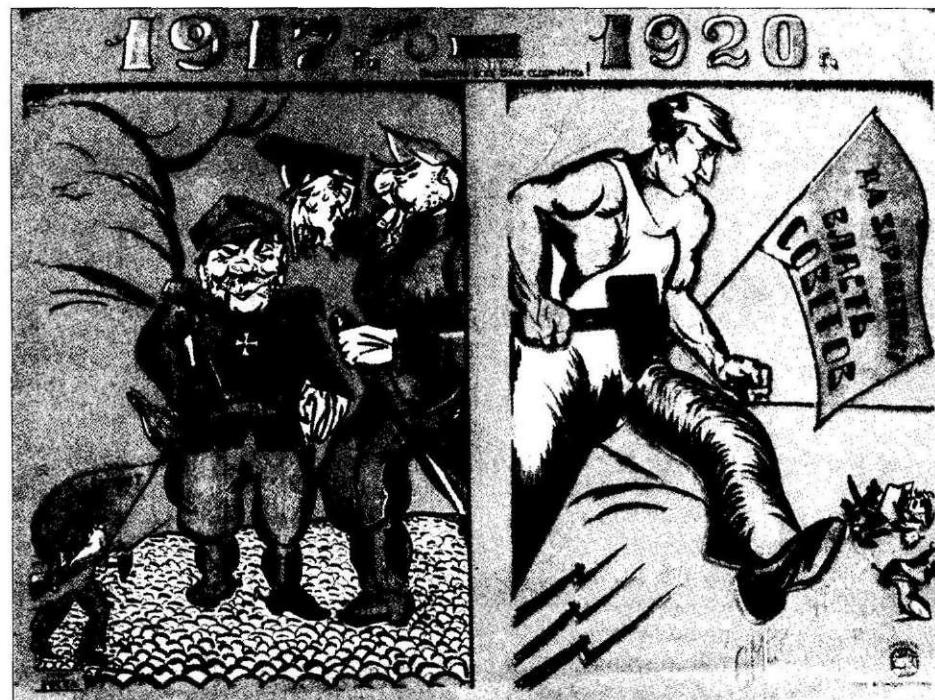

Неизв. автор. «Ленин и Троцкий». Фрагмент белогвардейского плаката. 1919 г. Ростов-на-Дону. Цв. литография. Из книги: Вашик К., Бабурина Н. Реальность утопии: искусство русского плаката XX в. М., 2004. Ил. 207

Полное расстройство транспорта, обнищание с одной стороны, а с другой — непонятная настойчивость и упорство добровольцев — казались порождением нелепого фанатизма:

Паровоз, паровоз,
Где твои вагоны?
Офицеры — дураки
Боятся за погоны!
или вариант:
У батька Махна
Золота вагоны,
Офицеры дураки
Боятся за погоны!
и, наконец, озлобленное:

Неизв. автор. «1917—1920». Плакат. 1920 г. Гомель. Цв. литография. Из книги: Вашик К., Бабурина Н. Реальность утопии: искусство русского плаката XX в. М., 2004. Ил. 242

Я на бочке сижу
И кричу кадету:
— Вот тебе пулья в лоб
С золотым «полетом»!
И, конечно, — эвакуация. <...>
«Победоносные отступления» были
с двух сторон, их не смешивало с бегством и частушка:
Я на бочке сижу,
Слезы капают,
Добровольцы (коммунисты)
не бегут,
Только... «драпают».
<...>

Среди всех частушек гражданской войны, созданных исключительно деревней, наиболее целен махновский цикл. Он же интересен и по своему своеобразию: батько Махно — единственный из всех имен, выступающий как герой. Ему сочувствуют, его славят не как политического вождя, но как ловкого народного афериста, как неувлонимого удачного мужичка:

Яблочко —
Половиночка,
А наш батько Махно,
Как картиночка!

Яблочко
Да с листочками,
Едет батько Махно
Да с сыночками!

Яблочко
Да всё в ямочкиах,
Едет батько Махно
На тачаночках!

С Гуляй-поля
До Полог,
Махно-батько
Царь и Бог!
<...>

Наряду с этим видом массового творчества эпиграмм наблюдается необычайный интерес к пародированию как песен, так и гимнов, так и стихов, уже известных всей России. <...>

Ломались и приспособливались как целые песни, так и отдельные куплеты, особенно первые, и припевы. И прежде всего зажил «Интернационал»:

1. Вставай, проклятьем
заклейменный
Весь мир голодных и рабов,
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой идти готов.
2. Вставай, полфунтом
закормленный,
Ступай в станицу за мукой,
Скидай последнюю рубашку
Свою собственной рукой
(Кубань).

3. Вставай, наживший миллионы,
Читай декрет цены на хлеб,
Тебе особые законы
Напишет и «че-ка» и «нэп»
(Москва).

4. Никто не даст нам избавленья —
Ни Ленин, Троцкий, ни че-ка,
Дождемся мы освобожденья
От адмирала Колчака
(Центр. Россия и Волга).

5. Никто не даст нам избавленья —
Ни туз, ни дама, ни валет.
Дождемся мы освобожденья —
Четыре сбоку — ваших нет
(Москва, Добр. арм.).

Подобные куплеты-пародии теряли обычно связь со своим прототипом и демонстрировались как частушка. Но если в «Интернационале» пародия исходит только с одной стороны, то гораздо разнообразнее в этом отношении припевы к песне Корниловского полка Добровольческой армии:

1. Смело мы в бой пойдем
За Русь святую
И как один прольем
Кровь молодую.

2. Смело мы в бой пойдем
За власть Советов
И как один умрем
В борьбе за это.

3. Смело мы в бой пойдем
За Русь святую
И всех жиц побъем,
Своловочь такую.

4. Смело мы в бой идем
Против буржуев
И монархистов бьем,
Своловочь такую.

5. Смело мы в бой пойдем
Грабить евреев
И как один прольем
Кровь иудеев.
<...>

Смена властей и лозунгов вызвала многообразное поэтическое творчество в Одессе, где помимо «яблочек» зародился еще и местный «лимончик». Его происхождение совершенно аналогично «яблочку»: он «покатился» впервые с летней сцены в виде куплетов:

Шлю я вам привет, друзья,
Из Одессы мамы.
Вместо «яблочка» — «лимончик»
Спою перед вами...

Но до политического здесь существовал раньше бытовой «лимончик» в виде бульварного романса с многочисленными «куплетами-приростами», часто на воровском жаргоне «блатных». К первичному романсу из года в год прикладывались новые куплеты (всегда с союзом — «А ...»), логически и образно совершенно не свя-

занные со своим прототипом. Эти куплеты-приrostы впоследствии зажили, каждый порознь, чисто частушечной жизнью, и в них отразилась главным образом специфическая жизнь Одессы как торгового порта. Одесса не знала войны, она сталкивалась с нею только при развязке, т.е. при разного рода эвакуациях и бегствах — то в Крым, то за границу:

А деникинские банды
Пьяно перепились,
Наступали на Москву,
В Крыму очутились.

А Деникин в Крым уехал,
Виден его кончик,
И на память нам оставил
Деньги — «колокольчик».

А буржуи распродали
Чудные дачи:
Поехали отдыхать
На острова собачьи...

Собачьи острова — Принцевы, куда якобы раньше (на о. Халки) свозили всех бродячих собак и где недавно была беженская база. <...> В Одессе же ходит и переходный куплет от «яблочка» к «лимончику», который поется одинаково обоими мотивами. Одесса-мама (аналогия — Москва-матушка) ближе всего была к биржевой жизни, к спекулятивным торговым аферам, и в этом отношении имеется неисчерпаемый материал:

Раньше было «яблочко»,
А теперь — «лимончик»,
Раньше было золото,
А теперь... купончик!

Как пришли большевики,
Смылись интенданты.
Пынче ломят козырек
Яппи-спекулянты.

Вы не плачьте, спекулянты
Яша и Арончик,
Как откроют Дарданеллы,
Привезут лимончик!
<...>

Кроме «лимончиков» здесь же поются и местные «яблочки», «Ростислав» и «Алмаз»
За республику,
А девиз наш таков —
Резать публику.
Известное толкование: рес-публику = речь публику. «Ростислав» и «Алмаз» — пароходы, стоявшие на рейде и исполнявшие роль чеки; отсюда и модификация обицей частушки:
На «Алмаз» попадешь
Не воротишься!
<...>

Любопытно отметить, что на одесской почве нет «яблочек» юдофобских, как этого можно было бы ожидать, ибо антисемитизм на юге можно считать не только правопартийным чувством, но и массовым; он является основой многих частушек отнюдь не правопартийного происхождения.

Частушка, если принять во внимание топографию ее дореволюционных записей, пришла на Украину с севера, чему способствовал и германский фронт; в отношении «яблочки» наблюдается обратный путь. Оно если не создалось, то развило и зажило на территории гражданской войны, а отсюда уже, как удобная для воплощения времени форма, перекочевало в Центральную Россию.

От всего похода Колчака известна лишь одна частушка, сложенная в центре и лишь впоследствии отождествленная с напевом «яблочка»:

Захотела Ве-че-ка
Уничтожить Колчака,
Не пришлось бы Колчаку
Уничтожить Ве-че-ку.

Реминисценции на нее, как было указано, сохранились у добровольцев и в пародии на «Интернационал». <...>

Замечательно, что в Центральной России и на севере почти нет частушек, указывающих на ожидание прихода добровольцев. Зато внутренняя, главным образом материальная, жизнь начала тотчас же фиксироваться в «яблочке». При этом необходимо отметить особенность «советских яблочек», созданных на территории несменявшейся власти Советов. Если на юге политическая частушка носит общенародный характер, за исключением немногих резко-партийных, то в советских частушках особенно обилен элемент массового интеллигентского творчества, который зачастую принимается и общегородским людом. Я не говорю в данном случае о «яблочках» с перекрестной рифмой, это, несомненно, книжное влияние, чуждое частушке вообще, но о тех, где фактурный материал и особенно терминология указывают на вмешательство интеллигенции. Если на юге имеется серия «яблочек» с «пролетарско-советской» психологией, чающих прихода большевиков и солидарных с ними, то на советской почве таковых нет. Во-первых, не было критерия для сравнения «режимов» советского и добровольческого, во-вторых, были мистически велики рассказы о добровольческом расе; о нем, не испытав, судили по высоким лозунгам. Вот почему частушка о том, что

Троцкий с Лениным сидят,
Играют на арфе.
А Деникин с Романовским
Думают по карте —
получила гораздо большее распространение за чертой добровольцев, чем на юге, и ее обычно знали все пленные красноармейцы. Если на юге, в горниле гражданской борьбы, «яблочки», казалось бы, должны быть непримиримо разными, то на деле оказывалось, что двусмысленность насмешки позволяла им существовать при всех режимах. Иное дело было на советской территории: здесь все политические частушки протестуют, иногда наивно-ядовито, а чаще истерично:

Я на бочке сижу
И кричу народу:
— Вот тебе пуля в лоб
За твою свободу!

Сидит милый на заборе
С революцией во взоре,
Проходила, глянула,
В рожу ему плонула!
<...>

В частушках воспета и эпидемия митингов, породившая выражение «ходить на Митеньку» и ряд непонятных технических формул — «внеочередное», «по поводу» и др.:

На трибуну полез:
Собралось народу!
Как прекрасна, господа,
Такая свобода!

Как при батюшке царе
Всем жилося сытенько,
А теперь — читай декрет
И ходи «на Митеньку»...

Вот на митинге вчера
Говорил «по поводу»,
Кто-то в ухо меня свистнул
По прямому проводу...
<...>

В «яблоках» отразились и порядки нового режима: карточная система получения продуктов, реквизиция и налеты с этой целью:

Ты закрылась зачем
Своим фартуком:
Целоваться мы будем
Лишь по карточкам...

Спекулянт,
Спекулянт — спекулирует,
А советская власть
Реквизирует.

Прежде взятками жила
Вся полиция,
А теперь есть закон,
Реквизиция.

Агитавтомобиль у Троицкого моста в Петрограде. 1 мая 1919 г. Из книги: Агитационно-массовое искусство: Оформление празднеств: Таблицы. М., 1984. Ил. 162

Эх ты, комиссар,
Кожаная куртка,
Налетиши на базар —
Хуже злого турка...

Особо острый был вопрос с транспортом и отсюда холодные, безугольные зимы:

Совнархоз, Совнархоз,
По какой причине
На дворе стоит мороз,
А дров — ни лучины?

И рядом с этим типичное для всех «кризисов» сравнение с прошлым:

Прежде был антрацит,
А теперь — макуха,
Прежде была девочка,
А теперь — б.....!

Общая разруха вызвала впечатление, что в лозунги разрушения старых критерии управления и жизни входит необходимость уничтожать всё, вплоть до хозяйственного благополучия:

Мы чугунку поломаем,
Всё разрушим мы кругом,
Все мосты мы поснимаем
И потом — пешком пойдем!

Это и привело в конце концов к «шкандыбанью» спекулянтов-мелочников:

Спекулянт, спекулянт,
Куда шкандыбаешь?
— На Украину за мукой,
«Хиба-ж ты не знаешь»?

Последняя малорусская строка в этой частушке северного происхождения поставлена как *bon mot*. В «голодных» частушках чувствуется злоба и злорадство:

Что, Россия моя,
Нос повесила?
Коли с голоду не сдохнешь
Будет весело!

Громче музыка играй
Польки всякие,
На пустых животах
Мы подбрыкаем!

Ко всему этому прибавлялись еще эпидемии:

Как теперь в Совдепии
Нет нигде тарифа:
Умирают господа
От сырого тифа.
Политические расправы и ужасы че-ки, помимо вариации общей частушки —

Попадешь в Ве-че-ку —
Не воротишься... —

выразились не столько в виде страха смерти, сколько в беспомощности, а с другой стороны необходимо было «приспособляться», ибо «Век живи — век ловчись».

Мы играем, поем
Очень весело,
Как бы завтра нас всех
Не повесили!

Православный наш народ
Глаза только пучил,
Как Дэржинский в Ве-че-ку
Ангела замучил.

И ка-дэты, и эс-деки,
И эс-эры — на столбе,
Спекулянты наши в «непе»,
Ка-ве-деки в эркапэ.
К.В.Д. = «куда ветер дует»; эркапэ = Р.К.П. — российская коммунистическая партия.

И после всех переиспытанных развалов, кризисов, арестов и реквизиций, конечно, явилось и сознание собственной глупости, которая заставляла вначале содействовать большевикам, а потом почивать на лаврах непротивления злу:

Запиццали Совдеп
Пулеметами,
А теперь все сидим
Идиотами...

Вся Европа войною
Ослаблена,
А Россюшка нами
Разграблена...

Помимо сознания собственной вины в гибели России, в силу количественного преобладания «ответственных» работников из евреев, как в центрах, так и в провинции, началось поголовное юдофобство. Эта ненависть является общей всем частушкам (добровольческим, советским, эмигрантским...). <...> Об этом же говорят и чисто простонародные, деревенские частушки:

Добровольцы молодцы,
Свое дело знают,
Если жида попадут —
Голову снимают.

Яблочко
Наливается,
Затрет жида Махно
И катается!

Яблочко,
Катись под елочку,
Всех жидов будем вешать
На веревочку!
В Москве ходила прибаутка о «новом сословии»:

Роза из Совнархоза,
Сара, жена комиссара,
Ичке в «Центроспичке».

Прежде знамя впереди,
С его благородьем,
А теперь сидит в тылу
С жидовским отродьем.

Я на бочке сижу,
Подо мною кожа.
Ленин Троцкому сказал:
— Ты жидовска рожа!

И, конечно, известные я: я:
От жидов не уберег
Деникин и Врангель,
Скоро, скоро прилетит
«Михаил Архангел»!¹

Как уйдут большевики
Запоем погромче
И в науку всем жидам
Учиним погромчик!

Издеваясь над самим собой и современностью, неся ее тяжесть, конечно, каждый должен был ей нечестиво противополагать, и эта логическая необходимость вызывала воспоминание о прошлом. Ведь теперь —

Жито — зарыто.
Овес — не дорос,
А пшеницу — за грани.

Жили были царь, царица,
Были хлебец и пасюнка,
А теперь и овес
Реквизует Совнархоз...

Был царь Николай,
Была водочка,
А теперь лишь талон
На селедочку...
<...>

Интересно, что нередко частушки с упоминанием царя лишены политического значения: царь оценивается в них хозяйственно-бытовым довольствием; все частушки этого рода построены на сравнении «прежде» и «теперь», где царь является лишь хронологической датой.

<...>

Еще «котится» «яблочко», а будет ли оно героем? Нет. Вспомните застольную чарочную песенку о «наливном яблочке». «Яблочко» в ней было героем, но в конце концов оно неожиданно оказывалось лишь *средством*, кому поднести чарочку: к кому прикатилось яблочко — тот и герой. Таким же средством оно оказывается и в частушке. Оно изменчиво («с боку синее», «красное», «грублено»...), как изменчивы герои и режимы. И в то время как все гимны и интернационалы поочередно пелись рупором сознательной интеллигенции с мембранный со штыком вместо иголки³, «яблочко» «котилось» всюду и всегда, оно ускользало своей наивностью. В этом отношении можно сказать, что «мужички за себя постояли».

Примечания

¹ Ангел — атаман повстанцев юго-западной части Украины. — Примеч. автора.

² «Союз Михаила Архангела», организация черносотенцев в России в 1908—1917 гг. — Примеч. редакции.

³ Имеется в виду граммофон. — Примеч. редакции.

В.Е. ДОБРОВОЛЬСКАЯ

«КАК РЕВОЛЮЦИЮ ДЕЛАЛИ...» (рассказы о революционных событиях октября 1917 г.)

Устные рассказы о тех или иных исторических событиях привлекали внимание исследователей чаще всего в контексте изучения так называемой семейной истории. Такие тексты адресованы в основном близким родственникам и друзьям семьи. Они могут существовать как в письменной, так и в устной форме и представляют собой своеобразную форму мемуаров¹. Особенno привлекали внимание исследователей устной прозы рассказы о двух событиях XX в. — революции и Великой Отечественной войне. Так как в войне принимали участие неизмеримо большие массы людей, чем в революции, публикаций устных рассказов о событиях военного времени выходило довольно много². Другое дело, что в настоящее время появляются публикации, связанные с ранес не освещавшейся стороной войны (оккупацией, пленом, утоном в Германию и т.п.). С рассказами о революции всё обстоит иначе. Поскольку советская история «точно знала», как и кто делал революцию, никаких «неизвестных страниц» революционного прошлого быть не могло. Поэтому появлявшиеся публикации мало чем отличались от страниц школьного учебника, а социальное происхождение информантов не вызывало сомнений.

Однако существовали и другие мемории о революции. Когда в начале 1960-х г. радио «Свобода» решило подготовить серию программ к надвигавшемуся 50-летию революции, редакция обратилась к свидетелям февральских и октябрьских событий. Историку Алексею Малышеву и главному редактору тематических программ «Свободы» Владимиру Рудину пришлось объездить пол-Европы и пол-Америки, собирая рассказы о революции в одну звуковую коллекцию. К 1965 г. были готовы записи воспоминаний 79 человек: писателей, литературных критиков, историков, художников, адвокатов, инженеров, общественных деятелей старой России³. Их рассказы существенно отличались от тех, что публиковались в СССР.

Однако и те и другие рассказы в большей или меньшей степени соответствуют реальным историческим фактам и в значительной степени могут рассматриваться как исторические свидетельства событий.

Но в то же время в полевых материалах встречаются устные рассказы о революции совершенно иного характера. Их можно было бы назвать псевдо-folk-

history. Если действительная folk-history базируется на сюжетах, восходящих к реальным воспоминаниям, лишь дополненным почерпнутой из иных источников информацией и преобразованным в соответствии с литературными и фольклорными моделями (а также в соответствии с большими или меньшими артистическими способностями рассказчиков⁴), то в данном случае мы сталкиваемся сплошь с ситуациями, когда излагаемое «воспоминание» целиком, в готовом виде было заимствовано из официальных и официозных версий событий (включая кинематографические), а затем дополнялось и преобразовывалось по фольклорным моделям.

Оговорим главные из соответствующих топосов и модификаций, использованных в приведенных ниже псевдовоспоминаниях.

1. Зимний «штурмовали» и «взяли штурмом». В действительности — и первоначально большевистские вожди этого не скрывали — Зимний дворец не штурмовали вовсе. Он был занят в результате постепенного просачивания красногвардейцев через лицензенные охраны участки здания. Однако позднее советская официозная традиция (прежде всего это школа, пресса, фальсифицированные «воспоминания участников штурма», произведения искусства и т.д.) создала

и канонизировала миф о «штурме», широко использованный в приведенных ниже «воспоминаниях». Ключевую роль сыграла сцена штурма Зимнего в фильме Эйзенштейна «Октябрь» (1927 г.), воспринятая миллионами зрителей как документальная съемка. В частности, именно из этого фильма в тексты перекочевала устойчиво присутствующая там сцена преодоления «ворот/ограды».

2. Выстрел «Авроры» был боевым залпом, а стреляла она по Зимнему дворцу. В действительности крейсер произвел «только один холостой выстрел из 6-дюймового орудия, обозначающий сигнал для всех судов, стоящих на Неве, и призывающий их к бдительности и готовности»⁵. Если бы «Аврора» дала по Зимнему боевой залп, от дворца не осталось бы камня на камне. Однако в прессе Петрограда на следующий же день после штурма широко распространялось известие, что «Аврора» стреляла по дворцу и нанесла ему значительные повреждения. Слухи эти возникли частью благодаря впечатлению от выстрела, а частью — из-за наложившегося на него свидетельства о том, что орудия Петропавловской крепости действительно произвели через реку два-три демонстративных выстрела по Зимнему, а из полевого орудия, поставленного под арку Главного штаба, был произведен еще демонстративный

Сцена из массовой инсценировки «Взятие Зимнего дворца» на площади Урицкого в Петрограде. 7 ноября 1920 г. Из книги: Агитационно-массовое искусство: Оформление празднеств: Таблицы. М., 1984. Ил. 196

выстрел по карнизу дворца. Кроме нанесения незначительного вреда карнизам и стенам, другого результата эти выстрелы не имели и не должны были иметь. У наших информантов мотив «залпа "Авроры" по Зимнему» разрастается, дополняясь выдумкой, что сама команда крейсера участвовала в штурме. Интересно, что рядом с крейсером при этом появляется броненосец — несомненно, это совмещение двух «знаковых революционных кораблей» советской традиции: крейсера «Аврора» и броненосца «Потемкин».

Алогичем фольклоризации является рассказ о том, что стреляла «Аврора» торпедой, украшенной с царского склада матросом Железняком.

Появление в одном из рассказов о падении Зимнего дворца одновременно царя, Керенского и Ленина⁶ является примером фольклорно-этнического стяжания. Благодаря такому же стяжению в другом рассказе Зимний штурмует сам Будённый, а в третьем — его обороняют «белые генералы».

3. Керенский бежал от штурмующих, переодевшись в женское платье. Рассказы данной группы основаны на слухе, возникшем в Петрограде почти сразу после переворота и также канонизированном советским официозом. В действительности Керенский еще до осады Зимнего беспрепятственно выехал из Петрограда. Рассказ о его бегстве в женском платье — это прежде всего унизительный для врага слух, который одновременно призван объяснить, почему Керенского (в отличие от всего Временного правительства) не оказалось в Зимнем дворце при его взятии. Причиной возникновения этого рассказа, возможно, стали два реальных факта. Первый связан с произошедшим за несколько лет до революции нашумевшим в прессе бегством в женском платье монаха Илиодора (Труфанова), враждебавшего с Распутиным. Второй — действительное бегство преодетого Керенского из Гатчины через несколько дней после падения Зимнего (однако преодет он был *матросом*). Оба эти события, вполне вероятно, могли быть известны тем «авторитетам» (дядя, бабушка, дед, «один умный человек»), на которых ссылаются информанты.

4. При взятии Зимнего дворца ожесточенное сопротивление большевистским силам оказывало — и в результате жестоко пострадал — «женский батальон». В действительности «женский батальон», вызванный на охрану дворца, в боевых действиях участия не принимал. Перед лицом неминуемого занятия Зимнего дворца силами большевиков он сдался «осаждющим» еще до того, как они начали в большом количестве проникать в здание. Женщины были отконвоированы в гвардейские казармы, где провели ночь под охраной. По газет-

ным сообщениям, три из них были при этом изнасилованы, одна из них погибла. Преувеличные слухи об их героическом сопротивлении и потерях стали распространяться сразу, а вот в «стиль дочерей и жен царских генералов» они превратились только много лет спустя. В 1917 г. женские батальоны были символом революции и народного порыва, и никому не пришло бы в голову ассоциировать их со старым режимом и его генералами.

Любопытно, что практически не исажена сцена разгона Учредительного собрания. Стоит оговорить только смещение Учредительного собрания с Временным правительством в одном рассказе, превращение реплики Железняка в устрашающий мат — в другом и, наконец, замену разгона собрания расстрелом его участников — в третьям.

Приведенные ниже тексты записаны в конце 1990-х гг. и начале XXI в. в Московской, Ярославской, Ивановской, Вологодской и Архангельской областях. Отметим, что фиксация данного материала носит случайный характер. Мы никогда не ставили целью записывать рассказы о революционном прошлом. С нашей точки зрения, сбор материалов по микроистории нуждается в создании тщательно продуманной программы, которой на данный момент не существует.

Мы не утверждаем, что все устные рассказы о революции далеки от исторической действительности так, как приведены ниже. Очевидно, существуют и более достоверные тексты, но, к сожалению, в нашем распоряжении их нет.

Взятие Зимнего

1. Мне вот дед рассказывал, как они Зимний брали. Зимний дворец в Ленинграде в революцию. У них там броненосец стоял в Неве рядом с «Авророй». И вот, значит, как с «Авроры» стрельнули, так, значит, их команда сошла на берег и пошла брать Зимний. Они были революционеры.

Подходит к Зимнему, а ворота закрыты. С той стороны щеколда и рукой-то в решётку не пролезть. И щеколда огромная — один человек не откроет. Вот они, они же матросы, они по роям лазят, паруса натягивают, и полезли через эту ограду. [Так ваня дедушка на броненосце служил!] Ну и что, тогда же всё парусное было, паруса везде. Вот, значит, они перелезли, а по ним из пушек плюют, ядра так и летают. Много матросов там полегло, но много и в Зимний прибежало. Вбегают в Зимний, а там царь на троне сидит и министр его, Керенский. Они их всех связали — и в тюрьму. А тут открывается дверь и входит в залу золоченую Ленин и говорит: «Революция случилась, и вся власть народу!»

Вот так мой дед Зимний брал (Григорий Фёдорович Заполин, 1914 г.р., д. Морево Рузского р-на Московской обл.).

2. Мне дядя рассказывал, что он в детстве видел, как Зимний брали. Он служил в Питере у сапожника, и его отправили сапоги нести кому-то, рядом с Зимним кто-то жил.

И вот он идёт и сапоги несёт, а его обгоняют матросы, солдаты. Все бегут куда-то. Вдруг видят — скачет человек в будёновке и с шашкой, и усы у него огромные. Это уж он потом понял, что Будённого видел. Вот скачет, и за ним полк солдат. И вот прискакали к ограде Зимнего, а ворота-то и закрыты. Тут уж матросы через ограду перелезли и взломали ворота. И Будённый со своей конницей так прямо и прокакал по лестнице и шашкой всех юнкеров побубал. Так вот дядя рассказывал (Федор Терентьевич Баринов, 1919 г.р., Вичугский р-н Ивановской обл.).

3. Бабушка рассказывала, она в нянках была там. Когда «Аврора» выстрелила. Всё пусто на улицах было. И вот только военные бежали к Зимнему, а оттуда стреляли, и они стреляли. И вот матросы ограду Зимнего всю разобрали, ворота открыть не смогли и всю ограду раскурочили, и говорят, что и у Летнего сада решётку сняли и сид таращили двери. А потом вроде как собрали всё и восстановили. Но это она неуверенно говорила, а у Зимнего всю ограду сняли и ей все двери-то и таращили. Разломали всё. Ворвались в Зимний, а там белые генералы оборону держали, вот тут уж стрельба началась. Она очень испугалась. [А ваша бабушка в Зимнем в нянках была?] Нет, она говорила, что где-то на Охте служила. Но стрельба ужасная стояла. Стреляли из пушек, из гаубиц, в общем, кругом дым. Очень много убитых было (Валентина Константиновна Деденко, 1927 г.р., пос. Колобово Шуйского р-на Ивановской обл.).

4. Я помню только, что мне вот дядя рассказывал. Он в армии тогда был. Солдатом в Питере. Их рота революционная была. Они брали Зимний. Именно их рота, и на крыше его друг установил красный флаг. Очень много убитых было и раненых. Белые защищались долго, много дней и ночей бились. Но взяли Зимний. На лестнице белой много красной крови пролилось, но и белые были побиты (Нина Владимировна Лобанова, 1934 г.р., пос. Тихменево Рыбинского р-на Ярославской обл.).

Выстрел «Авроры»

5. Говорят, что когда «Аврора» выстрелила, она пробила дыру в стене Зимнего дворца. И даже вроде как эту дыру сохранили, чтоб, значит, видели (Серафима Прокопьевна Савенкова, 1908 г.р., г. Пощекино Ярославской обл.).

6. Мне рассказывали, что на «Авроре» снарядов не было. И вот, чтоб, значит, подать сигнал, матрос Железняк пробрался на царские склады и украл там торпеду. И с риском для жизни её на корабль, через заслоны пронёс. И вот ей и стрельнули по Зимнему, окна выбили (Клавдия Ивановна Борисова, 1939 г.р., пос. Двинский Верхнетотемского р-на Архангельской обл.).

7. Говорят, что когда «Аврора» стреляла, выстрелов было несколько, и одним выстрелом... И один выстрел пробил крышу Зимнего дворца, а второй попал в Адмиралтейство, и сгорели все карты, которые там были (Иван Кузьмич Прохоров, 1922 г.р., пос. Красный Профинтерн Некрасовского р-на Ярославской обл.).

Бегство А.Ф. Керенского

8. Вот все пишут, что Керенский бежал в женском платье. А что и как, не говорят. Он надел форму сестры милосердия, с таким плащом беленским, и вот в таком виде бежал из Зимнего дворца, из спальни императрицы. Он в ней стал (Зоя Федоровна Туманова, 1934 г.р., пос. Колобово Шуйского р-на Ивановской обл.).

9. Керенский спал в спальне царицы, когда начался штурм Зимнего. Он схватил какие-то царские шмотки, платье царицы и вот в нём и побежал. В царственном платье убежал (Александра Ивановна Тебякина, 1933 г.р., г. Гаврилов-Ям Ярославской обл.).

10. Большевики женщин не трогали, и Керенский это знал. И вот у него заранее было приготовлено женское платье — у кухарки какой-то купил. И вот, когда Зимний взяли, он по подземному ходу в этом платье бежал из Зимнего (Зинаида Сергеевна Москалёва, 1945 г.р., г. Тугаев Ярославской обл.).

11. Керенский бежал в женском халате и чеше, раньше в чепцах спали, и он у своей любовницы взял, чтоб спастись. И он бежал из Зимнего по снегу босиком и в женском халате. И его не узнали (Клавдия Ивановна Воронова, 1925 г.р., с. Верхний Ландех Верхнеландеховского р-на Ивановской обл.).

Разгон Учредительного собрания

12. Учредительное собрание было в Зимнем дворце, и его надо было разогнать, чтоб советскую власть установить. И вот пришел матрос Железняк и привёл свой отряд и говорит: «Караул устал!» — и, мол, идите все отсюда. И так разогнали Учредительное собрание (Дарья Кузьминична Рогожина, 1923 г.р., г. Вичуга Вичугского р-на Ивановской обл.).

13. Мой дед всегда вспоминал, что, когда разгоняли Учредительное собрание, матрос Железняк их всех таким матом покрыл, и они испугались, что он стрелять будет, и разбежались (Иван Петрович Кружилин, 1918 г.р., д. Цубки Рузского р-на Московской обл.).

14. Надо было разогнать Временное правительство, и тут один матрос придумал, что надо к ним прийти и сказать: «Караул устал», — и они поймут, что их некому охранять, и разойдутся. Так всё и случилось. Струсили они и разбежались (Анна Алексеевна Мишина, 1927 г.р., г. Вичуга Ивановской обл.).

15. Разгон Учредительного собрания был ужасен. Пришли матросы и пулеметом всех, кто там был, постреляли. Говорят:

«Караул устал вас сторожить, пора отдохнуть». Выпустить их было нельзя, вот когда матросам захотелось отдохнуть, они и постреляли всех, чтоб кто-нибудь не убежал (Екатерина Михайловна Горбунова, 1934 г.р., пос. Мудьюга Онежского р-на Архангельской обл.).

Оборона Зимнего дворца женским батальоном

16. Зимний дворец охранял только женский батальон. Уж почему так получилось, я не знаю. А в женском батальоне были только дочери царских генералов. И вот они защищали Зимний. Вот все говорят, что взяли его почти без боя, а это не так. Эти девушки бились до последнего. Все в таких платьях красивых, и стреляли и дрались. Они храбро сражались, только об этом нельзя было говорить (Александра Александровна Баркова, 1921 г.р., пос. Чебсара Шекснинского р-на Вологодской обл.).

17. Зимний дворец защищал женский батальон. Принято считать, что это какие-то недалекие бабёнки были, а там, мне один умный человек говорил, дочки и жёны генералов были. Их специально учили. И они защищали царя до последнего. И только когда убили всех, смогли царя с семьёй захватить (Екатерина Андреевна Дронова, 1928 г.р., пос. Кадуй Кадуйского р-на Вологодской обл.).

Примечания

¹ Подробнее об этом см. Разумова И.А. Письменные традиции современной семьи: проблемы собирания и изучения // «Наивная литература». Исследования и тексты. М., 2001. С. 93—115; Блажес В.В. Из уст в уста // Традиции семьи. Свердловск, 1988. С. 103—110; Бредников О. «Семейная и коллективная» память (способы конструирования этнической идентичности) // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. СПб., 1997. (Центр независимых социологических исследований. Труды; Вып. 5). С. 70—74.

² См. например: Гончарова А.В. Устные рассказы Великой Отечественной войны. Калinin, 1974; Доманский Л.В. Устные рассказы // Фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л., 1964. С. 194—239; Минц С.И. Устные рассказы жителей Малоярославца // Фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л., 1964. С. 384—390; Спустя полвека: Народные рассказы о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Курган, 1994; и т.п.

³ С конца 1960-х гг. материалы хранятся в Отделе устной истории Колумбийского университета в Нью-Йорке.

⁴ Хофман А. Достоверность и надежность в устной истории // Биографический метод в социологии: история, методология и практика. М., 1994. С. 42—50.

⁵ Сообщение революционного судового комитета «Авроры», командовавшего кораблем, опубликованное в «Правде» 27 октября 1917 г.

⁶ Ср. в публикуемых ниже текстах гибридизацию «Авроры», «Потемкина» и боевых парусников XIX в., а также орудий 1917 г. с пушками, стреляющими ядрами, или помещение Железняка на «Аврору».

Письмо крестьян В.И. Ленину

Публикуемый текст (копия) был обнаружен во время экспедиции ГРЦРФ в Селивановский район Владимирской области в Музее истории и трудовой славы Новлянского крахмально-паточного завода (пос. Новлянка). Оригинал хранится во Владимирском областном архиве (р. 24, оп. 1, д. 1, л. 1070).

ПРОСЬБА
дер. Маланыно
Тучковской волости
7 ноября 1917 года

Товарищу
Владимиру Ульяновичу Ленину

Осмелываемся обращаться к Вам с покорнейшей просьбой, так как мы организовали между собой партию для борьбы с капиталистами.

Следующие лица: Матвей Родионов, Ефим Попков, Иван Попков, Василий Анфимов, Алексей Зуйков. Выслать нам на каждого товарища по одному нагану и Браунингу, так как вокруг нас много помещиков и фабрикантов, которые к нашей партии неприсоединяются и угрожают оружием, а мы совершенно обезоружены и борца с ними не в силах, но они наши кровожадные пауки, все вооружены и мы с ними ничего неможем сделать. Все покорнейши просим Вас товарищ Владимир Ульянович выслать нам по одному Револьверу, а что либо потребуются Вам документы и удостоверения, то немедленно представим.

В чем подписываемся с приложением общественной печати

1. Матвей Иван. Родионов
2. Ефим Попков
3. Алексей Зуйков
4. Василий Анфимов
5. За неграмотного расписался М. Родионов

Сельский староста: Михаил Кузнецов

Деревня Маланыно Тучковской волости Судогодского уезда Владимирской губернии.

Публикация
М.Д. АЛЕКСЕЕВСКОГО
(Москва)

А.А. НЕМИРОВСКИЙ

СЛУХИ И СПЛЕТНИ В БЕЛОГВАРДЕЙСКОМ ЛАГЕРЕ

1. «Злые гении» и безответственные кутилы. Характерное для любой войны стремление найти в случае неудач «козлов отпущения» порождало в офицерской среде белых армий слухи прежде всего двух видов: о «злых гениях» армии и о начальниках-кутилах, «пропивающих» города. «Злой гений» армии — это старший начальник, имеющий личное и и/или должностное влияние на командующего и использующий это влияние с катастрофическим результатом для дела (по причине тщеславия, бездарности, склонности к интригам или по изменническим мотивам). Начальник-кутила — это, может быть, и храбрый, но безответственный начальник, настолько погруженный в пьянство, что результатом его командования становится потеря того или иного города; в этом случае говорилось, что такой-то «пропил город» или «пропил край». Так, по циркулировавшим среди добровольческих офицеров слухам, генерал Боровский «пропил Ставрополь» (Боровский имел в армии репутацию большой личной храбрости, но сильно запивал. По общим отзывам, это последнее и послужило причиной оставления Ставрополя нашими войсками. В армии говорили, что генерал Боровский «пропил Ставрополь»¹), а потом «пропил Крым», а генерал Май-Маевский «пропил Харьков». И тех и других начальников слухи охотно обвиняли в хищении.

Главным «злым гением» военного фольклора Вооруженных Сил Юга России были, бесспорно, генерал Романовский, начальник штаба при Деникине (в результате он был убит офицером-монархистом). Деникин кратко и совершенно точно объяснил эти слухи: «Психология общества, толпы, армии требует "героев", которым все прощается, и "виновников", к которым относятся беспощадно и несправедливо. Искусно направленная клевета выдвинула на роль "виновника" генерала Романовского». Протопресвитер Георгий Шавельский писал Деникину об одном своем разговоре с Романовским: «Иван Павлович <...> спросил меня: "Скажите, в чем меня обвиняют?" — "Для клеветы нет границ, — ответил я, — во всем. Говорят, например, что Вы на днях отправили за границу целый пароход табаку, и дальше в этом и другом роде". Действительно, чего только не велили на него [Романовского] бедную голову: его

АЛЕКСАНДР АРКАДЬЕВИЧ НЕМИРОВСКИЙ, канд. ист. наук; Ин-т всеобщей истории РАН (Москва)

считали хищником, когда я знаю, что в Екатеринодаре и Таганроге для изыскания жизненных средств он должен был продавать свои старые, вывезенные из Петрограда вещи; его объявили "жидомасоном", когда он всегда был вернейшим сыном православной церкви»².

В собственных воспоминаниях Шавельский пишет о том же: «Романовского, можно сказать, обвиняли во всем, в чем только можно обвинить человека: даже и в измене, и в хищениях, и во франкмасонстве»³, упоминая, что слух о том, как Романовский отправил из Новороссийска «целый пароход табаку» на продажу в свою пользу, был высказан на офицерском собрании. Протоиерей Владимир Востоков как правдивое свидетельство передает слух о том, что Романовский был изменником, сочувствовавшим большевикам: «...генерал Романовский (убитый впоследствии, кажется, в Константинополе за его сочувствие красному интернациональному...)»⁴. Ср. запись в дневнике другого черносотенно настроенного лица, графа Ю.П. Грабе: «Винавер, Астрев, Романовский и другая окружающие Деникина сознательно стараются разложить Добровольческую армию до соединения её с Колчаком» (запись от 7.04.1919)⁵. Офицеры Дроздовского рассказывали, что их командир, соединившись после долгого похода с силами Добровольческой армии, в радостном настроении поехал на встречу с ее командованием, но вернулся в подавленном настроении, так как увидел, что начальником штаба армии является Романовский. «На вопросы окружающих Дроздовский отвечал: "Там Романовский — не будет счастья"»⁶. Р. Гагкуев справедливо указывает, что в действительности при первой встрече с Романовским Дроздовский ничего плохого о нем говорить и думать еще не мог; таким образом, приведенный рассказ о пророческом замечании Дроздовского придуман дроздовскими офицерами задним числом. В том же очерке Р. Гагкуева приведены и другие слухи, ходившие в среде дроздовцев о Романовском. В своих воспоминаниях дроздовские офицеры писали, излагая эти слухи как правду, например, что Романовский «по приказу масонских организаций решил добиться увольнения из армии полковника Дроздовского». Сам Дроздовский, пытаясь увещевать своих офицеров, «внушал им <...> всю неосновательность доказательств того, что генерал Романовский — "злой гений" армии», но особого успеха эти уверения не имели.

Главным же «генералом-алкоголиком», по распространенным в армии и тылу слухам, несомненно, являлся генерал Май-Маевский, знаменитый командующий Доброармий в пору ее высших успехов. Характерным примером является книга В.Н. фон Дрейера «Крестный путь во имя родины». Сам фон Дрейер не был допущен в армию Деникиным и о Май-Маевском знал только по слухам, распространенным в части армейской среды, близкой Врангелю и враждебной Деникину и его выдвиженцам (к числу которых относился и Май-Маевский). У фон Дрейера Май-Маевский — «генерал-алкоголик», «своим примером развязавший войска», «чуть не каждый вечер в центре города, в лучшей гостинице устраивавший грандиозные попойки», на которых он до утра плясал и веселился под звуки музыки; «получив законченное военное образование, будучи по природе человеком храбрым, Май-Маевский опустился, пил запоем, редко был трезв и в таком состоянии ему море было по колено. Часто перед атакой он въезжал чуть не в самые цепи на автомобиле, с трудом выволакивал из него свое тучное тело и, пошатываясь, шел впереди всех, не обращая внимания на самый бешеный огонь противника»⁸. О пьянстве Май-Маевского те или иные лица пишут ровно в той мере, в какой они были от него далеки, и исключительно по слухам и доносам. Алкоголиком его attestуют те, кто его не видел вовсе; те, кто сначала встречался с ним какое-то время, а потом терял его из виду (наподобие генерала Штейфона), переносят пьянство Май-Маевского как раз на тот период, когда они с ним уже не встречались, а применительно к более раннему времени, когда они виделись, такого не припоминают⁹. Наконец, знаменитый «адъютант его превосходительства» П.В. Макаров, пробывший рядом с Май-Маевским все время вплоть до его увольнения в резерв, никаких сцен запойного пьянства в своих подробных «юдосоветских» воспоминаниях не описывает вовсе¹⁰.

Сюжет о роковых запоях Май-Маевского обвязан своим существованием скорее тому, что народная молва, как армейская, так и обычательская, нуждалась в поисках «козлов отпущения» за проигранные кампании и предпочитала наиболее элементарные объяснения.

2. «Игра в руку большевикам». Не менее распространены были слухи о том, что старшие начальники и командующие из ревности друг к другу стараются не

оказывать друг другу поддержки. «Адъютант его превосходительства» П.В. Макаров в своих воспоминаниях, по своему обыкновению представляя себя очевидцем того, о чем знал только по слухам, рисует следующую сцену, отражающую эти слухи: «Деникин разговаривал с Май-Маевским <...> Прощаясь, Деникин озабоченно распорядился:

— Вы всё-таки, Владимир Зенонович, не очень двигайте ваши доблестные части. Колчак подходит к Вятке, перейдет Волгу, займет Нижний Новгород, а там и Москва. Мы можем остаться за бортом: пусть его немного осадят. А Москву мы всегда успеем взять»¹¹.

Аналогичные истории распространялись в военных кругах и про самого Колчака¹², и про Врангеля: «В последние дни в Новороссийске появились какие-то прохвости, которые по кофейням и ресторанам распространяют слухи, что Врангель из-за личных к главному командованию отношений бросил армию в самый критический момент, и стараются возбудить публику против него»¹³, и про Кутепова: офицерам «невольно вспомнились слухи о его (Кутепова) неладах с генералом Деникиным и о "подкапывании" [Кутепова под Деникина]»; «Слухи и сплетни <...> — сожалением комментирует этот эпизод сам Кутепов, — и тогда создавали настроение начальников»¹⁴. Разумеется, в слухах роль злодея, тайно врывающего «своим» из зависти и ревности к ним, особенно приставала к «злым гениям». Когда, получив ранение в ногу, генерал Дроздовский после тяжелой болезни умер от ее последствий, в его дивизии и офицерской среде в целом распространялись слухи, что Дроздовского намеренно «заселили» по приказу все того же Романовского. Об этом пишет «дроздовский» офицер, позднее генерал Туркул: «Разные слухи ходили о смерти генерала Дроздовского. Его рана была легкая, несчастная. Вначале не было никаких признаков заражения. Обнаружилось заражение после того, как в Екатеринодаре Дроздовского стал лечить один врач, потом скрывшийся»¹⁵, с несколько более ясными намеками — офицеры, подготовившие первое издание дневника Дроздовского (во вступительном очерке они писали: «Это легкое пулевое ранение потребовало почему-то восьми операций. Два месяца тянулось заражение крови, поговаривали о тифе, о систематическом медленном отравлении, во всяком случае, почему произошло заражение крови — осталось загадкой, таинственной и необъяснимой»¹⁶).

3. Подмены и воскрешения. Классические рассказы о том, что такие-то люди — вовсе не те, за кого себя выдают, а знаменитые лица, официально объявленные погибшими, как и рассказы о

том, что такие лица на деле не погибли и где-то до поры скрываются, ходили и о популярных белых военачальниках¹⁷. О генерале Корнилове «в Крыму ходила легенда, что он не убит, а намеренно скрылся в народе и подготовляет его, а потом встанет оять во главе и прочее...»¹⁸. Еще более яркие рассказы передавались о генерале Слащеве: «Ходила про него в Крыму легенда, что он совсем не Слащев, а великий князь Михаил Александрович. Разумеется, это фантазия, но и она говорит о той легендарности, какой окружено было его имя»¹⁹.

4. Еще один тип армейских слухов — легенда о лихом и дерзком подчиненном, который не боится своих начальников; наоборот, они откровенно боятся его, и он добивается от них всего, чего хочет. В Доброармии такие слухи ходили о казачьем генерале Шкуро (выпавшего из белых партизан и действительно отличавшегося лихостью). П.В. Макаров передает два таких слуха как истинные события: «...не для Шкуро писались приказы! На одном из секретных заседаний, в присутствии всего генералитета, Романовский обратился к Деникину:

— Антон Иванович, в корпусе Шкуро идут грабежи, пьянство, неодчинение, полнейшая вакханалия. Нужно обратить внимание, так дальше продолжаться не может!

— Андрюша, пора бы покончить с расхлябанностью и восстановить порядок, — мягко сказал Деникин.

Шкуро <...> дерзко произнес:

— Я знаю, что делаю! Хотите, завтра не будет ни Деникина, ни Ленина, ни Троцкого, а только батько Махно и батько Шкуро!?

Угроза генерала напугала собрание <...> Еле-еле удалось умилостивить Шкуро»²⁰.

«Когда генерала Покровского произвели в генерал-лейтенанты, Шкуро пришел к Май-Маевскому в кабинет и закричал еще с порога:

— Отец, что это значит?! Покровский произведен, а я что, хуже его, что ли? Завтра к девяти часам произвести меня в генерал-лейтенанты! Иначе сам знаешь, что может получиться... Они меня доведут, что я с корпусом вместо фронта поеду в Екатеринодар [Ставку Деникина] и кого надо повешу». Далее, согласно Макарову, Май-Маевский немедленно передал Деникину по «прямому проводу», что Шкуро «необходимо по телеграфу произвести в генерал-лейтенанты», и «спустя несколько часов штаб армии получил телеграмму Деникина о производстве Шкуро в генерал-лейтенанты»²¹.

5. Фольклоризации в офицерской среде подвергались иногда мотивы

действий начальников, например, распространялся следующий слух о том, почему Ставка Деникина требовала штурмовать и взять Бердичев (декабрь 1919 г.): «Среди команд наших бронепоездов распространился слух о том, что военные действия у Бердичева вызваны главным образом решением наказать этот город. В 1917 году генералы Деникин и Марков были арестованы в Бердичеве за свое стремление помочь генералу Корнилову. Арестованных генералов вели под конвоем на вокзал по улицам города. Находившаяся под влиянием большевиков толпа всячески их оскорбляла и им угрожала. Теперь, через два с лишним года, обитатели города должны были понести наказание в виде артиллерийского обстрела»²².

Примечания

¹ Врангель П.И. Записки. Т. I. М., 2003. С. 142.

² Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. М., 2003. Т. 5. Гл. 38. С. 792 и сл.

³ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. Гл. 12. С. 403.

⁴ Владимир Востоков, прот. Розы и шипы. Ч. 2. Сан-Франциско, 1954. С. 9 и сл.; цит. по: Вениамин (Федченков), митрополит. «Послужи народу...». Два сорокосета. М., 1999. Примеч. 35.

⁵ Грабе Ю.И. Дневник. Цит. по: <http://portal-credo.ru/site/index.php?act=lib&id=1319>.

⁶ Гагкуев Р. Дроздовский — Романовский — Деникин // Дроздовский и дроздовцы. М., 2006. Электрон. ресурс. Адрес доступа: <http://www.rusk.ru/vst.php?idar=323804>.

⁷ Там же.

⁸ Дрейгер В.Н. фон. Крестный путь во имя родины. Берлин, 1921. С. 41.

⁹ Штайфон Б.А. Кризис добровольчества. Белград, 1928. Цит. по: Белое Дело. Т. 7. М., 1996. С. 249—250, 279.

¹⁰ Макаров П.В. Адъютант генерала Май-Маевского. Л., 1927—1929; Он же. В двух схватках. Симферополь, 1957; Он же. Партизаны Таврии. М., 1960.

¹¹ Макаров П.В. Адъютант его превосходительства — кто он? М., 1992. С. 18.

¹² Деникин А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 497.

¹³ Там же. С. 766.

¹⁴ Там же. С. 810.

¹⁵ Туркул А. Дроздовцы в огне // [перев.]. Я ставлю крест... М., 1995. С. 29.

¹⁶ Дроздовский М.Г. Дневник. 1923; цит. по: Гагкуев Р. Указ. соч.

¹⁷ Ср. с известным фольклорным мотивом «возвращающегося избавителя» (см., например: Чистов К.В. Русская народная утопия. СПб., 2003). — Примеч. редакции.

¹⁸ Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. С. 198.

¹⁹ Там же. С. 1999.

²⁰ Макаров В.П. Адъютант... С. 14—15.

²¹ Там же. С. 18.

²² Власов А. О бронепоездах Добровольческой армии // От Орла до Новороссийска. Россия забытая и неизвестная. Т. 20. М., 2004. С. 540.

Д.Е. СИДОРОВА

«ДУМЫ ЛЕТЯТ КВЕРХУ — МЕЧТЫ ПАДАЮТ В ПРОПАСТЬ...»

Из дневника за 1906 г.

Публикуемый фрагмент дневника Домны Ефимовны Сидоровой (велся с 1905 по 1962 г.)¹ относится к 1906 г. Действие публикуемого отрывка происходит в д. Ярошеницина в 20 верстах от Смоленска в большой крестьянской семье Жунтовых (девичья фамилия Домны Ефимовны). Автору — Доне — только что исполнилось 13 лет, она заканчивает 3-й класс сельской школы в уездном городе Верховской волости в 8 верстах от ее родной деревни.

В публикуемом отрывке звучит тема ожидания святой Свободы. Евангельские мотивы и народная мифология вплетены в контекст живого рассказа 13-летней девочки, пишущей разговорным языком, не без наивности, но и не без лукавства (игра словами, нарочитая скромость и т.д.). Автор увлекается «складами», перемежая речь «рихмами», которые воспринимаются как Божий дар.

Подлинник написан чернилами в общих тетрадях. В публикации исправлены орфография и пунктуация, при этом сохранены диалектизмы и характерная народная огласовка отдельных слов.

Воскресение. Какая радость — широги капустные! А тут дед обряд ведет. Поставил нас в ряд. Нас [детей] семь человек. Сам стал у стола, начал читать молитвы нараспев, да так много! Демка говорит: хотя б забыл какую — пироги остынут. Наконец поклон — и за стол. Я говорю: «Деда, у тебя память хорошая, иди с нами учиться, мы тебе пятерки будем ставить». Он поглядел на меня сентябрем: «А ты, — говорит, — складыня, не зубать. Что мне надо — я научился самому; будет болтать. К масленой не сплеть тебе хорошие лапти! Ходи, как Хибри Барсукова!»² — «Деда, — говорю, — почему вы все меня не хотите понять?» — «А ты, — говорит, — сама подумай: лезешь в запретные дела, то и гляди накличешь греха со своими складами. Да, недолго попасть в ловушку».

«Придет, дедушка, Свобода,
увидит трудности народа,
как солнце, согреет,
как мать, пожалеет»³.

А сама вытерла фартуком глаза. Дед заметил: «Да ты что, никак плачешь? Вот глупая. Заучила: слабода, слабода». — «Не слабода, — говорю, — а свобода. Поедем, — говорю, — на волю [в Семиречье], там нет полицаев. Вот раздолье будет! Люди там некресты, бусурманы — хороши!»

Летели дни за днями.

Масленка тут как тут,
нам блинов напекут,
и помажут, и покажут —
а покушать не дадут.

Суббота — два урока, все домой. Нам топать восемь верст. Учитель меня позвал к себе. «Но, — говорит, — стихогиует, будь умницей. Я получил извещение: за мной следят. Забудь про все [разговоры о политике]. Ты ребенок, останься несмыщенейшим, я прошу тебя ради твоих родителей». — «А зачем, — говорю, — следят? Вы не главной, только политик, а забирают большевиков». Говорит: «Всех забирают. Вот записка, передай брату, он тоже молод, может пострадать. Забудь те строки о царе и больше не пиши. Обещаешь?» — «Обещаю». — Запрягала записку за пазуху. — «Да, моя девочка, ты — самородок редкий, я так боюсь за тебя. Могут спросить про меня — не говори — секрет большое дело». — «Нехай спрашивают, я им наговорю семь вёрст до небес да все лесом»⁴. Учитель поглядел

меня по голове и сказал: «Матрена ты моя в лаптях! Придет время — ты далеко уйдешь и других за собой поведешь». — «Мы, — говорю, — летом на волю поедем. Я даю клятву сохранить все, что вы посеяли в мое сердце. Золотые семена, которые ладут много, много плода. Я нигде не забуду вас никогда!» Он поцеловал меня в голову и ушел. Не хотел показать своей слабости, но я заметила его слезы. Стою, как безумная, и думаю, почему так тяжело⁵, как будто я его вижу последний раз... <...>

Прошла домашняя теплая ночь. Воскресенье. Давай готовить ледянки. «Масленка! Все на катушку!» Дед мне новые лапти сшил по новой моде, я обула — затягивала и заплела: «Ах, лапти мои ненаглядные, и красивые, и нарядные! Давай, — говорю, — деда, я тебя в щеку поцелую». Он говорит: «Да я тебе к Пасхе ботинки куплю». Вот, думаю, счастье! Мне с января тринацатой идет, первые ботинки — какая радость!

Началась, как у нас говорят, широкая Масленица. Но што тут? Не успели разбежаться. Как неделя пролетела — пятница. Я, видимо, простыла, у меня жар. <...>

Я уснула, вижу сон: иду я лесом, без тропы без дороги, запинаются ноги. Всюду штапки порхают — совы спят, отыхают. А я все иду и иду. Сучки меня царапают, лес дремучий, я заблудилась. Пробираюсь вперед и вперед, не знаю, куда я иду. Шла-шила — стало совсем темно. Боюсь. Зайка пересек мне дорогу — мне стало весело: я знаю, скоро выйду. Лес начал редеть. Вышли я, гляжу — гора. Я полезла на гору. Из-за тучи показался месяц — луна. Лезу я, лезу, — как будто меня кто назад тянет. На горе стоит какой-то маяк, на нем огонек светит. Но, думаю, все, теперь не страшно. Раз есть огонек — есть живая душа: кто-то зажег свет. Я не стала бояться. Лезу выше. Стала подходить к маяку, за ним море так сильно шумит, из моря — туман. Я остановилась рядом с маяком — тень человека! Повернулась тень — я заметила лицо учителя. Я закрыла глаза, стою, мне стало страшно и раностно. Открыла снова — вижу учителя. Я не пошла дальше, думаю, столб волшебный. Поднялся страшной вихорь, дереря с корнем ворочает. Я поймалась за дерево, но, думаю, погибель пришла. Маяк закачался и упал. Я побежала на берег: где стоял маяк — образовалась пропасть глубо-

кая. Я нагнулась, гляжу — никого не вижу, а голос учителя слышу: «Жунтова, что ты стоишь? Иди вперед, люби русский народ. Ты не одна — пусть осветит луна. Совесть и правду береги — не сломят тебя враги. Верь в борьбу народа, не сегодня-завтра будет свобода». Я повторила: «Придет свобода!» — да так громко сказала, мама услыхала. Подошла: «Доня, ты что трусишь? У тебя бред, жар». — «Нет, — говорю, — ничего у меня нет. Я видела страшный сон». Рассказала сон матери, она тяжело вздохнула и говорит: «Сон недоброй. Полетел в пропасть — быть беде. Каждой гадал по-своему, а главное, на пятницу сны сбываются»⁶.

Все судили и рядали,
но ответ не находили,
много говорю тут было,
мое сердце горько ныло.

Все разошлись. Я осталась одна. Думаю мучаст. Куда пойти погадать? Заходит цыганка. Я говорю: «Дарья, разглагай, милая, сон страшной». — «Давай, — говорит, — бери три карты». Я вынула трясущимися руками, долго гадала. Поглядела на меня: «О ком ты убиваешься — червонной король — в казенном доме при слезах. Вот, поняла?» — «Да, — говорю, — поняла». Я подала пятак, она: «Да ты что, смеешься? Прибавь». Я говорю: «За плохую ворожбу и пятака-то жалко». Цыганка ушла. Я долго думала. Пришли подружки: «Ношли, масленая кончила, сегодня прощальный день. Погляди ты, на улице веселье какое!» Я пошла, гляжу — школьники балуются да девки с парнями целуются.

Масленица в цветах, как невеста,
уступает Посту свое место.

Дед Антип подгулявший идет и поет: «Ах ты доля, моя доля, доля бедняка, до чего ж ты, моя доля, тяжела-горька». Тут на него закричали: «Дед Антип! Масленая уехала на тройке! Чуешь?» Звон раздался в соборе Новосельской церкви: бом-бом — так уныло. Все по домам. Антип пошелся домой.

Понедельник. Батя запряг Сивуху, служили все свои пожитки, поехали [в школу]. Последняя четверть — а там гуляй. Приехали. Мальчики заняли свои нары, а я чулан. Надо ж быть такому — одна [девочка] среди всех. Даника и Парашка домой ходят, а я, беднята, учебу ругают да крыс пугают.

Утро — все на молитву. Урок вела Надежда Ивановна. Я про себя думаю: может,

поменялись местами [с мужем]? А как спросиши, у кого? Она говорит: крепко заболел, увезли в Смоленск. У меня сердце заняло все. Думаю, пропало. Но, может, поправится? На второй урок — новый учитель, видать, злой какой-то чиновник. Нет, думаю, я доберусь до правды!

После уроков я пришла и стала у знакомой двери, где когда-то стояла трепетала — а получала радость. Кто теперь меня согреет, пожалеет? Не знаю, сколько б я стояла, дверь открылась — выплыла няня с ребенком на руках: «Ты что, девочка, стоишь?» — «Да, — говорю, — я на минутку к вам». Надежда Ивановна: «Ах, Донюшка, садись, пожалуйста». — «Да я пришла узнать, чем заболел учитель. Я вижу, все в горе и говорят неправду». Надежда Ивановна заплакала.

Я рассказала ей сон и ворожбу. Она поглядела на меня: «Спасибо тебе, девочка, за твою заботу. Сон твой правильный и гадальня. Придется сказать правду: учителя увезли в тюрьму. Мы дали подпись всем говорить, что в больнице». У меня ноги подкосились, я села прямо на порог и заплакала. Надежда Ивановна: «Да ты что так убиваешься? Допросят и выпустят. Будем надеяться на лучшее. Павлик так восхищался твоим талантом и боялся [за тебя]: время смутное. Мужикам надо свободу, а в подполье много не навоюешь. Ловят, как зайцев». Я говорю: «Расскажите, как забирали учителя». — «А вот как: на Масленицу в пятницу явились в полночь двое: одевайся, двухфамильной большевик⁷. Надели наручники. Павел И[ванович] был спокоен — он знал, что его ожидало. Начали ворочать, искали все запретное, один взял детские тетради, начал трясти. Я говорю: не троньте, это классная работа. И вот ты, моя девочка, мужайся, мы не успели нонпрятать, кажется. Попал твой стих запретной. Велся тебя [учитель] предупредить: будь осторожней. Больше ничего не циши, а то батю ногубины, а вас десять луш». — «Вот, — говорю, — у меня отобрали [стихи], а прятать не умеете! Кто в хате прячет? Я — на крыше, на чердаке, у самой трубы дырка в крыше, я в тряпку замотала и заткнула, сам лещий не догадается!» Надежда Ивановна улыбнулась: «Вот, — говорит, — бесподобное дитя. Если тебя будут разбирать на школьном совете, ты не говори, что тебя муж похвалил за это сочинение, а просто отобрал и не велел больше писать такие вредные куплеты». Я выслушала учительку и говорю: «Вы, Надежда И[вановна], не кручиньтесь обо мне, недаром мне сон приснился, что я ходила-блудила в лесу. Такая чаша — не пролезешь, я пробиралась с великим трудом, слышала голос учителя: "Иди, — говорит, — вперед!" Я шла долго, выплыла — поля, нет края, луна светит, как солнце, хлеба шумят. Я проснулась».

Надежда И[вановна] предложила мне чаю, я отказалась: нет, спасибо. Мне было стыдно, что я сон рассказала не полностью: я утаила, что учитель полетел в пронасту, не хотела ее расстраивать.

Спокойной ночи. Мужики чай не пьют, у нас и самовара нет, места чаю — квас. А коли нету — сыворотка. Я ушла, не стала ужинать, легла на свой топчан и долго не спала. Все думала: неужто, анафемы, столкнут [учителя] в яму, а то на каторгу в Си-

бирь? Но за что? Он самой лучший человек на свете! Как страшно стало, теснить ни слова ни полслова никому, вижу не вижу, слышу не слышу. Всё конечно. Вон рассказывает волчок дед Мирон, как на каторге тяжело. В кандалах трутятся, и кто придумал такой закон? Легла. Уроки на ум не идут. Зачем учиться? Ученьих в острог сажают, а то на каторгу угасаешь. Наговорилась [сама с собой] — успела. <...>

Пропел март. Еще месяц до экзаменов, как хороплю. Пришел десятиник в класс, я его узнала — он нашей деревни, дядя Егор: «Жунгтова кто из вас?» Ребята все переглянулись. «Тебя волостной староста зовет». — «Зачем», — говорю. «Там узнаешь, зачем». Вот, думаю, второй сон. Я дошла до порога, повернулась: «Прощайте, ребятки». А душа полетела в пятки. Шла волновалась, на ровном месте запиналась. Вот он дремучий лес [из сна] начинается! Но и что? Я выплыла — увидела соллечную луну, которая освещала всю землю. Значит, не страшно, я буду долго жить и увижу необыкновенную луну. <...>

Я стою на ступеньках, думы летят кверху — мечты падают в пропасть. Где я побывала за этих десять минут — писать нет сил. Меня позвали, я еще раз поглядела на школу, мне стало больно, сердце забилось. Я вошла [в волостную контору], всем тузам поклонилась и к дверям прислонилась. Минута молчания. Я поглядела на всех, узнала пристава, которого на барщине [во время бунта] волтузили, урядника, который поплынил собирает, — много раз просил у деда меду, барсук рыхкий. У нас всегда два улья для кульи... Все я тут передумала. Они какого-то деда довели до слез, он достал свой кисет, вытряхнул все, что там было, забречкали медяки. Вот, говорит, хоть на цепью — больше нет. Мне стало жаль деда. Звери лютые!

Дед ушел, писарь пишет —
толстый, как кабан,
злой, как барабан.

Но, думаю, на груде кресты, а в руке хлысты. Пристав поглядел на меня. «Ты, — говорит, — Жунгтова, знаешь, зачем пришла?» — «Я, — говорю, — не волшебница знать, позвали — вот и пришла». Они переглянулись, пузан говорит: «Погляди, что у тебя на ногах, Маланья болотная!» Я поглядела. «Лапти», — говорю. Они заржали, как кони. Я еще раз поглядела: что, думаю, они видят смешное: лапти хорошие, молные. Писарь достал кожаную папку, начал рыться в бумагах, достал [мой] листок, прочитал про себя. А потом, ехидно улыбнувшись и говорит: «Так вот, Жунгтова, пойми и запомни навсегда: лапти должны оставаться лаптями, а ты хочешь променять на ботинки». Мне стало смешно. Я засмеялась: «Кто вам написал эту небылицу. Зачем мне менять? Дед мне на Пасху башмаки купил. А хотя бы и так, я не украду хочу — менять не запрещается». Пристав: «Ты, Матрена, глупо отвечаешь». — «На ваш вопрос правильно ответила. Не понимаю, что вам от меня надоено». Круг усатый взял лист, начал читать вслух «Сорока и дятел»: «Вот, господа, что лапотница придумала». — «Я совсем не придумывала: глядела на сороку и писала». Десятиник говорит: «А лапти, видать, не простые, а волшебные». А сице поглядела:

нет, думаю, простые, дед плел. «Да это что, вы, господа, слушайте дальше! Сам на меня поглядел так сердито, как мечом проколол мое маленько сердце. Вот, думаю, попала в капкан. Неправда, вылезу! Сон так сказал: луна за меня заступится. Он читал, на меня поглядовал. Десятиник: «Ничего, складно, по годам отлично. Что вы, господа, ребенок что чует — то пишет. Если б понимала, не писала [про то, что скинут царя]». — «Болван, ты сам-то понимаешь, что к чему?»

Я глядела в пол, рукавичку надевала да ссыпала. «Давай, — говорит барсук, — еще читай. Вот шельма, где она выкопала такой вред: слабода, слабода. "Уволят батюшку-царя, укажут дорогу..." — меня трясло: и холодно, и жарко. Я боялась поднять голову. Смех кончился, все стали злые, как шакалы. Я окрикнула: погодите, я вам [сие] не так скажу, анафемы! Барсук говорит: «Господа, как вы думаете, что эти строки заслуживают?» Писарь говорит: «Надо доподлинно знать, где взяты эти запретные слова». Барсук говорит: «Жунгтова, ком ты собираешься быть? Копытовым? Али Демьяном Бедыем?» Все захочали. Вот, думаю, дураки, зачем они смеются? Я говорю: «Если я на отлично с похвальным сдам, меня отец Петр в гимназию пошлет». Снова засмеялись. Писарь говорит: «А вот мы прочтем батюшке вот эти дурацкие строки — пожалуй, за гимназию углазаешь». Я слушала, в голове все перепуталось, не могу донять — и баста. О чем они толкуют? И ноги-то мои устали, стою целый урок. Барсук говорит: «Ты нам, Матрена, скажи, где ты берешь запретные слова?» — «Я, — говорю, — не Матрена — по-церковному — Домника, по-домашнему — Доня». — «Хорошо, ты нам скажи, кто у вас бывает? У вас заразная семья». — «Нет, слава Богу, все здоровы». Все переглянулись. «Дед старой — и то не хворает, бабушка тоже. Дед у нас — богатырь! С утра пубенку наел — не снимает с плеч, у него много дел — никогда лезть на печь».

Писарь заорал: «Ты что болгаешь? Нам твой дед нужен, как в Петровку варежки!» — «Я вам правду сказала, дед не хворает, вечерами на скрипке играет. Заветную песню поет, как в темной неволе живет». Урядник нахмурился и говорит: «Мы тебя посадим в чужовку». — «Я не чужая — в чужовку идти, я тутопия». Писарь говорит: «Тебя там крысы сожрут. Отвечай нам правильно, кто у вас бывает? Может, учитель тебе наговорил?» — «Нет, он отобрал у меня [стихи] и запретил заниматься такими куплетами. Я обещала». — «У вас, говорят, волчки noctуют? Вот и скажи нам, о чем они говорят». — «Да, у нас хата большая. Дед добрый. Всех пускает. На святках три ночи —

ночевал прохожий
на бродягу похожий, —
торбы не носит,
и хлеба не просит.
Мужики его уважают,
встречают и провожают.
Он престарелой человек,
живет второй век.
Он в Питер ходил —
царь его освободил.
Стражники орут —
а под конвой не берут.

Ему сто десять лет, 25 — царской служьбы, остальных — каторга. Там и вольнала получил. Много служил, много трудаился, много видел, много слышал. Вот этот мученик все знает, что быво и что будет, говорит смело:

“В белокаменной столице
покажут чудеса:
поднимутся птицы
стальные в небеса”.

Вот о чем он пророчит, равен святому»⁸

Пристав поднялся, закурил, говорит: «Нет, я больше не могу. Перед нами чародейка. Отвести ее в чижовку, пускай крысы с ней беседуют». — «Я не боюсь крыс, у нас в школе полно. Я дам ей краюху — она гложет ночь, а я посыпаю, как в раю».

Десятник повел [меня], открыл дверь — топчан из двух досок, табурет — не мыт сто лет. Маленько оконушко, садись, гляди, Оленушка!

Через полчаса пришел десятник: «Молодец, Жунгтова, ты их всех одурачила⁹. Они злятся — не к чему придраться. Не знают, чем тебя наказать».

Сижу и думаю: вот тебе сны и пятерки, все пропало. [Но все равно] отпустят — таких [малолеток] не судят. Но они что-нибудь придумают в наказание.

Дежурной меня выпустили. Я пришла и стала на свое [прежнее] место. Писарь говорит: «Ты знаешь, кто ты? Чародейка, царская злодейка! У тебя статья — кандалная. Но тебе нацеп волчок, ты по глупости написала. У бати твоего десять душ детей». — «Да, — говорю, — меня отец любит и склады мои любят, а вот этот склад я ему не показала. Он меня просит писать о природе. Это уж так мне подвернулось, такая несуразница. [Больше] не стану писать с чужих слов, буду искать свои,

Чтоб все удивлялись,
плакали и смеялись.
Подчинюсь воле отцовской —
пойду по дороге кольцовской,
буду писать о природе,
о русском богатырском народе.
Как мой дед воевал,
турка палкой прогнал».

Я опустила голову, гляжу на свои лапти. Они захочатели. Десятник ногами затоптал, в ладони захлопал: «Вот, — говорит, — вам и кандала — на все вопросы ответила, упрека не встретила. Молодец, Матрена не по годам мудрена». Все замолчали. Пристав говорит: «Жунтова, ты села не в свои сани». — «Нет, — говорю, — неправду вы говорите: у меня своя ледянка есть, всех катай на своей ледянке».

Я мысли свои развязала —
всю правду вам рассказала.
Что от меня вы хотите?

Прошу, домой отпустите».

Писарь говорит: «Вот чего мы хотим — чтобы ты была хорошей мастерницей и помощницей матери. Забирай свои учебники, больше в школу не появляйся. Поняла?» — «Как, — говорю, — не понять такую “заслугу”! Поклонилась и вышла. У меня помутилось в глазах, и ноги подломились. Я села на ступеньки. За что, думаю, выгнали, звери бездушные?

Идет брат Демка: «Ты что тут сидишь? Али заболела? Пойдем, ребята не хотят

больше ждать. И так три часа [тебя] ждали. Дорога дальняя — восемь верст, не шутка в деле». — «Вы идите, я вас догоню. Мне надо проститься с учителькой, сказать, что меня выгнали, не велят больше учиться».

Я бегом полетела, наскоро рассказала свой суд. Надежда Ивановна заглянула, сунула мне в руку полтинник. Я простилась, убежала. Они [ребята] шли тихо — я догнала: «Погодите, паперво в лавку зайду». Купила мелких баранчиков на десять копеек, леденцов на десять, тридцать получила сдачу. Догнала ребят, дала всем по два барашка, по две конфетки. «Получайте, — говорю, — последний раз, никто вас больше не угостит, таких больше дураков нет, как я». Снинка говорит: «А что, они тебя небось дурой называли?» — «Да, — говорю, — волшебной дурой, прямо как в сказке». Пока шли, я ребятам все рассказала, только утеша чижовку. Демка говорит: «Небося тебя ругали и чем-нибудь пугали?» — «Нет, — говорю, —

не ругали, не пугали —
меня вопросами пытали,
на мои ответы хохотали,
заходили со всех боков —
опутали дураков».

Примечания

¹ Публикации творчества Д. Е. Сидоровой (1893—1978), осуществленные О. Г. Щербининой и М. Л. Лурье, см.: ЖС. 2000. № 4; 2005. № 2; 2007. № 1.

² Имя *Хиля* автор употребляет в значении ‘растрапа, недопо одетая женщина’; ср. устойчивые *Матрена*, *Матрешка* («Матрена не по годам мудрна», «Матрешка, подрасти немножко» и др.) или *Оленуника* для обозначения крестьянской девочки.

³ Сравнение свободы с солнцем — устойчивый образ дневника.

⁴ В словах «семь ёрст до небес» автор ставит точки над ё, хотя в других случаях этого не делает. Таким образом она подчеркивает народное произношение поговорки.

⁵ В рукописи здесь видны следы слез (расплывающиеся чернила). Д. Е. видела тогда своего учителя в последний раз, вскоре семья Жунтовых уехала в Семиречье (по стольчинскому указу). Д. Е. навсегда сохранила в душе благодарную любовь к своему учителю Паалу Ивановичу Семенову. Дальнейшая его судьба неизвестна.

⁶ Тема пророческих снов занимает важное место в творчестве Д. Е. Сидоровой. И в романе «Барцина», и в дневнике вещие сны символически отражают и подчеркивают наиболее значимые события в жизни персонажей.

⁷ Очевидно, имеется в виду подпольная кличка (или даже поддельный паспорт) учителя.

⁸ Образ мученика за народ — невинного страдальца, жертвы, приравненной к святому, характерен для творчества Д. Е. Сидоровой. Подобный персонаж вынесен и в «Барцине». Борьба за свободу — лейтмотив дневника и романа «Барцина».

⁹ Не сразу поняв, в чем дело, девочка потом уже сознательно играет в наивность, буквалистски толкуя идиомы начальников. Это помогает ей выпутаться из сложной ситуации: она не выдала ни учителя, ни своих домашних.

Предисловие, публикация и примечания
О. Г. ЩЕРБИННОЙ
(Санкт-Петербург)

В. Я. ПЕТРУХИН

МОЯ БАБУШКА И РЕВОЛЮЦИЯ

Моя бабушка Наталья Евдокимовна Петрухина (1887—1967), родом из станицы подмосковного села Молоди, встретила революцию 1917 г. экономкой в доме представителя знаменитого (со Смутного времени) дворянского рода Нероновых в г. Кашире Тверской губ. Она не пострадала при разграблении дома, так как была отнесена новой властью к эксплуатируемым, но об этом и последовавших драматических обстоятельствах в истории семьи я узнал лишь после ее смерти от своих теток.

Критические разговоры о власти были, естественно, непозволительны при малом внуке, исполнение детского политического фольклора типа «Союз нерушимый попал под машину» пресекалось, при этом ссылались на некую опасность. Однако у бабушки не было сакрального отношения к официозным текстам, ибо она нередко поднимала внука в школу словами другого гимна — «Вставай, проклятым заклейменный...» Фольклор стал «прорываться» в семейный быт с политизацией школьной жизни, вступлением в пионерскую организацию, и хотя поговорка «Красный — человек опасный» не комментировалась, зато поговорка «Пионеры юные, головы чугунные» в комментарии не нуждалась.

Поневоле, насколько я сейчас могу судить, появлялись фольклорные комментарии и к школьным истинам, каковые я приносил в дом, усвоив их на уроках истории. Так, мне показался очень странным текст, прозвучавший из уст бабушки в ответ на мое повествование о главном враге Ленина и революции из советских учебников:

Ленин Троцкому сказал:
«Едем, Троцкий, на базар,
Купим лошадь карею,
Накормим пролетарею».

О том, что в революцию сли лошадей, в школе не говорили. В учебнике писали о нищете революционных лет, поэтому более понятной была другая частушка:

ВЛАДИМИР ЯКОВЛЕВИЧ ПЕТРУХИН,
доктор ист. наук; Ин-т славяноведения
РАН (Москва)

Н.Е. Петрухина (1887—1967).
Фото 1915 г.

Сидит Ленин на заборе,
Держит серп и молоток,
Под забором идёт Троцкий,
Ведёт роту без портока.

«Революционный» фольклор остался верен исторической истине (в отличие от школьной программы), не противопоставляя друг другу главных вождей революции.

Эпоха начала революции — «экспроприации экспроприаторов» — чуть было не погубила семью через полтора десятилетия после того, как бабушка покинула разоренный дом Неронова. Как представитель эксплуатируемого класса бабушка имела право взять из дома всё необходимое. Многие оказавшиеся в схожем положении не отягчали себя особой ношей в надежде, что разбой скоро прекратится. Брали бумажные деньги... Упоминание о деньгах едва не погубило всю семью уже в начале 1930-х: дед похвастался, что у него денег куры не клюют. Эти деньги оказались, однако, не нужны не только курам, но и тем, кто явился в дедов дом (уже в подмосковном Пушкине) с обыском по доносу соседей. Дед всё-таки несколько месяцев провел в тюрьме, а бабушка оказалась в «театре», описанном М.А. Булгаковым: подозреваемых в сокрытии ценностей держали в битком набитом зале, ожидая, когда они не вынесут отека ног и пытки духотой. Бабушка выдержала, спасла семью (у нее на руках было трое приемных детей и родная дочь) и дожила до 50-го года революции, не дожив трех месяцев до поступления внука на исторический факультет МГУ (ее очень беспокоило мое будущее, потому что бабушка имела свое представление об истории).

РЕВОЛЮЦИЯ ГЛАЗАМИ «ГЛУБИНКИ»

Мой дед по отцовской линии Тихон Иванович Каргин (1886—1976), каким я его запомнил, был человеком основательным, известным в своем kraю, не бедным. Родился он в д. Чесноковке Кошкинского уезда Самарской губ., а встретил революцию жителем д. Манжуровки, отстоявшей километра на два от Чесноковки по прямой, через речку. После отделения от своего отца, Ивана Петровича, он владел большим наделом земли, прихватывал в сезон в аренду еще кусочек-два, как он говорил, «соток по пятьдесят».

Перед домом, украшенным сплошной пропильной резьбой, под «плоскушкой»¹ стояли плуги, сеялка, веялка, другие подручные для крестьянина механизмы, о назначении которых я узнал, когда подрос, а все, что служило верой-правдой хозяину, омертвело, поржавело, превратилось в груду металлома. Эти изделия требовали постоянной заботы — смазки, чистки, подкрутки. В колхозе они сталиничейными, и об уходе за ними вспоминали при очередной их поломке.

Произошло это после коллективизации, удариившей по настоящему хозяину, который уже не видел смысла самому рвать жили и заставлять это делать свою семью и наемных работников.

В хозяйстве деда было, конечно, немало скотины: лошадей, коров, свиней, овец, кур, гусей. Были даже невиданные в тех краях индошки, пугающие своими горланными криками соседей и прохожих. Но это к слову, чтобы был ясен образ человека, встретившего известие о революции спокойно в надежде, что опять всё кончится, как и десяток лет назад, сохранением привычных устоев жизни.

Дед считал себя середняком. Это слово он позаимствовал из газет и учебников, хлынувших вскоре в Манжуровку.

Революцию он встретил в расцвете сил — ему было чуть за тридцать, семейным — подрастали первые пятеро детей; за десять лет до этого он отделился от отца, построил дом, взял «на развод» скотину — лошадь, корову, овцу. Дела пошли споро. Работали в страду сутками, спали по 3-4 часа. Дед не пил. Может, это, помноженное на везучесть, сметливость и легкость хозяйствской руки, и помогло ему быстро встать на ноги.

Дед слыл культурным человеком — лет пять служил помощником дьячка в чесноковской церкви, говорил с прихожанами на мордовском, чувашском, эстонском языках, знал татарский. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. мне неоднократно доводилось слышать на базаре в районном центре Кошки его разговоры на этих языках с приезжавшими по хозяйственным нуждам из окрестных национальных деревень — Фейзулова, Эстонки, Долиновки, Лесной, Салавана, Рейнцфельда...

Между первым и вторым курсом института, уезжая на каникулы, мы, студенты оркестрового отделения Института культуры (ныне Московский гос. университет культуры и искусств), обучавшиеся по теории музыки и народному творчеству у одного из крупнейших этнографов Татьяны Васильевны Поповой, получили задание записать от стариков народные песни. И не абы какие, а лучшие, и желательно в деревне (город, по ее представлениям, был местом нефольклорным).

Следуя этой логике (тогда я не мог поставить ее под сомнение и только позднее стал задумываться о городском фольклоре), я не мудрствуя лукаво поехал в родную деревню моего отца — Манжуровку, где жил дед Тихон Иванович, и обратился к нему с просьбой рассказать о своей жизни, о революционных годах, о коллективизации, попросил что-нибудь спеть или сыграть. Дед прекрасно играл на хромке, на ливенке, на саратовской гармошке, неплохо пел, но ничего этого я записать не смог, потому что, кроме бумаги, ничего с собой не взял. Сегодня о своем недомыслии могу только сожалеть. Осталось то немногое, что сумел записать дед, и записанное мной с его слов.

Вернувшись с каникул, я представил Татьяне Васильевне свои записи. Она их не приняла: песен не было. Пришлось самому петь из репертуара моих родителей «Соловей кукушку уговаривал». За пение получил зачет. Записи после окончания института были отправлены домой, к родителям, где находились вплоть до их кончины. Теперь я выношу на суд читателей фрагменты воспоминаний деда о событиях в Манжуровке и Чесноковке спустя два-три месяца после революции октября 1917 г.

Деду, когда я записывал его воспоминания, было далеко за семьдесят — а это тот возраст, когда человек, понимающий, что силы постепенно покидают его, начинает рассказывать (в основном внукам) о своем прошлом житье-бытие. Вспоминает глубоко личные эпизоды, возможно, неинтересные или малозначимые для окружающих (да и недосуг им выслушивать рассказы стариков о прежней жизни), но именно такие «малозначительные», но ценные своей подлинностью воспоминания окрашивают канву истории в особые тона. И в этом весь интерес.

Запись 20.08.1966 г.

О революции в Манжурковке ничего не слышали. Новости к нам шли долго. Слухи ходили. Осень была поздняя. Вёдро стояло. С полей снопы доваживали. Обмолот уже вовсю шёл. Солому скирдовали. Колготный год какой-то сложился. Уже не помню причину. Ветром к уборке хлеба положило. Потом разведрилось. Летом всё будоражилось. К осени свинью самую рожатую пришлось прирезать. Захворала что-то. Помню, люди чуяли что-то, не так всё было. Новое правительство горы обещало. В деревне осенью ходили смиренные, притихшие. Такого висяка, прямо в воздухе, никогда не было. Тайно ждали известий. А вот конкретного ничего не знали. Чудно. В конце уже октября, вроде суббота была, собрался на базар в Кошки. Телегу проверил. Смазал. В баню сходить к вечеру захотел. Гляжу, бежит Митька Руднев, вскucoшенный. Лица нет, прямиком в карду² ко мне, я только гусем голову отрубил. Продать с десяток решил. Хорошо приложился, думаю. Без шалки. В галошах на босу ногу. А он прямёхонько, с калитки, шёпотом, задыхаясь: «Рухнула власть, Тихон. Перестреляли всех. Правительство захватили большевики. Денешня пришла из Самары — велели вперед не подчиняться, снять прежних управителей. Сажать как врагов. Бог мой, что будет, Тихон? Чай, и до нас руки дойдут».

Понять-то толком ничего не понял. Подробностей спросить не успел. А Митька как очумелый подхватился и дальше, к Афанасьевке (родной брат Т.И. Каргина. — А.К.), дома-то рядом, угол в угол. Слышу, кличет хозяев. Да опять шёпотом, вроде как с оглядкой. Боится. Откуда узнал о расстреле правительства, я не спросил. Мне вроде тоже как-то не по себе. Мороз по коже. Бросил гусей, упёрся на жердь. Растирался. Вроде эдакого хода ждали. А сообщили — и поплюхало. Бывает. Потом много раз такое приходило. Нервы трогались. Ещё хуже было. Когда ночью бежать пришлось из Манжурковки. Но это позднее.

Тогда посидел. Очухался. А в голове смурь. Темно быстро стало. Решил ехать всё одно на базар. Там, думаю, скорее проясню. Дело-то складывалось серьёзное. Большевики, они и есть коммунисты. Видел их пару раз в Кошках. На них пальцем показывали. Все оборачивались. Рожи красные. С кирпичного. В сапогах, нахальные. Вроде как пришли. Не деревенского пошиба.

Не успел зайти в дом — Ксюша как завоет. Ну, думаю, бабское радио

побыстрее Митьки. Тоже уже наслушалась. Мне ни гу-гу. Молча прошел в заднюю. Присел за столом. Что делать, не знаю. Завернулось всё серьёзно. Причины не пойму.

Что мог сказать — не соображу, не понял от Митьки. Покумекал. Ребятки притихли. Вроде надежда пробилась: жили при царе, при Керенском — будем жить при большевиках. Что их нас трогать. Портреты Ленина видел. Неглупый на вид. Говорили, что из наших, из мордвы. Земляк наш. Про это тоже знали. Отец его вроде пензенский. Пораскинул туда-сюда. Хуже не выходило. Как получится — один он, Господь, ведает. Весь вечер прикидывали, как оно будет.

Наутро Ксюша со мной поехала. Запрятавшего мерина. Серка. Крупный был, сильный, любил дорогу. Ходок. Вроде шаг трусцой, ленивый, а ходит, как катит. Всю дорогу опять про новое житьё говорили. Больше Ксюша. Так и эдак сочиняла. А я всё больше: «Ну, да, ну». Поругались перед Кошками. За детей боялась. Пятеро и мал мала. Твой отец ходить только стал. Не знала, что ей самой-то жить ничего оставалось. В двадцатом она померла. Жалко было. Вот она, твоя бабушка родная. Душа тонкая у неё была. За всех горевала.

Приехали чуть свет, а на базаре видимо-невидимо. Может, ещё больше, чем всегда. А крика, гама, ругани нет. Чудно. Все какие-то хохлатые. Одно волнение — что дальше. Никто толком ничего не знал. Пристроил Серка у скотной, у жерди. Привязал. Сенца бросил для развлечения, сам пошёл по рядам.

Мы с тобой, помнишь, ездили на базар? Базар — он и остался базар. Неугомонный. Буйный. Вороватый. Каждый свою выгоду ищет. Всем не хватает. Значит, нужно у кого-то украсть или обмануть. Без этого базар не живёт. Умрёт от скуки. Вскоре запулем, загудел базар. Вроде как до прежде. Забыли про революцию.

Тогда, как сейчас помню, цыган один лошадь продавал. Кричал складно. Как всегда. Он их часто продавал. По дешёвке. Сколько прошло — а нет-нет да вспомню крик цыгана:

«Продаётся конь — из глаз огонь,
За тышу вёрст учешь вонь.

Из-под хвоста струя бежит,
Когда заржёт, земля дрожит».

Подождёт немного. Опять за своё. Прибауток знал немерено. Сам, что ли, сочинял?

«Продаётся лошадь новая,
В яблоках, фартовая.
Ест немногого и не пьёт,
Божьей милостью живёт».

Может, что попутал. Вроде так он кричал. Складно и смешно. Людей вокруг крутилось полрынка. Нравилось. Лошадь от крика, наверное, уставала. Горбилась. Ворованная, наверное, была. Издалека привели. У нас тоже ходили слухи о пропаже лошадей. Грешили на цыган. Татарам продавали на махан³. Не пойман — не вор.

Встретил я Мезенцева. Из Ягодиновки. Грамотный был мужик. Я с ходу: «Что, — мол, — стряслось? Куда клонится, чего ждать? В деревне ничего не слышно». — «Подождите, — говорит, — недельку. Прояснится. Толком неясно. Вроде как один власть сдал. Ленин руководит. Указаний никаких нет, что делать народу. Изменений вряд ли скоро дождёмся. В Самаре тоже ясности нет. К власти пришли пролетарии». Слова успокоили настроение. Побежал к Ксюше... Прошли по лавкам. Скобянки кой-какой прихватили. И домой. А вскоре стали создавать комбеты. Советы. Свои нашлись горлопаны. Вчера в штанах дыра, а тут в кожанках. Митинговали. Нам, правда, особенно не докучали. Они по себе. Мы по себе.

Изменения стали поступать к весне. Вот тогда столкнулись с новой властью. Жизнь покатилась в другую сторону. Совсем не в ту, как думали. Вскоре многие стали врагами — все Каргины, домов десять, Мезенцевы, Рудневы, из эстонцев, почитай, все враги. И пошло-поискось. Не дай бог никому.

Запись 26.08.1966 г.

А что ты интересуешься революцией? Не знаю я, как она выглядит. Рассказывали. Вроде даже стреляли друг в друга. В Самаре тоже что-то шумели с неделю. В чём там дело было, кто знает. Разговоры всякие ходили. К нам к весне начали валом валить указания. Один хлеще другого. Бестолковые. То сеять велят, то грозят отобрать всё, то подчиняться одним указывают, то другим. Ну это больше в Кошках.

В деревнях своим ходом жизнь текла. Деревень было. Кругом много. Друг друга хорошо знали. Готовились к посевной. В козны⁴ играли. Научу я тебя как-нибудь. Остались козны где-то в сарае. Пошарить время.

Нашлись и из наших комбетчики. Из чесноковских, ягодиновских. Там потрудней люди жили. В Чесноковке стали заседать то у одного, то у другого. Вывещивали на заборах решния. Соберутся — и все до крика, до драки. Забросили свои хозяйства. Не было у них особенных забот. Одно время облюбовали церковь. На пригорке она

стояла. Чуть потемнело — снег у ограды сошёл. Принесут стол, усядутся на прошенине и айда горланить. Попытались они Руднева прижать. Пришли к нему, скандал устроили. Подрались. Ну, мы их развели. Вот так революцию делали. Они указания выполняют, мы своим хозяйством занимаемся. Если вспоминать, то, конечно, много каких событий наконастинь. Стали они списки для сборов делать — яиц, молока, картошки, что попало. А куда отдавали, уже не помню. Наверное, выше. Раньше всем голодранцам своим помогали. Приходили, просили. Детей жалко. По многу было в каждом дворе. Ну и помогали. Чаще хлебом, под весну картошки, пшена давали. Много готовили на зиму. В лето оставалось. Тут свои. Бедняки. У нас же корпели. В сезон.

Всё так и было. Революция была, наверное, в Петербурге. Потом развезли по другим местам. Весной следующего года война началась. У нас, правда, ничего такого, боёв, стычек, не было. В Манихурковске так и не разобрались, где революция, а где мы, что делать, куда хозяйство левать. Время от времени приезжали комиссары, балаганили, собирали еду на повозки и увозили в Кошки. Вот тут стали хлебные запасы находить. Увезли пару мужиков. Отпустили с миром. Потом Митя Руднев, он больше всех страдал за своё хозяйство, рассказывал — провезли в Кошку и в кутузку определили. Привозили. Просили передать, что до всех несознательных доберутся. К стенке будут ставить. И отпустили.

У нас и свой комитет появился. У нас изба стояла, как общая. Они там и осели. Из наших же. Когда они объявили комитет, через почти полвека сказать не могу. Но паскудить стали сильно. Частенько наганами грозили. Для острастки. Вскоре они попротихли — Ленин указ издал о своей новой политике. Разрешили нам опять делать всё, как при царе. Забыл, как называли новые права.

Обо всём не вспомнить, не поведать. Полвека прошло. Вспоминаю и думаю, зачем ту привычную жизнь подломали? Сколько людей за неё пострадало. Тысячи. А ведь можно было и при Ленине, как было, оставить.

Примечания

¹ Плоскूша — навес на 4—6 столбах, с плоской односкатной крышей.

² Кърда (кайды) — загон для скота.

³ Махан — низкокачественная конина.

⁴ Кѣзы — бабки.

ИЗ АРХИВНЫХ ЗАПИСЕЙ ЗАВОДСКОГО ФОЛЬКЛОРА

В архиве Карельского научного центра (КНЦ) Института языка, литературы и истории РАН (Петрозаводск)¹ хранятся материалы, записанные в 1936—1939 гг. в Петрозаводске от рабочих Онежского металлургического и механического (до 1918 г. Александровского снарядоделательного) завода² студентами Ленинградского гос. университета Г.Ф. Нефедовым, А.Н. Нечаевым, Н.В. Новиковым, Г.П. Париловой, А.Д. Соймоновым, В.В. Чистовым (ф. 1, оп. 1, кол. 61, № 1—418).

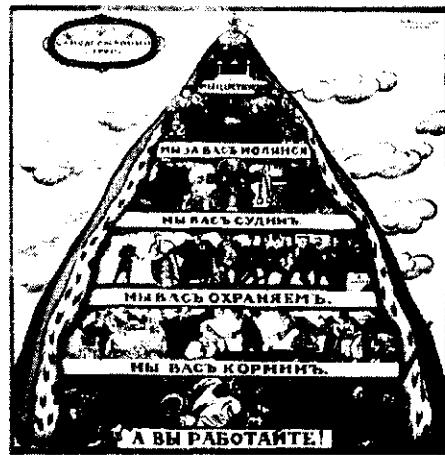
Материалы эти были частично опубликованы в сборнике 1937 г. [2]. Публикаторы старались дать «общее представление о том, что бытует на заводе среди различных категорий рабочих» [2. С. 16], но ограничились песнями (в их число включены песни лирические, рекругские, революционные, фабрично-заводские, частушки и причитания) и сказками, а также бытовыми и автобиографическими рассказами («сказами»); за пределами сборника остались записанные на заводе малые жанры, предания, заговоры, легенды, небылицы, народная драма. При публикации тексты подвергались правке (например, «побежал <...> за пальто» вместо «побежал <...> за пальтом»), в том числе смысловой (ср. в публикации: «...на заводе было получено сообщение о событиях в Петрограде» и в записи собирателя: «...на завод пришли ребята и сообщили о событиях в Петрограде») [2. С. 21]. Второй сборник онсигозаводских материалов был целиком посвящен сказкам [6].

Тексты с революционной, антиклерикальной и вообще «вольнодумной» тональностью составили существенную часть материалов экспедиции. Были записаны варианты революционных гимнов («Варшавянка», «Отречемся от старого мира», «Смело, товарищи, в ногу» и т.д.) и литературных текстов, бытовавших в качестве революционных песен («Дуда» Ф. Волховского, «Казнь Стеньки Разина» И. Сурикова, «Доля» С. Синегуба, «Восемь часов» П. Якубовича, «Доля кузнца» Д. Клеменца, анонимные «Фабричная камаринская», «Всероссийский император» и т.д.). К сожалению, не всегда ясно, пелись они или декламировались.

В распространении этих стихов и песен следует отметить важную роль пропагандистов и политических ссыльных³; по мнению публикаторов, многие тексты были принесены в Петрозаводск рабочими, высланными из Петербурга

после 1905 г. [2. С. 63]. Исключительно ценно, что иногда рабочие указывали, откуда они узнали тот или иной текст, и указывали обстоятельства, связанные с исполнением. Например, Е.С. Григорьева (60 лет), вдова большевика-подпольщика, сообщает об известной революционной песне «Нагайка» («Задумал наш Трепов народ удивить...»): «Песню слышала от рабочих завода Лесснера в Петербурге, где работал после ссылки муж, т[ак] к[ак] его [на] работу в Петрозаводске не принимали — не было документов, а губернатор отказывался дать. После пели и здесь. Я один раз, чуть выпивши, спела эту песню на свадьбе при жангарме, он хотел арестовать, но был пьян, и его как-то уговорили» (зап. В.В. Чистов в 1937 г., № 186).

Авторские тексты варьируются незначительно, что объясняется, видимо, преимущественно письменным способом их передачи: «Песни переписывали и передавали рабочим: "Вставай, проклятьем заклейменный", "Варшавянка", "Поп и черт (В церкви золотой)"» (П.А. Жидков, 43 года, грамот., беспарт., красный партизан, зап. А.Д. Соймонов в 1936 г., № 446). При этом авторство утрачивалось: имена подлинных создателей текстов в записях отсутствуют. В тексты могли включаться заводские аллюзии. Например, в стихотворении «Пролетарское слово старого завода» (незначительно измененный текст Саши Черного «Пусть злое насилие царит над землей...») строка «Герпели, знать, раньше немало» звучит так: «Герпели мы при Желковском немало», далее рассказчик комментирует: «Это был управитель

А. Радаков. «Самодержавный спрой». Плакат. 1917 г. Петроград. Цв. литография. Из книги: Вашик К., Бабурина Н. Реальность утопии: искусство русского плаката XX в. М., 2004. Ил. 65

завода Желковский (В.И. Желковский, директор завода в 1900—1903 гг. — М.А.). День и ночь он мучил рабочих, троллами платил за работу, за это, за все притесненья. Только жилось мастерам хорошо, оне за это за всё получали награды и золотые медали. Эксплуатировали рабочих, платили гроши за работу» (П.Д. Морозов, зап. А.Д. Соймонов, № 346).

С другой стороны, в среде рабочих бытовали тексты их собственного сочинения: «Стихи, рассказки, песни коллективные составляли. Проверял Яков Фелимонов, он умерши теперь. Он, как организатор такой, говорил: "Вот тут, ребята, не так"» (В.П. Печерин, грамот., беспарт., работал в механическом цеху, токарем с 1902 г., № 257). Эти тексты, обычно отражающие заводские реалии, могли исполняться наряду с революционными на «вечерах» или митингах. Там же звучал и фабрично-заводской фольклор. В числе наиболее распространенных фольклорных песен можно назвать «Старый завод» (в Петрозаводске пели «старый Александровский завод» (№ 48а, № 246), в Петербурге — «Невский завод» [4. С. 92—93] и т.д.).

Ниже публикуются избранные песни, стихи и воспоминания рабочих Онегозавода из архива КНЦ. Орфография и пунктуация приведены к литературным нормам, стихотворные тексты разбиты на строки, особенности речи сохранены. Дополнения и уточнения в квадратных скобках принадлежат мне, в круглых скобках после текстов указаны имеющиеся данные о собирателе, информанте и номер документа в коллекции 61.

ПЕСНИ И СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Из жизни рабочих царского времени в гор. Петрозаводске на Александровском заводе⁴

В нашем городе, провинции родной,
В нем [ней] живет больше народ
мастеровой.
Потому мастеровыми их зовут,
Что они в народе храбростью слыд{в}уг.
Они водку пьют, считай, до одного,
Но а {и} денег нет так дома с одного.
У них с женами все ругань

день-деньской,
Потому что сердце его {тогда} бьет
тоской.

Они работают в заводе на станках,
Но а ходят даже чуть ни в лапотках.
{Постоянно он весь в саже и в пыли.}
Но об саже у них мало есть заботы{},
Лишь забота {Есть заботы} в том, что
нет сейчас работ{ы}.
Не приходят на макорку {осьмушку}
получи{ть}

И на воле у нас негде ведь
(не сумеет он) нажить.
(Но а где же и достать такой народ,
Хотя осенью, зимой или весной.}
Но а ежели дostenешь гроши какой
(Но а сам где достанет гроши такой),

То понятно дело — летняю порой.
Но получили — подгуляем
{И получит — загуляет} в кабачке,
А жена его и жи с заботой в голове.
{«Экий парень, ведь опять начал гулять!}
Не придется опять в лавочку отдать.
(Тогда купцы в долг давали.)
Купцу придется к мировому подавать,
Но а нам за долг последнюю одежду
продажавать».

Вот, пропившиеся, является домой
Со своей дурманной головой.}
И же не его приходится встречать:
— Где ж изволил столько времени
гулять?
Давай деньги, надо {нужно} в лавочку
отдать,
А то придется купцу к мировому
подавать,
Но а нам за долг одежду продавать.
{А то за долг нужно одежду продавать.
А теперь он отвечает:
— Деньги где ж? Я в завод
{Где же деньги? Я ведь} не был получать,
И купец немного может обождать
{подождать}.
Но а эти два я немного загулял,

То немного у приятеля занял.
В новом {новый} месяц документ я
{документы} буду брать,
Тогда и можно толстопузому {можно
с удовольствием} отдать.
(В.П. Печерин, грамот., беспарт., работал в механическом цехе токарем с 1902 г.; автограф 1937 г., № 262).

2. Город славный, город чудный⁵
Наш Петрозаводск.
В середине есте яма,
Там стоит завод.
Завод красный, как заря,
Там работают на царя.
Лили пушки да снаряды
И копали дома гряды.
А в завод хоть не ходи —
Никакие там гроши.
От завода была церковь,
И свои даже попы
Напевали нам молитву
И страшали нас судом.
Если только не говели,
Не ходи и в Божий дом.
Да и в праздники велики,
Когда славили они,
И кресты свои теряли,
Даже дралися они.
А с мастерами было хуже.
Был Сорокин-старичок.
От меня ему молитва —
Чтобы черт его испек.
Об литейной знаю мало,
Был Ефстафей мастер там.
Раз однажды [нрзб.] смазал
Чугулиной по усам.
Я сам же видел это чудо,
Когда он руки умывал.
Сказал Гришука: «Что же это?»
Он что-то тихо мне сказал.

Событие 1903-го⁶

Стоит завод и в той же яме,
Ну посмотрите — уж не тот.
Хоть в нем красная окраска,
Но порядок уже не тот.
(И.А. Вепрев, автограф 1936 г., № 277).

3. Как у рабочего засвистел ремень,
Об этом свисте услышал инженер.
Он, как ястреб, налетел на жертву свою
И давай своим кловом терзать ее.
Жертва ястреба зашлась слезой —
Как трудно было ей страдать
В жадном клове ястреба.
И истрепану, и изнурену
Он бросил ее за кусты.
После трепки такой
Жертва тихо плелася домой.

Песню эту Лузгин сочинил сам по такому случаю: у рабочего Ивана Буканова получился свист от движения приводного ремня. Этот свист услышал инженер Георгиевский и уволил Буканова. «Эта песенка была составлена мной, и мы ее тихонько посыпали», — сопровождаст ее примечанием тов. Лузгин (Лузгин, 1880 г., работал в механическом цеху с 1896 по 1932 г., списано собирателем с автографа 1937 г., № 354).

4. Некот[орым] рабочим полагались рукавицы (сварщики, калиныши) [мастер Антон Жидков их не выдавал]. Мелом написали в конторке:

Антон — эконом
И[з] смиренных отцов Валаама⁷.
По его высокому росту
Мы дали ему прозвище Волкодава.
До [и]его цех нес как будто бы убыток.
Он все расходы стал сокращать
И рабочим полагающимся рукавичек
Совсем не давать (В.П. Печерин, зап. А.Д. Соймонов в 1937 г., № 256а)⁸.

5. Капитал

Не плачь, жена, детишки, не грустите.
В кармане я имею два гроша.
Всех наую и накормлю досыта,
Последних два обеда янесу.
Вы, богачи, грозить мне погодите.
Пока я жив, горит во мне мечта.
Болит душа, вся жизнь моя разбита,
Ее разбил проклятый капитал.
Друзья мои, несчастлив был я в детях:
Мой старший сын давно уже в тюрьме,
Второй мой сын находится в окопах
На защите проклятых богачей.
Наша дочь мы также потеряли,
Она жива, но лучше б умерла:
Лежит она в объятьях кредитора,
Того, кто поднял проклятый молоток.
Мои все маленькие детки,
Они больны, больная их душа.
Друзья мои, ко мне скорей

на помощь,

Душит нас свирепый капитал.
(А.Н. Огарков, рабочий-кирпичник, участник рев. движения, член ВКЛб с 1917 г., на заводе с 1902 по 1916 г., зап. В.В. Чистов в 1937 г., № 686)⁹.

6. Истерзанный, измученный

Истерзанный, измученный
Работой трудовой,
Идет, как тень загробная,
Наш брат мастеровой.
С утра до поздней ноченьки
Копит казну купец,
А сам страдает с голода,
Порой несет нужду.
Купец к нему ласкается,
Коль нужен он ему,

А нет — так издевается
И гнет его в дугу.
Он зимушку студеную
Дает ему расчет,
Без гроша идет молодец
И плачет, ла идет.
Придет домой и свалится
Заплачет, как дитя:
«Ох, жить-то, братцы, хочется,
Да жисть-то нелегка».
Закружится головушка
От этой кутерьмы,
Все детушки голодные,
Чакотка у жены.
Лежу больной, голодный я,
Бессильный раб труда.
Мой сын, малютка, мальчик мой,
Простимся навсегда.

Пели в ссылке в Кадникове Вологодской губ[ернии], где в другое время в ссылке были и Сталин. После ссылки привезли песню и в Петрозаводск и здесь потихоньку пели на вечерах (Е.С. Григорьева, 60 лет, жсна умершего в 1935 г. большевика-подпольщика, члена КарЦИКа, предс. обл. К.К.?), вместе с мужем в 1906—09 году была в ссылке в Вологодск. губ. Зап. В.В. Чистов в 1937 г., № 185)¹⁰.

7. Эх, полным-полна Мурманская
У союзников тюрьма.
Много в ней народу всякого
И Свадебов полна тыма.
Есть там братья рабочие,
Есть эсеры и демцы,
За свободу есть охочие,
Только нет одних кадет.
За пропаганду, за агитацию,
Кто тиранов презирал,
За великую свободушку
Нас угнали в дальний край.
Ты взойди, взойди, заря румяна
Над закованной страной,
Освети народу здешнему
Путь свободы, путь честной.
Вспомним-ка, братцы, дни мищения,
Пытки, казни без конца.
(И.Е. Чехонин, 1901 г.р., грамот., мастер стержневого отдела литейного цеха, стахановец, зап. Г.Ф. Нефедов в 1936 г., № 127)¹¹.

8. Коробочка прежних лет
Ой, полным-полна моя коробочка,
Писчи режут ремешки,
К низу клонится головушка
От печали, от тоски.
Ой, много лет спина народная
Короб горестей несла,
Грусть, тревогу безысходную
В сердце чуткое зажгла.
Ах, ты ж сломил беду татарскую,
Стал рабом в последний час.
А кто ж наполнил казну царскую
Чистым золотом у нас?
А кто ж вставал поутру с зорькою,
И до ночи лямку тер?
Но судьбу свою он горькую
Не утешил до сих пор.

(в старое время)¹²

Ведь это ты, народ обиженный,
Пресмыкающий в пыли,
Обездоленный, обиженный,
Вечный раб своей земли.
(А.Н. Дорофеев, зап. А.Н. Нечаев, № 418)¹³.

9. 95 год. Из прошлой жизни
политзаключенных
Три года сижу, но, подобно ежу¹⁴,
Я, как прежде, сердит, непреклонен.
Я на стражу смотрю, сам собой говорю:
Просижу еще хоть три года.
Во мне не умрет громкий голос —
свобода.
Сто лет просижу, я два посмотрю
На крамольное я одеяло¹⁵.
Словно красен, как мак,
Словно красен, как рак,
Вновь мечтаю я свергнуть [тирана?]
(А.Г. Кононов, автограф 1937 г., № 264).

10. 1917 г.
Что ты спиши, мужичок?¹⁶
Весь свободы пришла,
Гист палачей становых,
Приставов далеко ушел.
Встань, проснись, подымись,
Вокруг себя посмотря!
Ты теперь гражданин,
И не будет никто
Над тобой властелин.
Вспомни время свое,
Как на чужих на полях
Кровь бсыропотно лил,
Поп тебе обирал,
Становой угнетал,
А мироед старшина
Беспощадно ругал.
А теперь уж горит
Над тобой новой жизни заря
И счастливая жизнь навсегда.
Лишь не спи, мужичок, поднимись.
(А.Г. Кононов, автограф 1937 г., № 265).

11. Поп и черт
В церкви, золотом облитый,
Пред оборванной толпой
Проповедовал с афона
Поп одажду нарчвой.
Изнуренные, худые
Были люди мы,
В мозолях были руки,
А поп был гладок и румян¹⁷.
«Братья, — он взывал народу, —
Вы противитесь властям,
Вечно роптчите на Бога,
Оттого живется худо вам,
В шамя адское пойдете,
Прямо в общество чертам». —
В это время мимо церкви
Черт случайно проходил,
А поп уши насторожил.
Поп выходит с церкви, черт навстречу:
«Ну-ка, о[т]ча толстопузый,
Каки ты ады и мученья
Беднякам ты обещал!»
Поп, сдр[ий]фа, попятился назад, черт
схватил его за рясу и потащил его на завод,
поставил около печки, где плавилась сталь.
Черт бросил в печку, печка была в полном
разгаре: «Ну-ка, о[т]че, посмотри-ка, какая
здесь святыни, полезай туда!»
Поп попятился, срబел.
Черт схватил и бросил в печку,
И поп сгорел до тла.
(А.Г. Кононов, автограф 1937 г., № 263)¹⁸.

ВОСПОМИНАНИЯ

1. Сперва мы не имели понятия, что такое это слово — «революция» (В.П. Нечерин, зап. А.Д. Соймонов, № 258).

2. Мы люди неразвитые были. Слыкали мы, что были кадеты, эсеры, но все-таки как начнут выступать социал-демократы, так хлопали, а как кадеты или эсеры — так свист. А потом приезжал в цех один, как пошел красть, здорово говорил, ну тут все пошли хлопать. А меньшевика освистали. Рабочие все-таки стали понимать и к большевикам склоняться (В.В. Чижиков, 1896 г.р., на заводе с 1912 г., зап. Г.Н. Парилова в 1939 г., № 396).

3. Инженер Михайлов был в механическом цехе. Он гостился с жандармским адъютантом и полковником. Когда в цехе находились прокламаторы, он вызывал к себе рабочих: «Это вы, зараза. Стюю вас в тюрьме». Рабочие отказывались: «Мы не знаем. Не читали. Разрешите прочитать». — «Читали вы, сволочи, да не сознаетесь» (Евстафьев, зап. А.Д. Соймонов в 1936 г., № 46).

4. В годы 1905—06 митинги на куртгане устраивали. Большинство рабочих Онег[о]з[аво]да были. Ну, имен не припомнить. Обещали привести стражников. Давай ребята таскать поленья. В случае чего закидаем их поленьями. Когда колчался тот или иной митинг, шли с пением; пели рев[олюционные] песни (К.Ф. Петров, 1856 г.р., неграмот., беспарт., зап. А.Д. Соймонов в 1936 г., № 43).

5. Под вечерок рабочие собирались и решили встретить партию политических. Попали к пристани встретить. С пристани до тюрьмы проводили с пением революционных песен. Разошлись.

Вечерком собрались на гулянку: «Пойдемте послушаем пение». Политические пели в тюрьме.

Кучка собралась порядочная, и решили освободить. У кого была винтовка, у кого револьвер. Пришли стражники, и рабочие приготовились. Подготовили камешков. Стражники нацели. Рабочих, конечно, очистились полегоньку. Разбили, разогнали. Троих с лошадей сшибли, одного испшего избили. Потом подошли солдаты, начальство с жандармами наехало. Толпа собралась, очень большая. Солдаты стрелять не стали ушли, но жандармов было много. Стали кричать рабочие: «Уходите прочь!» Рабочие стали их притискивать ближе к воротам, заключенные кричали: «Бейте их, холуев!» Вдруг приказ: «Стрелять!» Первая раз должна[нраб.] выстрелами. Рабочий Чехонин [не закончено].

Стали отстреливаться. Жандармы во двор. После перестрелки разошлись (В.С. Туренков, зап. А.Д. Соймонов в 1938 г., № 109)¹⁹.

6. В марте 1917 г. на з[аво]д пришли ребята и сообщили о событиях в Петрограде. Утром на тачках выкатывали мастера. Первого — с прессового цеха Антона Жидкова. Захватили, посадили на тачку. Жидков достал перочинный ножик, хотел обороныться. Вывезли за большие ворота и выкинули. Побежал в контору за пальтом. Не пустили.

После этого приходил мастер обливочного цеха. Ребята кричат: «Чего не

здраваешься!» Ребята захватили на руки и выкинули за ворота. Он бежит на Губернаторский крах. Бежит и оглядывается — не гонятся ли за ним (К.Ф. Петров, 1856 г.р., зап. А.Д. Соймонов в 1936 г., № 43а)²⁰.

7. Ходит старик и говорит: «Не крепко советская власть!» Ребята привели. Шум в избах. Я высокочил, думал, что тако, одел фуражку. Он говорит: «Не крепко сов[етская] власть». Я взял, снял шапку, дал ему в руки, схватил за волосы: «Крепко?» (3 раза так). На третий сказал: «Крепко» (Н.Н. Дорофеев, 1895 г.р., работал на заводе с 1909 по 1914 г. и в 1917 г., с 1918 г. нач. красногвардейского отряда, зап. А.Д. Соймонов, № 336).

Примечания

¹ Выражаю признательность Н.А. Крикманной и И.И. Муллонен, обеспечившим мне доступ в архив КНЦ, а также сотрудникам архива Л.Б. Галаниной, Е.А. Ломановой и Г.В. Фофановой. Благодарю А.В. Пигина за помощь в уточнении некоторых исторических данных, цитируемых текстов и библиографических ссылок.

² В настоящее время — Онежский тракторный завод.

³ В.И. Чичеров называет несколько источников, из которых рабочие узнавали революционные песни и стихи: в начале XX в. они «печатаются в периодической печати, в песенниках, передаются из рук в руки на отдельных листках, запоминаются в пении, в декламации» (Чичеров В.И. Революционные песни 1905 г. // Советское краеведение. М., 1935. № 9. С. 26).

⁴ Текст, видимо, был написан В.П. Печеринным по просьбе А.Д. Соймонова. В архиве хранится запись того же текста, сделанная Соймоновым от Печерина, в конце пометка собирателя «дальше не помнит» (№ 257). В местах разночтений подчеркиванием выделены фрагменты, отсутствующие в записи Соймонова; фрагменты, отсутствующие в автографе, даны в фигурных скобках. На автографе другим почерком добавлено: «Читалось в цехах [в] 1902 г.».

⁵ Ср. начало стихотворения Ф. Глинки «Город чудный, город древний...».

⁶ О каком событии идет речь, выяснить не удалось.

⁷ Намек на богомольность Жилкова. Ср. также другие стихи о нем [2. С. 41].

⁸ Опубликовано с исправлениями [2. С. 41].

⁹ Ср. клише из революционной поэзии: «Нас давят, товарищи, власть капитала» (одноименная песня, известная по меньшей мере с 1901 г. [7. С. 182—185, 210]; «Давят нас труд и капитал» («Друзья! Довольно слез и стона...» [3. С. 12]). По сообщению А.Н. Огаркова, «это песня безработного, пели в 1906—07 году, после революции»; она также называлась «Молоток» (№ 68).

¹⁰ Опубликован вариант в исполнении К.А. Копаева [2. С. 81]. В основе лежит стихотворение П. Горюхова, широко известное по песенникам [1. С. 82; 4. С. 254]. Последнее четырестышие в известных вариантах отсутствует.

¹¹ Вариант опубликован в газете «Олонецкая коммуна» (1919. № 206. С. 2) под на-

званием «Песня политических заключенных в Мурманской тюрьме».

¹² Добавлено собирателем.

¹³ Опубликовано в газете «Онежец» (14 апреля 1936 г., № 50) с пояснением, что эту «песенку» «тов. Дорофеев (литейный цех) спел «на вечере в научно-исследовательском институте».

Вероятна аллюзия на стихотворение А. Богданова, начинающееся строками: «Кто золото добыл для царской короны? / Кто стать для солдатских штыков оттоил? / Ткал бархат и шелк на богатые троны, / В ненастье и холод за плугом ходил? / Кто дал богачам и вино и пшеницу / И горько томился в нужде безысходной? / Не ты ли, пролетарий, рабочий голодающий? <...>» (1900) [5. С. 34—35].

¹⁴ Ср. стихотворение К. Батюшкова: «От стужи весь дрожу, / Хоть у камина я сижу / <...> Подобен весь ежу...».

¹⁵ Вероятно, красное знамя.

¹⁶ Ср. стихотворение А. Кольцова «Что ты спиши, мужичок?».

¹⁷ Здесь и далее подчеркнуто А.Г. Конновым.

¹⁸ Вариант анонимной «Сказки о попе и черте» («Рабочая мысль». 1899. № 7; «Песни борьбы». Женева, 1902. С. 76—79), певшейся на мотив «Из-за острова на стрежень» [5. С. 65—67]; см. варианты [1. С. 184—185, 249]; также в сборнике «Песни великой российской революции» (Иркутск, 1917) под названием «Духовенство за властей предержащих» (с. 30—32). В архиве КНЦ хранится копия близкого к этим вариантам текста, изъятого у пропагандистов предположительно в 1906—1908 гг.; копия была получена в 1936 г. из Архивного фонда Олонецкого Губ. жандармского управления (№ 363). Публикуемый текст содержит прозаический пересказ и не только короче известных вариантов, но и сюжетно отличается от них; обычно судьба попа складывается не так tragично: черт показывает ему завод, являющий собой подлинный ад, и поп в ужасе убегает.

¹⁹ Вероятно, имеется в виду выступление рабочих Александровского завода у ворот петрозаводской тюрьмы осенью 1906 г. (см. [2. С. 11]).

²⁰ Ранее опубликовано с исправлениями; в качестве рассказчика указан М.Е. Власков [2. С. 27].

Литература

1. Народная поэзия рабочих Сибири. Улан-Удэ, 1974.
2. Песни и сказки на Онежском заводе. Петрозаводск, 1937.
3. Песни Революции: Сборник революционных песен и стихотворений. СПб., 1905.
4. Песни русских рабочих. М.; Л., 1962.
5. Поэзия в большевистских изданиях 1901—1917. Л., 1967.
6. Сказки Ф.П. Господарева. Петрозаводск, 1941.
7. 100 песен русских рабочих. Л., 1984.

Предисловие, публикация и примечания
М.В. АХМЕТОВОЙ (Москва)

Публикация подготовлена при поддержке программы «Русский авангард. Истоки, развитие и значение (2005—2007, NWO—РФФИ, № 050689000)»

А.С. АРХИПОВА,
М.А. МЕЛЬНИЧЕНКО

ПОЧЕМУ ЛЕНИН НОСИЛ БОТИНКИ, А СТАЛИН — САПОГИ?

Данная статья написана в рамках исследования, результатом которого станет систематизированное собрание сюжетов и вариантов анекдотов о Сталине² в ранних записях (1925—1953 гг.).³ Всего нами обнаружено 248 сюжетов, среди них около 20 наиболее популярных и равномерно представленных в разных типах источников: доносах и докладных НКВД, сообщениях иностранных журналистов, дневниковых и мемуарных фиксациях, коллекциях анекдотов. Один из самых популярных анекдотов дожил до наших дней и в собрании А. Крикманна выглядит следующим образом: «Почему Ленин носил ботинки, а Stalin — сапоги? — При Ленине Россия была загажена лишь по щиколотку» [9. № 10]. Согласно данным Крикманна, индекс цитирования этого анекдота в русском Интернете весьма высок (76 вхождений). Однако среди 11 вариантов ранних записей этого сюжета в нашем собрании только две записи, предположительно относящиеся к 1954 г. [3. С. 49—50] и 1956 г. [16. С. 220], приводят тот же вариант, что зафиксирован Крикманном.

В более ранних записях Ленин обычно предпочитает обходить грязь, а Stalin — идти прямо через нее:

Иногда он <...> рассказывал байки, собранные в селах. Например, почему Сталина пишут в чоботах, а Ленина в черевичках? Потому что Ленин увидит лужу — обойдет, увидит куст — обойдет, а Stalin — всё навиростець [13. С. 195] (1941—1942 гг.).⁴

— Тогда ответь на такой вопрос: почему Ленин ходил в ботинках, а Stalin — в сапогах?

АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВНА АРХИПОВА,
канд. филол. наук; Российский гос. гуманитарный ун-т (Москва); МИХАИЛ АНАТОЛЬЕВИЧ МЕЛЬНИЧЕНКО, аспирант
Гос. ун-та гуманитарных наук (Москва)

— Ну, это несерьезно!

— Как так — несерьезно? Видел на портратах — Ленин в ботиночках со шнурками. И брюки отглажены. Всё честь по чести. А Сталин завсегда в сапогах. Почему?

— Такая уж форма одежды. Сталин — человек полу военный, — ответил, пожимая плечами, Томилин.

— Чепуха! — сказал Федорок. — Ленин был человек осмотрительный, шел с оглядкой, выбирал места поровнее да посуще, а Сталин чертом прест, напролом чешет, напрямик, не разбирая ни луж, ни грязи (1930-е гг.) [12].

Ходили и такие шутки: Ленин всегда ходил в ботинках, а Сталин в сапогах. А поэтому Ленин всегда обходил грязные места, а Сталин прёт куда попало [1. С. 337] (1930-е гг.).

Один русский спрашивает другого: «Почему Ленин всегда носил туфли, а Сталин носит сапоги?» Ему отвечают: «Потому что Ленин всегда обходил грязные лужи, а Сталин идет прямо по ним». В другой версии этой истории Ленин носит чистую рубашку и галстук, а Сталин — нет. Это потому, что Ленин знал дорогу, по которой он шел, а Сталин не знает⁵ [8. Р. 543] (1937—1938 гг.).

Отметим, что эти наблюдения во многом спровоцированы советской иконографией (см. ил. 1, ил. 2).

Можно предположить, что «грязь», которую обходил Ленин, следует понимать в метафорическом смысле, но в других ранних вариантах вместо «грязи» речь идет о «болоте», и анекдот для современного читателя становится совершенно непонятным и несмешным:

— Почему Ленин ходил в ботинках, а Сталин всегда только в сапогах?

— Потому что Ленин старался обходить болото, а Сталин идет всегда прямо через болото [2. С. 50—51] (1932—1945 гг.).

Загадка: Почему Ленин ходил в ботинках, а Сталин — всегда в сапогах?

Отгадка: Потому что Ленин старался обходить болото, а Сталин прет всегда прямо через болото [8. С. 44] (1930—1933 гг.).

Записи, в которых фигурировала «грязь», сделаны как в крестьянской [12; 13. С. 195], так и в городской среде [1. С. 337; 22. Р. 543]. Вышеприведенные примеры, где вместо «грязи» возникает непонятное «болото», происходят из двух коллекций анекдотов, имеющих отчетливую политическую, антисталинскую направленность.

Смысл анекдота не ясен, если не учитывать значения слова *болото* в революционном словаре.

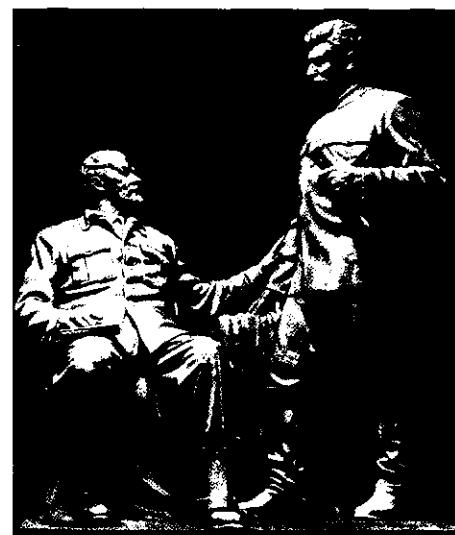
Во времена Французской революции в Национальном собрании места, где сидели умеренные депутаты, называли то *le Marais* ‘болото’, то *la Plaine* ‘равнина’, а места, где сидели радикалы, — *le Montane* ‘гора’. В таком виде термин *болото* перекочевал в лексикон русских революционеров. Так, в книге «Что делать?» (1902 г.) В.И. Ленин писал: «Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не оступаться в соседнее болото (здесь и далее подчеркнуто нами. — A.A., M.M.), обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения. И вот некоторые из нас принимаются кричать: пойдемте в это болото! — а когда их начинают стыдить, они возражают: какие вы отсталые люди! и как вам не совестно отрицать за нами свободу звать вас на лучшую дорогу! — О да, господа, вы свободны не только звать, но и идти куда вам угодно, хотя бы в болото; мы находим даже, что ваше настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие к вашему переселению туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова свободы, потому что мы ведь тоже “свободны” идти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту!» [10].

В таком значении термин *болото* продолжает существовать до конца 1920-х гг., например: «Обыватель живет сегодняшним днем, упуская или совсем не видя перспективу. Его воззрения шатки, неустойчивы. В западноевропейских парламентах из таких “деятелей” составляется так называемое болото» [7. С. 3], однако к концу этого периода его семантика (‘пассивная часть парламента’) дополняется новым значением, прежде всего в речах самого Сталина: «Что значит допустить существование нелегальных типографий всех и всяких группировок в партии? <...> Что же останется тогда от железной дисциплины в нашей партии, которую Ленин считал основой диктатуры пролетариата? Возможна ли такая дисциплина без единого и единственного руководящего центра? Понимает ли Троцкий, в какое болото он попадает, защищая право оппозиционных группировок на организацию нелегальных антипартийных типографий?» [19].

Ил. 1. Е. Кибрек. «Ночью 24 октября Ленин приезжает в Смоленский». 1947 г. Рисунок углем. Из книги: Кинг Д. Отремунированная история. Будапешт, 2002. С. 38

Здесь «болото» означает уже нечто негативное вообще. К 1934—1935 гг., т.е. к моменту убийства Кирова и «суда над убийцами», данный термин стал вступать в новые сочетания, далекие от своего первоначального «парламентского» значения: «И те, кто его слушал, заражались большевистским гневом, ненавистью к троцкистско-зиновьевским предателям, тянувшим нашу родину в болото реставрации буржуазно-помещичьих порядков» [11].

Ил. 2. В. Пинчук, Р. Таурит. «В.И. Ленин и И.В. Сталин в Горах». Скульптура. 1949 г. Из книги: Кинг Д. Отремунированная история. Будапешт, 2002. С. 99

Здесь болото в негативном политическом значении соединяется с болотом, в бытовом узусе означающем 'грязь, застой'.

В письме Сталина по поводу убийства Кирова встречаются такие семантические сочетания, как *болото террора*, *болото авантюризма*: «...потеряв доверие рабочего класса благодаря своей реакционной платформе и лишив себя возможности рассчитывать на какую бы то ни было поддержку партийных масс, зиновьевцы ради достижения своих преступных целей скатились в болото контрреволюционного авантюризма, в болото антисоветского индивидуального террора, наконец — в болото завязывания связей с латвийским консулом в Ленинграде» [18. С. 278].

Клише *контрреволюционное болото* стало почти обязательным элементом как ритуала публичного обвинения «врагов народа», так и ритуала публичного покаяния обвиняемых во время процессов 1935, 1937 и 1938 гг. Приведем два примера: первый — из речи обвинителя, второй — из последнего слова подсудимого Лившица на процессе «антисоветского троцкистского центра» 1937 г.: «Вторая причина — это опять-таки забвение одного из основных в партийном строительстве заветов Ленина о том, что, раз сбившись с пути, раз ошибившись, нельзя упорствовать и настаивать на ошибках, ибо, как правильно вчера упомянул государственный обвинитель, это может привести и приводит, как и нас привело, в фашистское контрреволюционное болото...»; «...я это доверие растоптал в контрреволюционном троцкистском болоте и стал на путь предательства и измены родине. Как это произошло? Как я погряз в контрреволюционном болоте?» [14].

Впервые словосочетание *контрреволюционное болото* появилось, видимо, во время процесса над убийцами Кирова. В докладной записке заместителя наркома внутренних дел СССР Я. Агранова председателю НКВД Ягоде, содержащей краткую стенограмму выступлений обвиняемых, это клише встречается в изложении речей троих из 14 подсудимых⁶: «Антонов заявил, что считает свое преступление ужасным и не ждет пощады. Указал, что он, выходец из рабочей семьи, попал в контрреволюционное болото только из-за слепой веры в авторитет Зиновьева»; «Левин рассказывал о пройденном им десятилетнем пути двурушничества в партии, которое привело его в контрреволюционное болото»; «Соскицкий заявил, что полностью признает свою вину, что привела его на контрреволюционный путь контрреволюционная

зиновьевщина. "Надо, — сказал он, — уничтожить контрреволюционное зиновьевское болото" (Спецсообщение № 6 о судебном процессе по делу Николаева Л., Котолынова и др. 29 декабря 1934 г.: ЦА ФСБ, ф. 3, оп. 2, д. 60, л. 48—56).

В 1934 и 1935 гг. формируется похожее словосочетание — *болото оппозиции*, поскольку в это время *контрреволюция* и *оппозиция* являются фактически взаимозаменяемыми словами: «А что, разве у тебя есть причины сомневаться, что, скажем, Каменев или Зиновьев не враги народа? <...> Всякое отступление от линии партии — это смерть или предательство. Вон какие люди были, а как скатились в болото оппозиции, как попали не той дорожкой, то вон к чему и пришли!» [5. Гл. 2].

Теперь можно вернуться к анекдотам. 1934 год в этой истории играет существенную роль, и вот почему. Вообще публикаций советских анекдотов до 1934 г., а также разовых записей, содержащих такие тексты, вполне достаточно, и популярные анекдоты этого периода встречаются во всех типах источников, как, например, анекдот: «Что общего между Сталиным и Моисеем? — Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин — из Политбюро». Но рассматриваемый в статье анекдот не встречается нигде до 1934 г. Между тем в промежутке между 1934 и 1939 гг. он фиксируется часто, причем именно в докладных и доносах с партсобраний. Например, в докладной записке 1930-х гг. секретарю Челябинского горкома ВКП(б) описывается, как кандидат в члены партии Соколов на политзанятии задал лектору Успенской вопрос: «Почему Ленин ходил в ботинках, а Сталин ходит в сапогах?» Успенская пересадресовала этот вопрос знакомым членам ВКП(б) и секретарю парткома связистов, «который вместо того, чтобы принять меры, сам загнулся как-то подобный этому анекдот» [20].

Неизвестно, какой ответ получил кандидат в члены партии, но интересен тот факт, что этот вопрос курсировал в партийных кругах, хорошо знакомых с сочинениями Ленина и Сталина.

И, наконец, именно 1935 г. датированы две сводки, которые включают варианты этого анекдота: первая — о настроениях среди партийных, вторая — среди комсомольцев (даны в переводе с английского языка):

Почему Ленин носит ботинки, а Stalin — сапоги? Потому что при Ленине можно было ходить в ботинках (было чисто, сухо и хорошо), а сейчас, когда Stalin у власти, такое болото, что куда

ни пойдешь — влизнешь. Вот почему он носит ботинки [21. Р. 179 (источник: ГАНО, ф. 22, д. 3, оп. 520, л. 86б)].

Почему Ленин носит ботинки, а Stalin — сапоги? Потому что Ленин избегает болота оппозиции, а Stalin прет через него [21. Р. 216, л. 37 (источник: РЦХИДНИ, ф. 17, д. 120, оп. 175, л. 88)].

В последнем примере, как можно увидеть, клише *болото оппозиции* использовано напрямую, и это — самая ранняя фиксация. Наконец, в данном варианте появляются и политический подтекст, и бисоциация, построенная на двух смыслах слова *болото*, и соответственно, можно представить, что такой текст производил комический эффект. О 1934 г. как о предполагаемой дате возникновения мы заговорили не случайно. Во-первых, до 1934 г. этот сюжет нигде не фиксируется, а во-вторых, что, собственно, значит фраза «Ленин избегает болота оппозиции, а Stalin прет через него»? Видимо, здесь содержится намек на то, что Ленин, как он ни дискутировал со своими оппонентами внутри партии, никаких мер строже отстранения от должности к несогласным соратникам не применял; Stalin же последовательно уничтожал старых революционеров. 1934—1935 гг. печально знамениты убийством Кирова, в организации которого в узких кругах шепотом обвиняли Сталина, процессом над «убийцами Кирова» и «началом конца» Каменева и Зиновьева, т.е. их арестом и обвинением в организации «антисоветского московского центра». После этих событий вопрос о наличии «болота оппозиции» в советской стране был окончательно закрыт. Наконец, формула *контрреволюционное болото* именно в это время появляется не только в публикациях, но и на публичных процессах.

В доносе за 24 декабря 1937 г. Ф.М. Ивановского в Томский горком ВКП(б) о «вредительстве на Томской лесоперевалочной базе» содержится следующий абзац:

И это не случайно, т. Малышев, что горком укомплектовал работниками Вокзальный райком из гнилого болота лесобазы: Башкатов — секретарь райкома, Забиро — инструктор райкома, Лаптев — секретарь райкома ВЛКСМ — эти люди в партийном руководстве в первичных партийных организациях свалились в контрреволюционное болото, а вы ими заразили и районное партруководство. [23. С. 333 (источник: ЦДНИТО, ф. 80, оп. 2, д. 5473, л. 1—2: Подлинник. Машинопись)]

«Болото лесобазы» трудно понять здесь как, например, «грязь лесобазы», но это в контексте вышесказанного прочитывается как «оппозиция на лесобазе», тем более что в этой же фразе «вредители» «свалились в контрреволюционное болото».

Отметим, что термин *болото* в значении «грязь» появляется и другом анекдоте:

В начале тридцатых годов в ВКП(б) существовала центральная контрольная комиссия (ЦКК), на местах местные контрольные комиссии (КК). Это были партийные суды, куда каждый член партии очень боялся попасть. Ибо КК могла исключать из партии, а это означало бы конец карьеры.

Около ЦКК в Москве идут двое и один спрашивает:

— Что это за организация?

— А это такая организация, что из человека может сделать болото, а из болота — человека [2. С. 43].

Таким образом, этот сюжет, первоначально связанный с «болотом» оппозиции, «опускается» из партийных кругов в крестьянскую и городскую среду и теряет не только второе значение *болота* как термина революционного языка, но и третье значение, свойственное советскому официальному «новоязу» 1930-х гг. *Болото* начинает пониматься как лужа или грязь, вследствие чего возникает анекдот, с которого начата эта статья: «Почему Ленин носил ботинки, а Сталин — сапоги? — При Ленине Россия была загажена лишь по щиколотку».

Вероятна связь формы этого анекдота с детскими загадками, фиксирующимися еще в конце XIX в., например: «Почему утки ходят?» — «По земле» [15]. Любопытно, что сейчас этот анекдот часто понимается именно таким образом, например, журналистка Е. Францева, комментируя докладную записку, воспринимает вопрос как «*По чему* Ленин ходил в ботинках...» [20].

Наконец, стоит обратить внимание на заключительную фразу анекдота: «...а Сталин прет/идет через болото», которая зафиксирована в трех вариантах [21. Р. 216, ref. 37 (источник: РЦХИДНИ, ф. 17, д. 120, оп. 175, л. 88); 8. С. 44; 2. С. 50—51]. В ноябре 1917 г. Максим Горький опубликовал в газете «Новая жизнь» статью «Вниманию рабочих», которая начинается знаменитой фразой: «Владимир Ленин вводит в России социалистический строй по методу Нечаева — «на всех парах через болото»» [4]. В этой фразе Горький, видимо, цитирует слова Верховенского из «Бе-

сов» Ф. М. Достоевского: «...я прибыл сюда с сообщениями, а потому прошу всю почтенную компанию не то что вотировать, а прямо и просто заявить, что вам велесле: черепаший ли ход в болоте, или на всех парах через болото?» [6. С. 394].

Вполне возможно, что синтаксическая конструкция и частично семантика фразы про Сталина, который «прет прямо через болото», навеяна этой цитатой, хотя в данном случае *болото* не имеет политического подтекста.

Примечания

¹ Выражаем благодарность С.Ю. Неклюдову, который предложил нам подумать над значением слова *болото* в этих анекдотах, — так появился замысел данной работы, и Б.С. Долгину (заместителю главного редактора интернет-издания «Полит.ру»).

² Готовится к печати в журнале «Вестник РГГУ»; краткая версия опубликована в электронном журнале «Folklore» (адрес доступа: <http://www.folklore.ee/rl/fo/konve/joke07/teesid.pdf>).

³ Начиная с 1 февраля 1925 г., когда был зафиксирован первый анекдот о Сталине [17].

⁴ Здесь и далее в скобках указываются верхняя и нижняя границы датировки.

⁵ Оригинальный язык этой записи английский: «"Why did Lenin always wear over-shoes [botinki], but Stalin always wears boots? [sapogi]", — one Russian asks another. "Because Lenin walked around mud puddles and Stalin goes straight through them", — comes the answer. Another version of the story has Lenin wearing a clean shirt and tie while Stalin does not. This is because "Lenin knew the road he was traveling, but Stalin doesn't"».

⁶ Впрочем, в речах обвиняемых используются те же обороты, что и в речах обвинителей.

Литература

1. Андреевский Г. Москва: 20—30 гг. М., 1998.
2. Антисоветские анекдоты (борьба народной пропаганды с большевистской). Буэнос-Айрес, б.г. [предположительно 1946].
3. Бутман Г.И. Ленинград—Иерусалим с долгой пересадкой. Иерусалим, 1981.
4. Горький М. Вниманию рабочих // Новая жизнь. 1917. 10 (23) ноября 1917. № 177.
5. Домбровский Ю.О. Хранитель древностей. Факультет ненужных вещей: Роман в 2 кн. / Подгот. к публикации К. Турумовой-Домбровской. М., 1990.
6. Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 12 т. Т. 8. М., 1982.
7. Калинин М.И. Как лучше ознаменовать память Ленина // Правда. 1939. 21 янв. С. 3.
8. Кремль и Народ / The Kremlin and The People / Сост. и comment. Е. Андреевич. Мюнхен, 1951.
9. Крикманн А. Интернет-анекдоты о Сталине = Krikmann A. Netinalju Stalinis = Internet humor about Stalin. Tartu, 2004.
10. Ленин В.И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения. М., 1978.
11. Логинов Н. батальонный комиссар. Пламенный трибунал революции: Памяти Сергея Мироновича Кирова // Пропагандист и агитатор РККА. № 22. Ноябрь 1939. С. 19—23.
12. Можаев Б. Мужики и бабы // Можаев Б. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3—4. М., 1990.
13. Померанц Г.С. Записки гадкого утенка. М., 1998.
14. Процесс антисоветского троцкистского центра // Известия. 1937. 30 янв. С. 3.
15. Садовников Д. Загадки русского народа. СПб., 1901.
16. Советский Союз в зеркале политического анекдота / Сост. Д. Штурман, С. Тиктин. Иерусалим, 1987.
17. Современный советский анекдот // Воля России. 1925. № 2. С. 50—62.
18. Сталин И.В. Закрытое письмо ЦК ВКП(б). Уроки событий, связанных с злодейским убийством тов. Кирова. Ко всем организациям партии [18 янв. 1935] // Сталин И.В. Соч. Т. 16. М., 1997. С. 277—285.
19. Сталин И.В. Политическая физиология русской оппозиции: Из речи на объединенном заседании Президиума ИНКИ и ИКК. 27 сент. 1927 г. // Сталин И.В. Соч. Т. 10. М., 1949. С. 153—167.
20. Францева Е. По чему Сталин ходил в сапогах? // Челябинский рабочий. 2000. 30 окт. № 202. [Источник: Докладная записка секретаря Челябинского горкома ВКП(б), 1937(?)].
21. Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda and Dissent, 1934—1941. New York, 1997.
22. Thurston R.W. Social Dimensions of Stalinist Rule: Humor and Terror in the USSR, 1935—1941 // Journal of Social History. 1991. Vol. 24. № 3. P. 541—562.
23. 1936—1937 гг. Конвойер НКВД: Из хроники «большого террора» на Томской земле / Сост. Б.П. Трепинин. М., 2004.

Сокращения

ГАНО — Государственный архив Новосибирской области (Новосибирск).

РЦХИДНИ — Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (Москва).

ЦА ФСБ — Центральный архив ФСБ (Москва).

ЦДНИТО — Центр документации новейшей истории Томской области (Томск).

Исследование проведено при поддержке программы Deutscher Akademischer Austausch Dienst (Германская служба академических обменов) «Иммануил Кант» (2007 г.)

АНЕКДОТЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ Н.В. СОКОЛОВОЙ (1926 г.)

История политического анекдота первых десятилетий советской власти изучена слабо. В первую очередь это объясняется весьма небольшим количеством его письменных фиксаций. Несмотря на широчайшее распространение, на протяжении 70 лет этот жанр в силу своей оппозиционности правящему режиму развивался в подполье. Если сюжеты, родившиеся в 1970—1980-е гг. и сохранившиеся в памяти ныне живущего поколения, представлены в многочисленных постперестроечных сборниках и Интернете, то анекдотической традиции раннего периода повезло меньше. Репрессивная политика государства по отношению к рассказчикам анекдотов значительно ограничила возможность записи политических сюжетов иначе как в доносе на рассказчика. Тем не менее тексты политических анекдотов можно обнаружить не только в судебных делах. К этому жанру проявила повышенный интерес эмиграция: было издано несколько сборников анекдотов, в 1927 г. популярный эмигрантский еженедельник «Иллюстрированная Россия» даже провел конкурс на самый лучший анекдот о Советской России. Однако эмигранты-собиратели были склонны к обработке текстов, в результате чего анекдоты из заграничных сборников весьма слабо отражают реальную фольклорную традицию.

В свете этого особенную ценность для историков и фольклористов приобретают немногочисленные записи анекдотов в дневниках современников. В научный оборот уже были введены дневниковые коллекции академика ВУАП С.А. Ефремова¹ и историка И.И. Шитца², однако оба этих собрания охватывают сравнительно небольшие временные отрезки (1923—1929 гг. и 1928—1931 гг. соответственно).

На этом фоне совершенно уникальной представляется нам коллекция Н.В. Соколовой.

Наталья Викторовна Соколова (12.08.1916, Одесса — 25.09.2002, Москва) родилась в семье Виктора Яковлевича Типота (драматурга и режиссера, одного из основателей московского Театра Сатиры) и Надежды Германовны Блюменфельд (актрисы театра «Синяя блузка», художника по костюмам), в 1938 г. с отличием окончила Литинstitут имени Горького. Печаталась как литературный критик с 1936 г., в 1947—1949 гг. заведовала редакцией прозы в издательстве «Профиздат». С 1957 г. было опубликовано девять прозаических книг Натальи Викторовны (рассказы, повесть, роман). Ее произведения были переведены на другие языки и издавались за рубежом (в Японии, Германии, Венгрии и др.).

С 1926 г. Наталья Викторовна, будучи еще ученицей начальных классов, начала фиксировать в своем дневнике все, что ей казалось смешным или забавным, — анекдоты, частушки, песни, остроты и эпиграммы многочисленных друзей семьи. За более чем 60 лет ведения дневника сюда была собрана огромная коллекция, насчитывающая несколько сотен записей. В 1990-е гг. Наталья Викторовна опубликовала небольшие выдержки из своей коллекции³, однако основной массив записей так и остался в рукописи фактически подготовленного к публикации сборника советского фольклора, хранящейся в архиве ее сына Павла Павловича Соколова.

Публикуемые материалы представляют собой тексты советских анекдотов, записанные Натальей Викторовной в 1926 г. Орфография и пунктуация сохранены.

- 1. — Где вся Мура, буза, ерунда?
— Нигде кроме как в Совнаркоме.
[Примеч. Н.С.]: «Пародируется реклама Маяковского: "Нигде кроме как в Моссельпроме"».
- 2. Кто-то в разговоре пожаловался на неразбериху и волокиту в Совнаркоме.
— Чего же вы хотите? — сказал Радек.
— Первый блин всегда Совнаркомом.
- 3. У биржи труда.
— Ну что, ты нашел работу?
— Нет, так и не нашел. А ты?
— Я нашел.
— Доволен?
— Да понимаешь, платят за нее не так много, но зато она вечная. Разжигать пожар мировой революции.
- 4. Рабфаковка ищет в алфавитном указателе к учебнику Каутского.
— На «С» нету.
— Почему на «С»?
— А как же? Социал-кровавая-собака Каутский.
- 5. Бежит сломя голову заяц.
— Ты куда?
— Да, говорят, есть приказ. Всех верблюдов берут заложниками и в Чеки расстреливают.
- Да ты-то тут причём?
— Э! Пойди докажи, что ты не верблюд!
[Примеч. Н.С.]: «Попробуй докажи, что ты не верблюд» — это быстро стало поговоркой».
- 6. — Названия — один обман... В Наркомпроде ничего не продают. А в ЧК не чикаются.
- 7. Коммерсант в ЧК.
— Ну, какой вам приход, если меня выведут в расход?
- 8. Нэлман завел производство и продажу дешевых котлет из рыбчиков.
— Но рыбчик — это же очень дорого. Как вы умудряетесь делать котлеты дешевыми?
— А я, знаете ли, пополам. Один рыбчик, один конь...
- 9. — После семнадцатого года жизнь бьёт ключом...
— По голове? Да, я это уже заметил.
ВАРИАНТ:
— После Великого Октября литература забила ключом...
— Лучше сказать: литературу забили ключом.
— Каким ключом?
- 10. — От ворот светлого царства Пролеткульта. /
- 11. Современная любовь.
— Тебя как звать.
— Ну, Катькой.
— Тады ложись.
- 12. Человека вызвали в ЧК.
— Вы не были случайно в Торжке в восемнадцатом году?
— Ну, был.
— Жаль, что были. Там как раз згрел белогвардейский мятеж... А вы не были случайно в Кинешме в двадцатом году?
— Ну, был.
— Жаль, что были. Там как раз ворачивалось подполье анархистов-синдикалистов... Вы арестованы.

— А вы не были случайно, господин следователь, в Астрахани в двенадцатом году?

— Нет.

— Жаль, что не были. Там как раз разворачивалась и зрела эпидемия холеры.

13. Философ-славянофил, которого большевики высыпают на Запад, говорит:

— Конечно, больно покидать Русь. Но чем лежать в родной святой земле с пулей в затылке, лучше уж топтать окаймленные парижские бульвары.

14. Пожилой еврей сидит на занятиях Всевобуча (Всеобщего воинского обучения). Ему говорят:

— Перед вами винговка. Вам она знакома? Что вы можете о ней сказать?

Еврей растерян, но хочет произвести хорошее впечатление.

— Господи! Да я же с ним давным-давно знаком. Знал её ещё тогда, когда она была совсем маленьkim револьверчиком.

15. Англия первой признала СССР и установила с ним дипломатические отношения.

Советская Россия до 1924 года была самой целомудренной страной в мире, так как ни с кем не имела сношений.

16. На бирже труда.

— Что вы умеете делать?

— Ничего.

— Вы партийный?

— Нет.

— Тогда мы, к сожалению, не сможем вас трудоустроить.

17. — Ох, этот Николай Второй! Я о нём очень плохого мнения.

— Почему?

— А как он мог допустить, чтобы они пришли к власти?

16. Дама из бывших:

— Он хоть и большевик, но вполне порядочный человек...

17. Что есть вершина поэзии?

ЖУКОВСКИЙ. Баллада.

ПУШКИН. Сонет.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ. Агитка.

18. — Я всегда путаю, что такое ЧК и что такое ЦК?

— Ну, ЧК — это центральный комитет, а ЦК — церезвычайная комиссия. А вообще особой разницы между ними нет.

19. — Что-то Троцкий и Ленин потолстели.

— Да нет. Это они щеки надули.

— Зачем?

— Изо всех сил раздувают пожар мировой революции. А он всё гаснет.

20. Как мировая буржуазия представляла себе красивых комиссаров...

Чичерин осматривает дворец шаха. Одна дверь заперта.

— Сюда нельзя.

— Почему?

— Библиотека.

Потом всё-таки пускают. Оказывается это гарем. Чичерину понравились две. Одна в розовом, другая в голубом одеянии.

Из Москвы он пишет: «Дорогой шах, пришлите мне из вашей библиотеки два тома: один в голубой обложке, другой в розовой».

Ответ шаха: «К сожалению, не могу выполнить вашей просьбы, так как голубую книгу я сам изучаю, а розовая ещё не разрезана».

21. — Ох! Разве это жизнь? Это бардак.

— Ну что вы. У моего тестя до революции был бардак. Так он разве потерпел бы в нём хоть один день такой беспорядок, как у них?

22. — Почему в Коминтерне нет представителя компартии африканского племени ням-ням?

— Потому что ни один польский или австрийский еврей не согласился пройти кольцо в нос, дать покрыть всё тело татуировкой эротического характера и питаться человечиной.

23. Чекисты заподозрили, что нэпман проглотил доллары. Дали ему кастрорку, посадили на горшок.

— Ну как?

— Пока идёт советское...

24. — Что значит РКП/б/? Почему в скобках стоит «б»?

— Бывшая. Понимаешь? Бывшая коммунистическая. А теперь Нэпорыловско-Бюрократическая.

25. — Что значит РКП/б/? Почему в скобках стоит «б»?

— Потому что блядь. Заигрывала с солдатием, пролетариями да мужичками. Теперь пошла гулять с нэpmачами да сменовеховцами.

26. Жена одного из вождей, сестра другого, очень популярная в Москве лама, руководящая деятельница в сфере культуры, искусства, как и многие другие жёны ответственных коммунистов хозяек салона, имеет близкие отношения, если верить слухам, с товарищем Разумным, который тоже что-то такое организует по части искусства.

[Нраб.] каламбур: что для царицы было распутно, то для красной комиссарши разумно.

27. В России — революция, бог не знает, что там делается. Решил послать

наблюдателей. Выбрал апостола Матвея. Тот попал на биржу труда.

— Вы кто?

— Мытарь.

— Непонятно.

— Собирал мыт. Ну, подати...

— А, финансспектор? Они нам очень нужны. Много финансовых злоупотреблений, жулики, растратчики. Идите, работайте, товарищ.

Стал Матвей финансспектором, работает по горло. Ничего богу не сообщает, никогда.

Бог послал апостола Петра.

— Вы кто?

— Ловец.

— Как это?

— Ну, рыбак. Стаж около тысячи лет.

— О, как раз в Рыбтресте вскрыты большие хищния, взяточничество, все проворовались и сидят. Идите, работайте, товарищ.

Работы сверх головы, Петр ничего богу не сообщает.

Бог послал Христа.

— Вы кто?

— Сын божий.

— Неважное социальное происхождение. Придется вас, очевидно, направить в ЧК, пусть там разберутся.

— Я, собственно, незаконный сын бога. А вообще-то у меня есть отец Иосиф... плотник...

— Это уже лучше. Сделаем так. Попилю вас на деревообрабатывающий комбинат повариться в пролетарском котле. А когда немного опролетаритесь, выдвинем вас в Рыбтрест. Там товарищ Пётр разложился, крутит с подхалимами и актрисами, в кассе недостачи... Вот-вот товарищ Матвей его снимет и посадит.

28. Керженцев делает доклад у студентов на тему «Берегите время!» Выступает студент:

— Очень помогает экономить время знаете что? Любовь с первого взгляда.

29. После свадьбы.

— Ты мне соврала, что твой отец, сапожник, умер. А он жив и, как кустарь-одиночка, пользовавшийся наёмным трудом, сослан в Соловки.

— И это ты называешь жизнью?

30. — Ахр-р!

— Кто это рычит?

— АХРР. Ассоциация Художников Революционной России. Может и укусить...

31. Гражданская война. Поезд, теплушка, набитая пассажирами. Один пассажир развесил свои вонючие носки. Другой его деликатно спрашивает:

— Скажите, гражданин, вы меняете носки?

— Только на сахар.

32. Почему оппозиция Зиновьева и Каменева называлась просто Новой оппо-

зицей, а не как-нибудь соответственно её программе?

— А у неё программа очень неопределённая. И часто меняется. Не ухватишь суть.

— Но ведь они выступают за что-то?

— О, да. За передачу им всей полноты власти.

33. В ЦКК висит плакат: «Добро пожаловать! Хлеба вам не поднесём, но Сольца на хвост насыпем».

[Примеч. Н.С.]: «Один из руководителей Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б) — Сольц».

34. — Как расшифровывается комбед?

Коммунистическое бедствие.

[Примеч. Н.С.]: «В 1918 году в деревне существовали комитеты бедноты, комбеды. Они конфисковали хлеб у зажиточных крестьян».

35. Идут по театру Москвин и Станиславский (старец-дядя). Красный уголок, блюст.

МОСКВИН: Страшно знакомый бюст, не подсказывайте, я сам вспомню. Ну, конечно, это Лукич!

СТАНИСЛАВСКИЙ: Слушайте, не Лукич, как-то иначе. Вы не говорите так, вас могут засадить в ихний МГУ на Лубянке...

Немировичу-Данченко рассказали об этом разговоре, он страшно возмущен:

— И поделом будет Москвину, если его засадят в ГУМ. Как можно Фомича называть Лукичом!

36. — Какая разница между ЦК и ЧК?

— В ЦК цыкают. А в ЧК чикают.

37. Из цикла «Как мировая буржуазия представляет себе красных комиссаров».

Генуя, 1922 год. Банкет для участников конференции.

Вдруг Чичерин видит, что Красин кладет в карман две серебряные ложки. Обмен знаками: Одну мне. — Бери сам.

Чичерин рассердился:

— Внимание, господа. Хочу показать фокус. Вот я беру две серебряные ложки и кладу их себе в карман. А теперь товарищ Красин их вынет из своего кармана.

38. Прислуга об Алексее Толстом:

— Их сиятельство ушли в райком⁴.

39. — Пролетарий, чем ты недоволен?

— Замучили грамотой Инголов да Волин. Избавиться от них я не волен.

[Примеч. Н.С.]: «Политграмоту Волина и Инголова выпускают огромными тиражами. Эта книга — в каждом доме».

40. В Одессе.

— Вайнштейн, вы поц.

— Безобразие! Ругаетесь нехорошими словами.

— А что я такого нехорошего сказал? Это просто сокращение. Вы пайщик Одесского Церабкопа, да? Берем первые буквы и получаем... Теперь же в такой моде сокращения!

41. Нэпман жалуется:

— В ларьке стало невозможно торговать. Душат налогами. У меня одни убытки из месяца в месяц.

— А почему ты не закрой ларёк?

— А на что я буду жить, скажи на милость?

42. — Что это за «ножницы», о которых кричит Троцкий?

— Это разница между промышленными и сельскохозяйственными ценами. Цены расходятся, как концы «ножниц».

— А это так важно — «ножницы»?

— Для Троцкого — да. Он хочет, используя «ножницы», отрезать башку Сталину.

43. На Генуэзской конференции Ллойд Джордж похвастался серебряной табакеркой с надписью: «Давиду Ллойду Джорджу от английской королевы». Пуанкаре достал золотую с надписью: «Раймону Пуанкаре от французского офицерства». Чичерин показал золотую с бриллиантами, на ней надпись: «Савве Морозову от благодарных рабочих».

44. — Что такое жилтоварищество? Когда жильцы одного дома очень по-товарищески бьют друг другу морды.

45. На вокзале.

Толпа мешочников. Один в кожаной куртке подходит к другому в кожаной куртке.

— Товарищ, ты коммунист?

— Да.

— (шопотом.) Скажи, где тут сортир?

46. ПРОФЕССОР: Я скоро перестану уважать Луначарского. Он слишком много выступает, начинает путаться, ошибаться. На последнем диспуте изречение малоизвестного древнегреческого философа 6 века до нашей эры Фалеса из Милета «Вода — отец всего сущего» приписал совсем другому малоизвестному древнегреческому философу 5 века до нашей эры Эмпедоклу.

ПЕРВЫЙ СТУДЕНТ: Но чтобы их перепутать, надо знать об их существовании. Это вызывает у меня большое уважение к Луначарскому.

ВТОРОЙ СТУДЕНТ: Не знаю, является ли действительно вода отцом всего сущего, но в речах Луначарского её многовато.

47. — Почему так неумело готовят в столовых Нарпита?

— Все кухарки заняты. Управляют государством.

— Теперь я понял, почему так неумело управляют государством⁵.

48. Патриарх всея Руси ТИХОН Белавин Василий Иванович. Бог есть!

ЛУНАЧАРСКИЙ. Бога нет!

Митрополит ВВЕДЕНСКИЙ, глава обновленческой церкви. Бог есть, но он большевик!

49. На Ильинке была чёрная биржа, торговали валютой. Потом стали запрещать, разгонять, хватать.

Идёт патруль. Два спекулянта испугались, видят — у стены собачьи кашки, присели над ними, делают вид, что тужася.

— Вы что тут делаете?

— Да вот... схватилю... по нужде...

— Кал-то собачий.

— Какая жизнь, такой и кал.

50. — Почему ты в продмаге не взял колбасу?

— Да там объявление: «БЕЗ ЧЕКА НЕ ОТПУСКАЕМ». Ну, знаешь, если каждый раз ходить в ЧК за разрешением... просить ордер на колбасу... Как бы не вышло хуже!

51. Кончилась гражданская война. Муж — в армии, жена — в деревне.

Телеграмма жены к мужу. «НАДО САЖАТЬ КАРТОШКУ НЕКОМУ ВСКОПАТЬ ОГОРОД». Телеграмма мужа жене. «НЕ ТРОГАЙ ОГОРОД ЗАРЫТ ЯЩИК ВИНТОВКАМИ». Телеграмма жены мужу. «ПРИШЛИ ИЗ ЧК ПЕРЕКОПАЛИ ВЕСЬ ОГОРОД». Телеграмма мужа жене: «ТЕПЕРЬ САЖАЙ КАРТОШКУ».

Телеграмма жены мужу. «КАК БЫ НЕ ПОСАДИЛИ НЕЧТО ДРУГОЕ».

Примечания

¹ Ефремов И. Щоденники. 1923—1929. Киев, 1997.

² Шитц И.И. Дневник «Великого перелома» (март 1928 — август 1931). Paris: YMCA-press, 1991.

³ Соколова Н.: Краткий курс: материалы к энциклопедии советского анекдота. Двадцатые годы // Огонек. 1991. № 1. С. 29—31; Страна моего детства (Литературно-театральный юмор 20-х гг.) // Вопросы литературы. 1995. № 4. С. 354—368; В зеркале смеха (Литературно-театральный юмор первой половины 30-х годов) // Вопросы литературы. 1996. № 3. С. 363—375; Из старых тетрадей (1938—1941 гг.) // Вопросы литературы. 1998. № 2. С. 356—365.

⁴ Графский титул А.Н. Толстого был предметом многочисленных шуток в связи с его возвращением из эмиграции и переходом на сторону Советов.

⁵ Аллюзия на широко бытовавшее клише «Каждая кухарка будет управлять государством», восходящее к ленинской фразе практически противоположного содержания. См. также текст № 10.

И.Ю. ШУНДАЛОВ

КРЕСТЬЯНСКИЕ НЕКРОПОЛИ ТЕРСКОГО БЕРЕГА БЕЛОГО МОРЯ

Терский берег — прибрежная полоса Кольского п-ова от зал. Порья губы Белого моря до мыса Святой Нос Баренцевоморского бассейна, всего около 600 км. На этой территории вплоть до активного освоения севера Европейской части России в начале XX в. проживало немногочисленное население, которое в основном было сосредоточено в нескольких деревнях на побережье Белого моря¹. Поморская традиция до сих пор во многом сохраняет старый деревенский уклад и традиционные транспортные пути. Эти обстоятельства позволяют исследователю, с одной стороны, охватить большую территорию за относительно короткое время, а с другой — зафиксировать явления, бытовавшие по крайней мере в первой трети XX в.

В ходе полевых исследований 2003 г. на территории Терского р-на Мурманской обл. были описаны 5 могильных комплексов XIX—XX вв., находящихся в деревнях Оленица, Кашкаранцы, Варзуга и Кузомень². Дальнейшая работа предполагает изучение и описание всех кладбищ (а также отдельно стоящих могил) Терского берега и составление сводного некрополя. Для уточнения полученной информации планируется использование архивных материалов.

Самый распространенный тип надгробий на Терском берегу — восьмиконечный (реже шестиконечный) деревянный крест, со стандартными инициалиями: на вершине — «ИНЦИ», на первом перекрестьи — «ЦРЬ С(Л)ВИ», на средокрестии — «ИС (СН) БЖИ(Й) Х(РИ)С», вниз по кресту — «КТ», «ПВ», «ИС», «ВТ», иногда сопровождающиеся рисунками копья, трости и губки, далее следует стандартная надпись: «Здесь погребено тело раба (или рабы) Божия (ей) имярек», на нижнем перекрестьи: «МЛ_(НИКА)_РБ», внизу инициалии: «ГГ» и «ГА»³ и рисунок черепа и костей (см. рис. 1). Достаточно редко крест имеет двускатное перекрытие, чаще всего такая форма встречается на позднейших могилах. На некрополях также присутствуют каменные или металлические стелы и стандартные воинские захоронения (усеченная пирамида со звездочкой).

Старые кресты, в отличие от современных, богаче орнаментированы — они украшены медальонами с нестандартными инициалиями-криптограммами⁴, иконами, тщательно вырезанными надписями и эпитафиями (для погребений младенцев).

Выделяются две группы кладбищенских комплексов, резко отличающихся друг от друга: с одной стороны — Варзуга и Кузомень, с другой — Оленица и Кашкаранцы.

Некрополи первой группы оставались на своих местах, по крайней мере, с середины XIX в. — несмотря на периодическое уничтожение старых крестов и насыпей, ни в Варзуге, ни в Кузомени не было тотального перемещения могильника. Современные кладбища Оленицы и Кашкаранцев возникли после войны; там установили памятники-кенотафы (затесанные столбики) с уничтоженных старых могил (рис. 1); на кенотафы могли переноситься надписи с крестов.

Каждый кладбищенский комплекс Терского берега обладает своей спецификой. Варзуга (первое кладбище, на Никольской стороне деревни, — 256 установленных могил и 19 неизвестных; второе, на Успенской стороне⁵, — 151 уста-

новленная могила и 33 неизвестных) отличается большими семейными усыпальницами, закрепленными за определенными семьями. На территории такой усыпальницы иногда находятся очень старые кресты, на которых надпись не читается. В одном случае удалось установить⁶ имя и фамилию погребенного — он был членом той же патронимической группы, которой принадлежал этот участок некрополя. Большие семейные усыпальницы характерны и для Оленицы. Варзугские мемориальные памятники отличаются и техникой изготовления — встречаются 6-конечные («плачевые») кресты с медальонами на концах перекладин (рис. 3, тип С).

В Кузомени (163 установленных могил, 181 неизвестная) до сих пор находится группа так называемых обетных крестов (т.е. установленных в честь какого-либо события) — высотой до 3-3,5 м (при установке) с посвятительной (или мемориальной) надписью и многочисленными медальонами-криптограммами. Сейчас почти все они повалены и эродированы, а надписи, к сожалению, уже совершенно не читаются. То, что эти памятники, скорее всего, не выполняли сульбо мемориальной функции, можно судить по величине остатков одного из текстов (6-7 строчек). Массивные кресты с резными инициалиями ставились и на могилах, в этом случае медальонов было меньше; а в Варзуге чуть выше средокрестия в специальной выемке укрепляли иконку (рис. 2, тип В).

На кузоменском некрополе находится также скопление каменных надгробий и могильных плит. Плиты встречаются и в Варзуге, однако фигурные надгробия обнаружены лишь в Кузомени (2 случая) и на старом некрополе пос. Умы (1 случай). Вероятно, наличие таких памятников связано с административным статусом этих поселений⁷.

Более поздние кузоменские могилы отличаются особой формой крестов, состоящих из двух частей: нижней (утолщенный 4-гранный брус 10 см со скосом к основанию и выемкой для креста-навершия) и верхней (6- или 8-конечный крест). Такие памятники (рис. 2, тип А) было гораздо проще изготовить — для них требовалось меньше дерева, чем для массивных двух-трехметровых крестов. Вероятно,

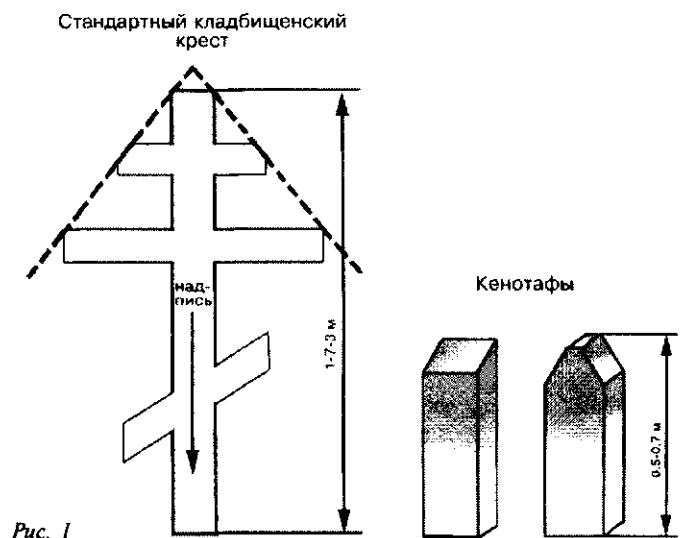

Рис. 1

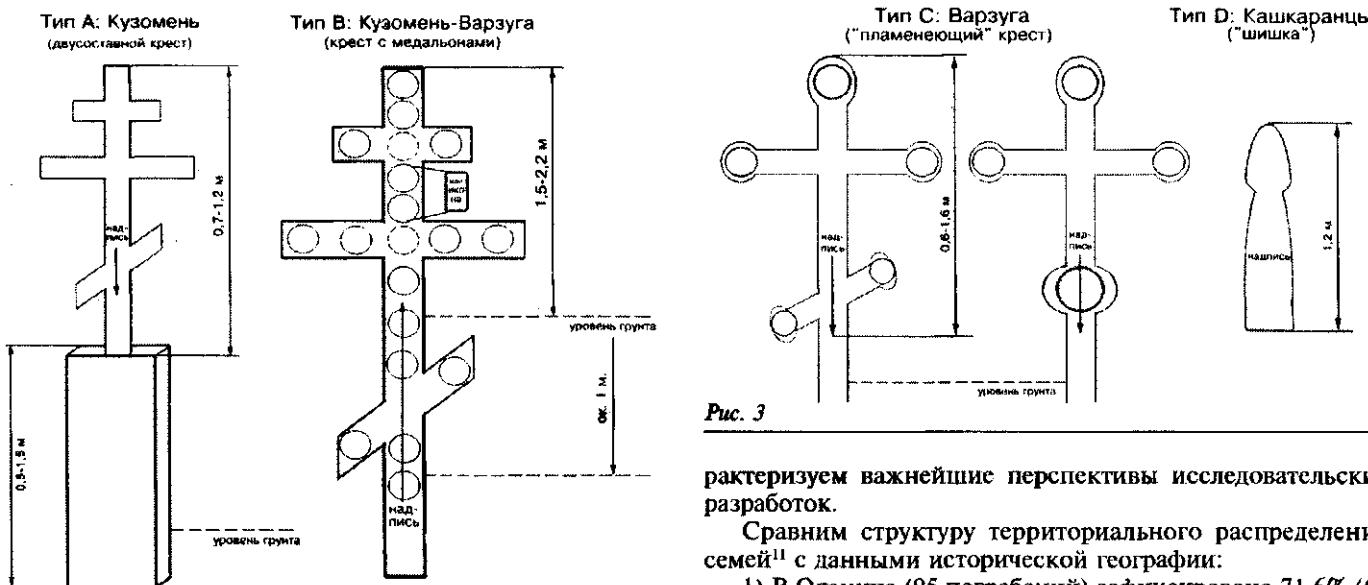

Рис. 2

эта традиция кузомлян обусловлена отсутствием дерева в пределах деревенской округи. Одиночные могилы 1920—1930-х гг., как правило, обнесены деревянной оградкой, в 1950—1960 гг. этот обычай исчезает и ограды (металлические) фиксируются лишь на коллективных погребениях. В трех случаях (на крестах советского времени) зафиксирована надпись, содержащая названия населенных пунктов, даты рождения и смерти усопшего, и однажды (на надгробии XIX в.) — подобная же надпись, дополненная сведениями о венчании погребенной⁸.

Кладбище Оленицы (95 установленных могил, 20 неизвестных) характеризуется значительным количеством (55 случаев, 46%) кенотафов — затесанных или закругленных небольших деревянных столбиков, зачастую без биографических данных, а иногда даже и без имени погребенного. Лишь около 32,5% могил со столбиками имеют относительно полную надпись. Временной диапазон дат смерти — 1927—1971 гг. По информации, полученной от местных жителей, старое оленицкое кладбище снесли в первой половине 1950-х гг., следовательно, не все учтенные нами столбики появились вследствие переноса некрополя. Основной тип погребений в Оленице — семейные усыпальницы, кладбище поддерживается в образцовом порядке. В конце 1990-х гг. на его территории был установлен памятный знак жертвам репрессий, что говорит об особой значимости оленицкого некрополя для администрации района.

На кладбище Кашкаранцев (106 установленных могил, 19 неизвестных) больше одиночных погребений и гораздо меньше кенотафов. Отличительная особенность этого некрополя — наличие двух памятников⁹ с шишковидным навершием (рис. 3, тип D), которые отсутствуют на других кладбищах изучаемого региона. Подобная форма надгробия (с двускатным перекрытием) была зафиксирована В.К. Альмовым для становища Гаврилово на Мурманском берегу¹⁰.

Присутствие такого рода камогильных памятников на кашкаранском некрополе можно объяснить мобильностью населения поселка. На территории деревни был расположен оленеводческий колхоз, жители могли контактировать как с саамами, так и с поморами Мурманского берега.

Описание некрополей способствует изучению исторического заселения края, позволяет фиксировать социальное расслоение крестьянской общины и раскрывает семантику местночтимых святынь, связанных с погребениями. Оха-

Рис. 3

рактеризуем важнейшие перспективы исследовательских разработок.

Сравним структуру территориального распределения семей¹¹ с данными исторической географии:

1) В Оленице (95 погребений) зафиксировано 71,6% (68 могил) Кожиных, 7,4% (7) Талых, 6,3% (6) Попихиных;

2) В Кашкаранцах (106) — 40,5% (43) Дворниковых, 17,9% (19) Гундовых, 12,3% (13) Касьяновых, 4,7% (5) Кузнецовых;

3) В Кузомени (163) — 14,1% (23) Зaborниковых, 11,6% (19) Двининих, 9,2% (15) Богдановых, 7,3% (12) Тюттериных, 6,1% (10) Абакумовых, 4,3% (по 7) Коневых, Тарабуевых, 3,1% (5) Абросимовых, 2,5% (по 4) Панкратовых, Пироговых, Пономаревых;

4) В Варзуге Никольской (256) — 32,8% (84) Зaborниковых, 14,1% (36) Мошниковых, 12,9% (33) Чуниных, 6,6% (17) Рогозиних, 5,8% (15) Коневых, 4,3% (11) Чуриловых, 3,9% (10) Приданниковых, 2,3% (по 6) Лопских и Дьячковых, 1,9% (по 5) Гурьевых и Поповых, 1,6% (по 4) Стройковых;

5) В Варзуге Успенской (151) — 30,5% (46) Поповых, 23,8% (36) Волияшиних, 13,9% (21) Кривоноговых, 6,6% (10) Зaborниковых, 5,9% (9) Кузнецовых, 5,3% (8) Коневых, 4% (6) Коноваловых.

В каждой деревне, за исключением Кузоменя, доминирует одна фамилия (>30%): в Оленице — Кожины, в Кашкаранцах — Дворникова, в Никольской Варзуге — Зaborникова, а в Успенской — Поповы. Каждой доминирующей фамилии во всех указанных деревнях, кроме Оленицы, соответствуют фамилии-сателлиты (>10%): в Кашкаранцах — Гундовы и Касьяновы; в Варзуге Никольской — Мошникова и Чунины, в Варзуге Успенской — Волияшины и Кривоноговы. В Кузомени иная картина — три фамилии (Зaborникова, Двинини, Богдановы) занимают относительно равноправное положение. До некоторой степени Кузомень напоминает и Успенскую Варзугу, где разрыв между доминирующей фамилией и сателлитом насчитывает едва ли 7%. В итоге складывается следующая модель: деревня с преобладанием одной фамилии (Оленица) — деревни с фамилиями-доминантами и сателлитами (Варзуга, Кашкаранцы) — деревня с равноправным бытением фамилий (Кузомень).

Сведения по исторической генеалогии крестьянских родов Терского берега немногочисленны. Известно, что д. Кашкаранцы была основана Гундовыми, выходцами из Варзужской волости, в конце XVII в.¹² В книге К.П. Гемп, посвященной поморской лодии конца XVIII — начала XIX в., упоминается некий О.А. Двинин, который переехал в Кузомень из Сумского Посада в 1909 г.¹³ По фамилии можно заключить, что Двинины происходят из Архангельской губернии. Следовательно, исконные кузомляне — Зabor-

щиковы, вероятно переселившиеся из Варзуги, где налицо наибольшая концентрация носителей этой фамилии. В перспективе можно построить динамическую модель бытования фамилии на основании массового статистического и генеалогического материала для каждого населенного пункта.

По материалам некрополей определяются сословные маркеры погребенных: нехарактерный вид мемориального памятника (плита, каменное надгробие), особая массивность креста и наличие нескольких погребений младенцев из одной семьи.

Под плитами хоронили зажиточных крестьян-купцов, чиновников, лиц дворянского и духовного сословий, массивные, высокие орнаментированные кресты и погребения младенцев, как правило, принадлежали богатой купеческой семье.

Очень важно расположение могилы. Как правило, в деревнях Терского берега основная масса погребений находится на участке, отделенном от жилой территории какой-либо преградой (полем, рекой, болотом, дорогой). Тем не менее лиц духовного сословия и членов их семей хоронили около церквей, внутри деревни, неподалеку от жилых построек. Изначально священники были выходцами из крестьянской среды. Впоследствии же выделяются профессиональные династии. Согласно личным Краткого исторического описания приходов и церквей Архангельской епархии (КИОПЦ), род Гурьевых¹⁴ священствовал при Успенской церкви в Варзуге с 1745 до 1838 г., а при Петровавловской — с 1795 по 1845 г. В настоящее время в Варзуге одна из Гурьевых — активная помощница местного священника. Однако на варзутском некрополе всего лишь 1,9% могил Гурьевых, что говорит о том, что в деревне этот род не разросся. В относительно небольшом селе могло быть два-четыре священника и столько же дьячков. Дети мужского пола, если они хотели сохранить свою профессию, вынуждены были покидать Варзугу.

В некоторых случаях места захоронения лиц духовного звания становились местночтимыми святынями. Нам известно несколько упоминаний о таких могилах: внутри церкви в Кашкаранцах¹⁵ и в часовне на тоне Точильная (8 км от д. Кашкаранцы).

Современная церковь в Кашкаранцах была построена в 1895 г. после пожара 29.10.1894, полностью уничтожившего предыдущее здание. Возможно, что почтаемые до советского времени могилы пережили пожар, однако в советское время местным жителям они были неизвестны. В противном случае при превращении церкви в клуб в 1930-е гг. захоронения должны были уничтожить или перенести на кладбище. Несколько лет назад погребения около алтаря в кашкаранской церкви были открыты о. Митрофаном, священником с. Варзуга, что явилось полной неожиданностью для жителей деревни.

Часовня на Точильной, в которой, согласно преданию, был похоронен некий неизвестный инок, напротив, в советское время была активно действующей святыней, в то время как в начале XX в., скорее, являлась мемориалом-кенотафом. И в КИОПЦ, и в материалах Государственного архива Мурманской области отсутствуют легенды, связанные с погребенным, встречается лишь устойчивое упоминание о том, что его «принесло морем»¹⁶. Не отмечается также коллективного почитания кенотафа. Вероятно, что рассказы о явлении инока местному крестьянину и успешных ловах напротив часовни на Точильной актуализировались в советское время, хотя нельзя исключать их бытования в местной среде задолго до 1917 г. Паломничества жителей окрестных деревень к могиле инока были обусловлены тем, что рядом с кенотафом находился источник, воды которого считалась целебной. В родник бросали «серебряные» монетки, обливались водой и набирали ее про запас. Часовня же выполняла вторичную роль знака

«святого места», который повыщал статус локуса. В 2003 г. на месте старой часовни была построена новая — небольшое помещение с иконами, лампадой и собственно гробом, который стоит на полу. Его крышка свободно открывается — на нее и внутрь гроба кидают монетки.

Обращает на себя внимание факт, что гроб в часовне находится на поверхности земли. Поэтому не исключена аналогия кенотафа на Точильной с саамскими могилами в пос. Чальмы-Варрэ¹⁷. Гохман, Лукьянченко и Хартанович, исследовавшие их в 1976 г., выделили два основных вида намогильных сооружений: 1) погребения с круговой каменной обкладкой, прямоугольным деревянным ящиком с плоской или двускатной крышей (домовиной) на поверхности земли и крестом в ногах (наиболее старые); 2) погребения с домовиной, крестом в ногах с внешней стороны домовины и валунами у головы и ног (более поздние).

Исходя из конструкции саамских могил, можно предположить, что на тоне Точильная, вероятно, существовало погребение саамского или поморского происхождения¹⁸, домовина которого в позднейшее время была принята за гроб, что и объясняет необычный вид памятника.

Для понимания механизма возникновения культа местночтимой святыни стоит обратиться к фольклорной традиции, сложившейся вокруг территориально маркированных погребений. На левом берегу р. Варзуги, около Никольской церкви с. Варзуга, находились захоронения, уничтоженные в советское время. Одна из могильных плит была использована под фундамент деревенской избы. После этого в доме начались стуки, пламя и грохот, прекратившиеся только тогда, когда плиту заменили камнем¹⁹.

На правом берегу, около Успенской церкви, и поныне располагается могила жены священника М.Н. Истомина. Местные жители считают ее очень древней²⁰, однако никаких форм почитания вокруг нее пока не отмечено.

Отношение жителей деревни к захоронениям около храмов было двойственным: с одной стороны, они были окружены уважением (включение могилы в мирское пространство деревни и в священный локус вокруг церкви), с другой стороны, их боялись. В советскую эпоху была инсиприрована ненависть к храмам и «суевериям», происходила коренная ломка традиционных норм. В этих условиях неизбежно включались механизмы защиты от агрессивных внешних инноваций, к которым, в частности, относится представление о «мерти мертвеца».

На сохранность погребений также могли повлиять факты личной биографии усопших. Обстоятельства смерти «Анны Ивановны [?], жены священника, ум. 1902, 34 лет от роду»²¹ нам известны из заметки в «Архангельских епархиальных ведомостях». А.И. Истомина скончалась 13.05.1902 на 35-м году жизни от воспаления брюшины, возникшего, вероятно, вследствие неудачных родов. После ее смерти осталось семеро детей²². Возможно, трагические обстоятельства ее смерти повлияли на относительную сохранность могилы во время гонений на церковь. Не исключено и другое предположение: эксперимента с осквернением могилы просто решили не проводить, хотя, вероятно, такой замысел был. Заметно, что с плиты сбивали надпись.

Местночтимые святыни Терского берега, почитание которых зафиксировано в XIX — начале XX в., являлись оформленными культовыми комплексами, включавшими как христианский, так и языческий тексты. Как правило, на северном побережье Белого моря такие комплексы возникали около колодцев или ключей, воды которых считалась целебной. Появление рядом с почитаемым источником могилы завершало конструирование святого места — таким образом, оно получало своего духа-хранителя. Территориально маркированные погребения внутри поселений (в церкви, около церковной

ограды и т.д.) могли с течением времени стать почитаемыми местами, особенно если вокруг таких могил формировался корпус фольклорных текстов. Первоначальный этап сакрализации погребения связан с удревнением захоронения и его семантизацией по сравнению с другими могилами.

Подводя итог перспективам изучения деревенских некрополей, следует отметить, что сбор мемориальных надписей, эпитафий, а также прочих сведений, касающихся конструктивных особенностей могил, обеспечивает нас конкретно-историческими сведениями об этапах заселения края, статистической базой для реконструкции этого процесса, а также данными об особенностях отношения к умершим. В итоге перед нами предстает целостная картина исторического развития традиционной культуры погребения в отдельном регионе.

Примечания

¹ В период укрупнения поселений в 1950—1970-е гг. большая часть жителей была переселена в пос. Умба (на 09.10.2003 — 6,5 тыс. из 7,4 тыс. жителей всего Терского р-на).

² Данные по каждому из кладбищ в настоящее время размещены на сайте www.qwercus.narod.ru/necropolis_tre.htm.

³ «Иисус из Назарета — Царь Иудейский», «Царь Славы», «Иисус Христос, Сын Божий», «Копье, Трость, Праздник Верных, Истинное Спасение, Верным Торжество», «Место Лобно, ПОБЕДА, Распят Бысть», «Гора Голгофа», «Глава Адамова».

⁴ Расшифровку см.: Циркунос И.Б. Поморские кресты // Наука и бизнес на Мурмане. Мурманск, 1997. № 2. С. 32—33.

⁵ Далее — Варзуга Никольская и Успенская соответственно.

⁶ Автор искренне благодарит жителя с. Варзуга Петра Прокопьевича Заборщикова, который оказал неоценимую помощь по разысканию биографических данных отдельных лиц.

⁷ Кузомень являлся административным центром волости в начале XX в., Умба до 1917 г. — крупный населенный пункт, а ныне районный центр Терского р-на Мурманской обл.

⁸ В стандартизированной записи: Заборщикова Эмма-Бернгардина Статиусовна, урожденная Гегбом, Жена и друг А.З., 22.02.1842—19.12.1861, Рождена в г. Тромсо, Норвегия, венчания 28.08.1858.

⁹ 1) Панкратов Антон Александрович, 1891—15.03.1959; 2) М.С.Д., ум. 1953.

¹⁰ Альмов В. Надмогильные памятники поморских рыбаков // Карело-Мурманский край. 1929. № 2. С. 22. Рис. 1.

¹¹ Фамилии, насчитывающие менее 4 усопших, исключены.

¹² Бернштам Т.А. Поморы: формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 46.

¹³ Гемп К.П. Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия. Л., 1980. С. 12.

¹⁴ Родонаучальник — «Степан Гурьев, из крестьян Спасской волчины, малограмотный, священствовал с 1745 г. до смерти в 1791 г.», см.: [Истомин М.Н.] Варзутский Петропавловский приход // КИОПЦ. Архангельск, 1896. Вып. 3. С. 255.

¹⁵ Известно три могилы: иноков Астерия, Авксения и Тарасия. На могиле Астерия происходили исцеления, о других ничего не известно ([Павловский Н.М.] Кашкаранский приход // КИОПЦ. С. 258—259).

¹⁶ См. [Павловский Н.М.] Указ. соч. С. 259—260; Ушаков И.Ф. Малые храмы на Колывской земле // Наука и бизнес на Мурмане. Мурманск, 1999. № 3. С. 9.

¹⁷ См.: Гохман И.И., Лукьянченко Т.В., Хартанович В.И. О погребальном обряде и краинологии лопарей // Полевые исследования Ин-та этнографии. 1976. М., 1978. С. 57.

¹⁸ Характерно, что наиболее старые саамские могилы имеют каменную обкладку, значит, домовина на поверхности земли — русское влияние, однако довольно раннего происхождения.

¹⁹ Сообщение А.Д. Заборщикова.

²⁰ Это мнение подкрепляет возраст Успенской церкви, построенной в 1674 г.

²¹ В надписи на могиле фамилия не читается.

²² Архангельские епархиальные ведомости. Архангельск, 1902. С. 235—236.

А.В. ЭНГОВАТОВА,

И.А. САПРЫКИНА

ПОГРЕБЕНИЯ В БЕРЕСТЯНЫХ ГРОБАХ

В 2001 г. при раскопках средневекового некрополя на территории кремля г. Дмитрова было встречено несколько захоронений в берестяных гробах. В большинстве случаев из бересты изготавливались лишь крышки гроба, однако в одном погребении был зафиксирован целиком берестяной гроб, конструктивно близкий к обычному коробу. Вероятно, прослеженные нами остатки берестяной обкладки на крышках гробовин являются следами обертывания ее берестяным полотнищем.

В погребениях с берестяными гробами были захоронены как молодые женщины и девочки, так и мужчины [1. С. 238—239, 241—242]. Все погребения с берестяными гробами относились к самому раннему периоду существования кремлевских некрополей — концу XII — началу XIII в. В более поздние периоды эта традиция полностью исчезла. Погребы Дмитровского кремля продолжали существовать на своем месте более шести веков (с XII по XVIII в.). Однако в более поздних погребениях традиция захоронения с использованием бересты прерывается.

Примечательно, что именно в берестяных гробах были захоронены люди с наиболее богатым, статусным погребальным инвентарем. В ряде погребений были встречены фрагменты золототканой одежды, традиционно интерпретируемые как индикатор высокого социального положения погребенного. В берестяном коробе захоронена девочка 10—12 лет, которую сопровождал богатый погребальный набор из восьми серебряных перстнеобразных височных колец и пары высокохудожественных трехбусинных серебряных колтov, украшенных зернью и сканью.

Ранний некрополь г. Дмитрова хронологически близок славянским курганным могильникам, в которых также известны случаи захоронений в бересте. Важно отметить, что ни в одном из многочисленных исследованных могильников погребения в бересте не составляли большинства — а были, скорее, исключением. При этом каких-либо отличий в ориентации погребений с берестой и положении костяков от других захоронений в курганах не прослежено.

В подмосковных вятических курганах встречаются погребения с остатками бересты [2. С. 108]. Как сообщает А. Котляревский, обычай заворачивания тела покойника в луб (бересту) встречается у славян [3. С. 127—130]. Некоторые исследователи считали, что захоронения в бересте являются только женскими [4. С. 56].

Примером подобного захоронения в берестяном гробу может служить погребение пожилой женщины, найденное при раскопках Мякининского курганного могильника (раскопки 2006 г. А.В. Энговатовой и В.Ю. Ковали). Полностью сохранилась берестяная крышка гробовины и частично стенки и дно. Важно отметить достаточно богатый погребальный инвентарь: ожерелье, состоявшее из 8 медных круглорогих лунниц, 9 сердоликовых бипирамидальных бусин и не менее 20 стеклянных бусин, в том числе 5 золотостеклянных, три медных перстня на пальцах рук, 4 воротниковые бронзовые позолоченные пуговицы, железная цепочка с украшением,

изготовленным также из железа, шиферное пряслице. Да-тировать погребение можно серединой XII в.

В некрополях средневековых русских городов погребения в бересте встречаются не часто. Как правило, они принадлежат к домонгольскому времени. При раскопках некрополя в Московском Кремле, существовавшего до 1320-х гг. и располагавшегося на месте современной площади между Успенским собором и Патриаршими палатами, были встречены такие погребения, датирующиеся второй половиной XII в. [5. С. 146]. С середины XIII в. захоронения в бересте исчезают с городских погостов, сохраняясь только на периферии нового христианского мира. Основным способом захоронения в городах становится погребение в деревянных (чаще всего дубовых) колодах.

Интересно, что сохранение обряда погребения в бересте после середины XIII в. связано с отдельными «исключительными» персонажами — местными русскими святыми; к примеру, мощи преподобных Никиты Переславского и Артемия Веркольского были обретены «в берести». Некоторые источники фиксируют существование вплоть до XV в. традиции использования вместо гроба коры дерева. Так, в рассказе о смерти преподобного Пафнутия Боровского (1394—1477), основателя и первого игумена Пафнутиева Боровского монастыря, написанного его учеником, иноком Иннокентием, сразу после кончины преподобного старца, есть такой диалог: «Тогда я спросил: "Где велишь могилу себе ископать и в землю тебя положить?" Старец же мне ответил: "Где я Клима-гуменщика положил, с ним меня погребити. А гроба дубового не покупай. На те шесть денег калаачей купи да раздели нищим. А меня лубком оберни"» [6. С. 130]. Возможно, впрочем, что это связано с аскетизмом старцев.

Невозможно точно определить, какой смысл наши предки вкладывали в используемую для погребения бересту. К сожалению, этот вопрос не является предметом специального исследования в отечественной историографии; нам доступны лишь сведения о находках таких погребений, их количестве, отличительных особенностях, фиксируемых на визуальном уровне. Даже первичная статистика упоминаний о захоронениях в бересте или с берестой показывает, насколько широко распространен этот обычай хронологически и географически: от эпохи неолита на территории Русской равнины до позднего Средневековья в Сибири и на Дальнем Востоке. Можно сказать однозначно, что ареал погребального обряда с берестой совпадает в общих чертах с территорией распространения березы, чью кору и использовали для захоронений.

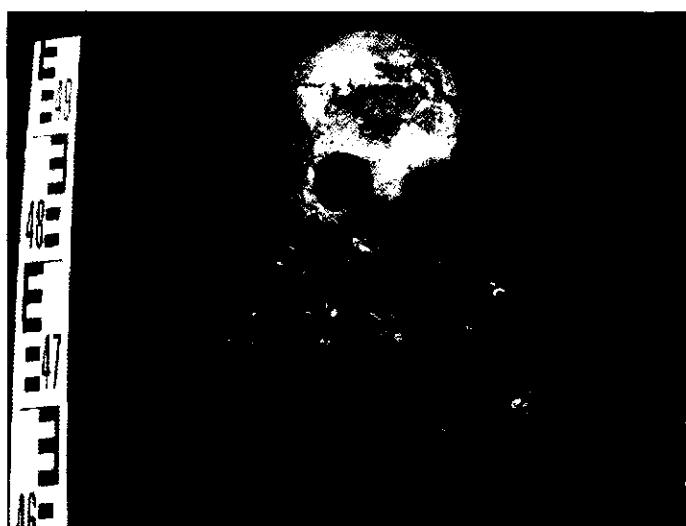
Одни из наиболее ранних захоронений с берестой, зафиксированные археологами, относятся к эпохе неолита — здесь береста наряду со шкурой животного использовалась для обертывания покойника перед его захоронением [7. С. 113—116]. Так, в могильнике Берендеево были отмечены неолитические (или, возможно, мезолитические) скорченные погребения в бересте. В некоторых случаях, когда захоронения совершились в особых погребальных сооружениях («домовина», «сруб»), береста использовалась как «общивочный» материал; в других случаях эти сооружения изготавливали непосредственно из бересты. Для эпохи бронзового века известны захоронения маленьких детей в цилиндрических сосудах из бересты; захоронения остатков трупосожжения в берестяном конверте или сосуде. В некоторых финно-угорских могильниках береста использовалась в качестве гроба [8. С. 21—26]. Помимо этого, береста, как и береза, использовалась и при устройстве погребального костра. Этот обычай известен в основном по письменным источникам, в частности по финскому эпосу «Калевала» (Песнь 23. «Куллерво, сын Калервы»):

Берестяной гроб первой половины — середины XII в. из раскопок Мякининского курганного могильника (погребение пожилой женщины)

Насбирали, наносили
древ березовых, звенящих,
пахнущих смолой поленьев,
тысячу саней бересты.
Выsekli огонь из камня,
разожгли костер огромный,
бросили в него мальчонка,
в самое большое пламя [9. С. 194].

Ожерелье из погребения в берестяном гробу в Мякининском курганном могильнике

Самые поздние погребения в берестяных гробах или в «пелене» из бересты, по археологическим данным, относятся к XVII в. Так, в Мангасе (Заполярье) под полом церкви были открыты погребения XVII в. в гробах, обернутых в бересту [10].

Известно, что принятие внешних форм православного обряда не обязательно сопровождается отказом от прежних языческих обычаяев [11. С. 151—155]. Этнографические исследования зафиксировали сохранение подобного обряда вплоть до 1980-х гг. на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока. Ханты, манси, якуты, согласно старым обычаям, укладывали своих мертвых либо в берестяную «куженьку» (коробку), состоящую из верхней и нижней половин, либо обертывали гроб берестяным полотнищем, либо подстилали его под гроб. Если хоронили в простом деревянном гробе или лодке, в могиле или на внутренних стенах гроба должен был находиться кусок бересты, на котором могли быть изображены, в частности, солнце и луна.

Вероятно, можно говорить о некоем едином пространстве, объединенном схожими элементами погребальной обрядности, в котором береста занимала значимое место. Скорее всего, здесь она выступает не как самостоятельный объект, а как символ мирового дерева, образ которого восстанавливается для разных традиций в широком хронологическом диапазоне от эпохи бронзы до настоящего времени [12. С. 398]. Древо мира отделяет упорядоченный космос от хаоса, вводя и сохраняя в первом меру, организацию, делая его доступным. Древо мира выступает и как соединяющее звено между макрокосмом (Вселенная, мир) и микрокосмом (человек), гарантируя определение человеком своего места во вселенной. Для славянской мифологии характерно представление о перевернутом Мировом древе, прочно связанное с образом бересы: «на острове Бунис стоит белая береза — вниз ветвями, вверх корнями...» [13]. Ветви этого дерева обращены вниз, к земле, а корни простираются до самого высокого неба. И в этом случае береста являлась своеобразным «мостом», помогавшим умершему перейти в нижний мир, тем самым «запирая» мертвого в своем мире, не давая возможности проявления хаоса.

Одной из специфических черт бересты как материала для погребального обряда является ее цвет. Как известно, белый цвет выражает невинность и чистоту, несет здоровье и благополучие. Вероятно, в данном случае береза (и ее производное — береста) является своеобразной пограничной территорией между миром живых и мертвых; она навсегда отделяет ушедшего (возможно,носителя болезни или опасности) от живых, тем самым спасая и берегая последних. Примечательно, что в некоторых славянских погребальных обрядах есть традиция высаживания березы на могиле [14. С. 8].

Береста в традиционных воззрениях некоторых народов, как и береза, относится к числу почитаемых объектов. Береса (и связанная с ней береста) выступает как «счастливое» дерево, оберегающее от зла. Такое особое отношение к березе прослеживается у разных народов: к примеру, в Швеции береза выступает как символ Праздника мая, посвященного молениям о хорошей погоде, обильном урожае, земном и небесном счастье; в России береза — главный атрибут праздника Троицы. В то же время во многих местах верят, что на Троицу в березовые ветки, украшающие дома, свесяются души умерших родственников. Это явление, скорее всего, отголосок древнего почитания бересы, истинный смысл которого оказался сильно трансформированным под влиянием христианских канонов. Отношение к духам умерших двойственно: с одной стороны, они почитаются как покровители семьи — деды, родители, умершие естественной смертью; с другой — «заложные покойники»: умершие преждевременной или насильственной смертью,

самоубийцы, утопленники — представляют опасность для живых людей.

В Польше, к примеру, бересы назывались деревьями духов, т.к. считалось, что в них вселяются души умерших девушек, которые выходят по ночам и насмерть «затанцовывают» случайных прохожих; кроме того, верили, что под одиноко растущей бересой покоится душа умершего насильтвенной смертью и вместо сока в ней течет кровь. В Белоруссии искривленная или сросшаяся с другим деревом береса считалась местом погребения невинно загубленной души. В Костромском крае об умерших девушких и женщинах говорили, что они «в берески собираются» [13].

Кроме того, береса во многих поверьях считается деревом, причастным к миру сверхъестественного; часто она выступает как атрибут нечистой силы. Так, например, ведьма может надоить молока с ветвей бересы и летать по ночам на бересовой палке; чудесные белые кони — подарок ведьмы или черта — к утру превращаются в кривые бересы, хлеб — в бересовую кору [15].

Таким образом, использование бересты в погребальном обряде, видимо, имеет символическое значение. Кажущаяся простота этого обряда скрывает сложный комплекс представлений, которые невозможно достоверно разделить на языческие и христианские.

Интересным представляется проследить изменения на территории распространения традиции погребения в бересте в Средневековье. Для домонгольского периода такие погребения зафиксированы на значительной территории России. Однако с середины XIII в. подобные захоронения исчезают с городских некрополей, центров христианизации. Вероятно, конечный этап использования бересты и берестяных гробов как элементов, связанных с языческим обрядом, отразился в захоронениях первых горожан из Дмитровского кремля.

Литература

1. Энговатова А.В., Гончарова Н.Н. Предварительные результаты исследования средневекового могильника на территории кремля г. Дмитрова // Археологическое изучение Подмосковья (Дмитров, Мытищи, Тарасовка). Труды Подмосковной экспедиции Института археологии РАН. Т. 1. М., 2002.
2. Ариховский А.В. Курганы вятичей. М., 1930.
3. Котляревский А. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868.
4. Городцов В.А. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г. М., 1919.
5. Шелепина Н.С. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963—1965 гг. // Древности Московского Кремля. М., 1971.
6. Кадлубовский А.П. Житие Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным // Сборник историко-филологического общества при Институте князя Безбородко в Нежине. Т. 2. Нежин, 1899.
7. Каин В.А. Археологические исследования Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН // Наука и образование. 1997. № 2.
8. Краснов Ю.А. Безводнинский могильник. М., 1980.
9. Калевала. Петрозаводск, 1973.
10. Урванцев И.И. История открытия и освоения медно-никелевых руд Сибирского Севера. М., 1969.
11. Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси XI—XIII вв. М., 1997.
12. Топоров В.Н. Древо мировое // Миры народов мира: Энциклопедия. М., 1980.
13. Мифологическая энциклопедия: растения в мифологии. Береса. М., 2005.
14. Волкенштейн А.Л. Несколько слов об антропологии жальников Валдайского уезда. М., 1881.
15. Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. М., 1957.

С. ГРЭХЕМ

ЦИКЛ АНЕКДОТОВ О ЧУКЧАХ: ОТКУДА, ОДНАКО?

В анекдоте 2001 г. о том, как первый «космический турист» Денис Тито выучил всего три русских слова во время полета: «Американец, руки прочь!» — знатоки советского юмора узнают вариант анекдота 1970-х гг. о первом космонавте-чукче. Еще одним знаком прочности образа чукчи в анекдотическом «водоеме» является результат общественного опроса 2001 г. о том, кто является самым популярным персонажем анекдота: Василий Иванович Чапаев (упомянули 15% опрошенных), новый русский (14%), Вовочка (11%), чукча (8%), еврей (4%), алкоголики и дистрофики (2%), армянское радио (1%)¹. Очевидно, что чукотский цикл до сих пор занимает весьма почетное место в русском культурном (под)сознании. Но когда и почему этот «малый народ» (численностью 13 тыс. человек) приобрел «привилегированный статус» в городском фольклоре и почему он не утратил его с окончанием «золотого века» анекдота? Анекдоты про чукчей, пожалуй, — самый загадочный из всех знаменитых русских анекдотических циклов, по крайней мере по происхождению. Другие циклы эпохи «застоя» (про Чапаева, Штирлица, Винни-Пуха, Чебурашку и т.д.) основаны на конкретных источниках. Аналогичного хрестоматийного текста, в котором чукча фигурирует в качестве главного героя, просто нет. Чукотский цикл отличается и от других анекдотов про «нерусских», с которыми жители российских городов имеют каждый день бытовой контакт.

Существует мнение, что чукотский цикл — вовсе не национальный². Хотя подобное утверждение нам кажется слишком категоричным, анекдоты о чукче действительно отличаются от типичных национальных циклов, обычно мотивированных историческими и/или общественно-политическими обстоятельствами. Например, популярный в последнем десятилетии цикл про украинцев скорее всего представляется дискурсивный «выстрел в спину» ближайших соседей совсем недавно потерянной империи. Анекдоты, в которых грузины фигурируют в качестве *conspicuous consumers* («всё купшу, слушай!»), пишет Э. Дрейпер, возникли еще в 1950-е гг., когда продавцы с Кавказа стали приезжать в российские

города, чтобы воспользоваться новым законом о продаже цветов и продуктов на рынках³. Анекдоты о евреях, само собой, издавна бытовали и будут бытывать в городах России (о взаимном влиянии чукотского и еврейского циклов см. ниже).

В отличие от других национальных циклов, история и особенно взаимоотношения изображаемого в анекдотах народа с русскими совершенно не повлияли на возникновение чукотского цикла. Среди 26 «малых народов севера» чукчи занимают пятое место по численности. Их традиционная деятельность — оленеводство или рыболовство/охота. Слово чукчи — русифицированное чаечи или чаучи ‘ богатые оленями’ Представители этого народа сами называют себя лы гораветлане или лугора ветлам ‘ истинный народ’⁴.

В 1778 г. Россия стала торговаться с чукчами. Чукчи торговали также с американцами, норвежцами, англичанами и японцами, пока в начале 1920-х гг. большевики не закрыли Чукотку. В 1930-е гг. чукчи оказывали непроложительное вооруженное сопротивление колониализации. В настоящее время, в постсоветский период, жители Чукотки страдают от дефицита топлива, еды и рабочих, а также от экологических последствий испытаний ядерного оружия 1950-х и 1960-х гг. Массовый отъезд проживавшего на Чукотке славянского населения, однако, стимулировал возрождение местной культуры и народных традиций.

Как один из самых неразвитых народов в бодяной советской семье, для идеологов чукчи оказались «подопытным кроликом», на котором можно было символически демонстрировать эффективность социалистической системы. Например, в фильме «Семеро смелых» (1936) «семеро» оказываются «смелыми» только потому, что выживают в суровом климате Чукотки, чтобы доставлять местным «дикарям» современные ценности и технику. Характерно, что сами чукчи очень мало показаны в фильме, но в тех эпизодах, где они появляются, подчеркивается именно их отсталость. То, что чукчи в фильме живут не в ярангах, а в пещерах, показывает, что их народные традиции и обычаи остаются за кадром.

В анекдотах чукотские культурные традиции присутствуют лишь как поверхностные детали, а не как материал для снисходительной сатиры.

Композиционно и местом действия анекдоты о чукчах сродни русским сказкам о простаках. Сам внешний облик анекдотического чукчи ассоциируется с (международным) образом дурака или шута: чукча носит «форму» дурака (шутовской наряд) со своеобразным головным убором (шутовским колпаком) и просторной одеждой, подчеркивающей его маленький рост. Как фольклорный и исторический шут, он обычно носит какую-то «палку» (ружье, удачу или копье) — шутовской жезл. Анекдотический чукча весьма наивен. Э. Дрейпер пишет, что анекдотический чукча, как Иванушка-дурачок, наивно верит в магию⁵:

Сидит чукча на дереве и пилит сук, на котором сидит. Идет мимо геолог и говорит:

— Смотри упадешь!

Чукча пилит дальше. Сук падает и чукча вместе с ним. Встает и говорит:

— Шаман, однако!⁶

Анекдоты про чукчу часто основаны на непонимании или слишком буквальном понимании чукчей слова или фразы:

Однажды чукча пришел в магазин:

— Однако, у вас цветные телевизоры есть?

— Есть.

— Тогда дайте, пожалуйста, зеленый.

Чукча спрашивает в кассе Аэрофлота:

— Самолет до Чукотки сколько летит?

— Минуточку...

— Спасибо.

Заблудились два чукчи в тайге. Один говорит:

— Стреляй, однако! Может, нас кто-то услышит.

Второй стреляет, но никто не отзыается.

— Стреляй еще!

Тот стреляет. Опять тишина.

— Давай еще!

— Не могу, стрелы кончились.

Двое чукчей разбирают авиабомбу. Прохожий:

— Вы с ума сошли? Она же может взорваться!

Чукчи:

— Однако, у нас еще есть!

Еще один традиционный фольклорный мотив, характерный для анекдотов

про чукчей, — «мужлан в большом городе». Этот мотив часто используется как прием осмеяния советских троек (вспомним традиционную роль дурака и шута: говорить истину властям) и социалистического стремления воспитать народ в духе социализма:

Однажды чукча принес в редакцию свой роман. Редактор прочитал и говорит:

— Понимаете ли, слабовато... Вам бы классику читать. Вы Тургенева читали? А Толстого? А Достоевского?

— Однако, нет: чукча — не читатель, чукча — писатель.

Чукча закончил МГИМО и возвратился домой. Его спрашивают:

— Ну, почему ты в Москве научился?

— О, я, однако,шибко умный стал. Я теперь знаю, что Маркса и Энгельса — две разные люди, Ульянов и Ленин — одна и та же человека, а Слава КПСС — совсем не человека.

Реже в цикле встречается образ мудрого или хитрого героя, которого другие на свою беду считают глупым:

Группа геологов пытается вытащить застрявший в тундре вездеход. Мимо проезжает на оленях чукча. Остановился, посмотрел, закурил трубку и говорит:

— Начальник! Я знаю, что тебе надо! Ставь бутылку водки — скажу.

— Ишь чего захотел! И без тебя обойдемся.

Чукча уехал на стойбище, вечером возвращается, а геологи и вездеход на том же месте. Теперь уже начальник партии подходит к чукче:

— Бери бутылку, говори, что нам надо?

— Э, начальник, теперь две бутылки давай.

Достал начальник вторую бутылку. Чукча упаковал бутылку, тронул оленей и сказал:

— Трактор тебе надо, начальник!

Иногда чукча, как «армянское радио», выступает как источник мудрости и сарказма:

Журналист берет интервью у чукчи:

— Скажите в двух словах, как вы жили до Октябрьской революции?

— Голод и холод.

— А как живете теперь?

— Голод и холод и чувство глубокой благодарности.

Почему именно чукча стал каноническим «дураком» эпохи застоя?

Самая прямая, «органическая» причина — фонетическая. Исследователи не раз замечали комичность, свойственную слову чукча, содержащему не только аллитерацию, но и «смешные»

фонемы: гортанную взрывную согласную *к* и аффрикату *ч*. Комические свойства этих фонем (и подобных *х*, *ш*, *щ*, *ж*, а также английского *th*) — международный феномен, которым объясняется, например, частое появление кур (*chickens*) и уток (*ducks*) в англоязычных анекдотах. Мы встречаем такой же фонетический принцип и в именах героев других анекдотических циклах: Чебурашка, Чашаев, Винни-Пух и Пятачок, Вовочка и поручик Ржевский (не говоря уже об Иванушке-дурачке). А.Ф. Белоусов и Э. Дрейцер отметили возможное влияние на появление чукотского цикла книги А. Гайдара «Чук и Гек». Э. Дрейцер пишет также о том, как слова со слогами *чу* и *ча* в русском языке часто обозначают нелепость (*чушь, чепуха*), глупость и другие отрицательные черты (*чучело, чурка, чайник*) или просто нерусскость (*чухонец, чуваш, чучмек*)⁷.

Еще одной «фонетической» причиной популярности чукотского цикла является стереотипный североазиатский акцент, обязательный для удачного исполнения анекдота про чукчу. Использование речевых этнических масок, которые на Западе уже почти исчезли по причине политкорректности, при советской власти считалось чисто комедийным приемом и поэтому могло смягчать остросатирическое содержание (например, грузинский акцент, с которым А. Райкин читал монолог М. Жванецкого «Дефицит»). В фольклоре или неприличных каламбурах акцент мог добавляться для достижения сатирического эффекта:

У чукчи спрашивают:

— Чья космонавтика самая лучшая в мире?

— НАСА, — гордо ответил чукча.

Однажды у чукчи спросили, каких он знает послов.

— Однако, знаю «посол чрезвычайный», знаю «посол уполномоченный» и знаю «посол ты на куй».

И слово чукча, и характерный акцент способствовали формированию репутации чукчей как наивных, инфантильных простаков. Но существует и противоположный вектор, когда чукча представлен как тайный умница:

На Чукотке, на самом восточном мысе страны, сидит чукча и ловит рыбу. Перед ним всплывает субмарина с иностранными опознавательными знаками, открывается люк, и выглядывает капитан:

— Ду ю спик инглиш, сэр?

— Иес, ай ду, — отвечает чукча, — но кому, к черту, это нужно в этой дурацкой стране?

Образ сверхобразованного чукчи, который тем не менее живет, как в третьем мире, демонстрирует одну важную черту этого анекдотического цикла: русскую этническую самоиронию⁸. С этой точки зрения Чукотка, как пишет Дрейцер, есть не что иное, как гиперболическая синекдоха и ироническая метафора самой России⁹. Чукотка была популярна в фольклоре по той же причине, по которой она была популярна в официозных текстах: как символ географической, метеорологической, культурной и политической экстремальности. Поэтому она служила метафорой для множества дискурсивных проектов. Анекдоты про чукчей во многом опровергали официальные образы нового советского человека и служили отражением более старого, глубокого национального комплекса России по поводу отношения к ней Запада¹⁰. Чукотка для России — то же, что Россия для Европы: периферийная, замерзшая, темная, бедная, азиатская, населенная похожими на медведей простаками. В этом смысле русские анекдоты про чукчей — защитный, а не наступательный этнический юмор. Русское подсознание переносит непрятливые черты своего облика на географически далекого Чужого¹¹. В прошлом этот Чужой мог быть ближе; в XVIII и XIX вв. он находился в Пощеконье. В советские времена, в новом многонациональном государстве (особенно при крайней культурной стандартизации в эпоху СМИ) пощеконцев больше не было и не могло быть. «Город дураков» (по словам К. Дейвида) должен был находиться как можно дальше от России.

В XX в. мужлан всё так же приезжает в большой город и попадает в фольклор, но он это делает благодаря СМИ. Массовые вербальные и визуальные тексты служили не только мишениями для политической сатиры, но и источниками новых метафор и архетипов для устной культуры. СМИ, с этой точки зрения, — главный источник современного фольклора¹².

Самым ярким, подробным изображением чукчей в советской массовой культуре является, пожалуй, фильм В. Мельникова «Начальник Чукотки» (1966). Эта простая история о юном комиссаре, приехавшем на Чукотку в 1922 г., представляет собой своего рода набор национальных стереотипов, которые позже появятся в анекдотическом образе чукотского народа.

Несмотря на значительное внимание Мельникова к теме чукчей, прямым стимулом для появления анекдотического цикла, по всей вероятности, является шлягер 1972 г. «Самолет — ничего, а олени лучше...» певца Кола Бельды,

который, кстати, не чукча, а нанаец. Другие источники образа чукчей в русской культуре — произведения писателя Юрия Рытхэу и, по мнению Е. Рабинович, учебник английского языка, где рассказывается об образе жизни счастливых советских чукчей и бедных американских эскимосов¹³.

Последним стимулом развития чукотского цикла послужило краткосрочное правление К.У. Черненко, который ввиду своего маленького роста и якобы азиатских черт был всенародно признан «чукчей». В результате возник микроцикл про «чукчерненко»:

Памяти К.У. Черненко: Жил чукча, который хотел стать генсеком ЦК КПСС. И стал.

Существует любопытный подцикл: чукчи и евреи. Как случилось «перекрестное опьянение» между чукотским и еврейским циклами? Можно назвать следующие причины. Во-первых, география. Два образа тесно ассоциируются с Сибирью в неофициальной культуре советского периода — чукчи и ГУЛАГ. Как народ, слишком хорошо знакомый с ГУЛАГом (не говоря уж об искусственной еврейской «родине» со столицей в Биробиджане), советские евреи имеют таким образом некую географическую связь с народами Крайнего Севера. Во-вторых, во внешнем сходстве. Как анекдотический герой маленького роста и нерусского происхождения, который фигурирует в анекдотах в качестве хитреца или доверчивого и наивного простака, еврей связан со своим «товарищем по анекдоту» чукчей и на текстуальном уровне. (Издание Романа Абрамовича губернатором Чукотки только укрепило связь этих двух народов в русском сознании.)

В предисловии к сборнику анекдотов под названием «Еврей-оленовод», опубликованном в 1997 г., иронически объясняется возникновение этого подцикла: «Что делает Рабинович в своей страшной чукотской ссылке? Да ничего плохого — он занимается там селекцией: женился на чукче и выводит морозоустойчивых евреев. Есть надежда, что в XXI веке на территории Чукотки будут жить евреи, хитрые, как чукчи, и чукчи, доверчивые, как евреи. Купите эту книгу. Если вы еврей, то посмеетесь над чукчей, а если вы чукча, смейтесь над евреем, ну а если вы — ни тот, ни другой, посмеетесь над ними обоими».

Как видно из этого отрывка, в логике «еврейско-чукотского подцикла» чувствуется привкус антисемитизма (и «античукчизма»). Но главным им-

пульсом сожительства чукчи и еврея в анекдотах является, на наш взгляд, принцип несоответствия, на котором и основано так много юмористических текстов. Этот подцикл объединяет народ с репутацией самого отсталого из всех советских народов, который обитает на самом краю советской империи, с народом, считающимся самым умным и самым городским. Такое смешение «крайностей», возможно, есть ярчайший знак идеологического и дискурсивного хаоса в постсоветский (по крайней мере допутинский) период. В конце концов, разнообразная «крайность» чукчей (географическая, культурная, фонетическая, физиологическая, метеорологическая и т.д.) и есть главная причина их любопытной славы в «jokelore», как и в советской пропаганде.

Примечания

¹ <http://www.podolsk.ru/newsf.php3&detail=n985061017.news>.

² Это просто смешно: Анекдоты / Сост. Л.А. Барский. М., 1992. С. 195.

³ Draiser E.A. Taking Penguins to the Movies: Ethnic Humor in Russia. Detroit, 1998. Р. 36.

⁴ Точнее, название чукча происходит от самоназвания тунгровых чукчей *чавчыват* (ед.ч. *чачу* или *чавчын*) ‘оленные, оленеводы’, которые противопоставляются береговым (оседлым) чукчам, называющим себя *ан’к’альыт* (ед.ч. *ан’к’альын*) ‘поморы, морской народ’ или *рам’аглыт* ‘прибрежные жители’. В 1920—1930-е гг. вместо наименований чукчи и чукотский язык были предложены наименования *луораветлан*, *луораветланский язык* (от чук. *луораветлан* (мн.ч. *луораветлат*) или *лью’раветлан* ‘настоящий человек’, которое чукчи употребляют, чтобы выделять себя из числа других племен) и некоторое время бытовали в качестве официальных; однако эти названия не прижились и с конца 1930-х гг. не использовались. — Примеч. редакции.

⁵ Ibid. Р. 99.

⁶ Анекдоты о «чайниках». Минск, 1997. С. 17.

⁷ Draiser E.A. Op. cit. Р. 114.

⁸ Это свойство отмечали Л. Барский и Э. Дрейцер.

⁹ Draiser E.A. Op. cit. Р. 96.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Davies Ch. Jokes and Their Relation to Society. Berlin; New York, 1998. (Humour Research; 4). Р. 1.

¹² Уолтер Онг называет эту функцию СМИ «вторичная устность» (Ong W.J. Orality and Literacy: The Technologizing of the Word. London, 1982. Р. 10).

¹³ Рабинович Е.Г. Об одном из предположительных источников «чукотской серии» // Учебный материал по теории литературы. Жанры словесного текста. Анекдот / Сост. А.Ф. Белоусов. Таллинн, 1989. С. 100—103.

Т.Г. ИВАНОВА

ОБЪЯВЛЕНИЯ В МАРШРУТКАХ: ВЗГЛЯД ФОЛЬКЛОРИСТА

Современная фольклористика большое внимание уделяет маргинальным формам, находящимся на границе культур регламентированной («письменной») и нерегламентированной («устной»). В сферу фольклористики всё чаще принято включать письменные формы: девичьи, солдатские и тюремные альбомы, эпистолярные формы, граффити на стенах, школьные парты и т.д.¹ Мы попытаемся осмыслить с фольклористических позиций объявления в петербургских маршрутных такси².

Маршрутки, появившиеся в нашем быту 10—12 лет назад, создали между водителем и пассажиром новые отношения, которых не знал городской наземный транспорт советских времен. Малые размеры маршруток, отсутствие кондуктора, обязанности которого взял на себя сам водитель, режим «остановки по требованию» приблизили водителя к пассажиру и породили несколько типичных ситуаций, которые необходимо было регламентировать объявлениями. Первые объявления носили сугубо официальный характер.

Каковы же коммуникационные ситуации, возникающие в маршрутках? Первая ситуация связана с оплатой проезда. Регламентированные объявления, которые в обязательном порядке имеются в каждой машине, таковы: «Стоимость проезда 13 (15, 17) рублей. Оплачта при входе»; «Уважаемые пассажиры! Просьба контрольный билет отрывать самостоятельно». Рядом висит рулон билетов, которые никто из пассажиров, как правило, не отрывает. Иногда можно увидеть еще одно объявление: «Внимание родителей! Вне зависимости от заполнения салона неоплаченные дети берутся на руки». При всей грамматической неправильности некоторых из процитированных объявлений они, повторим, относятся к регламентированным.

Коммуникативная ситуация «оплата проезда» порождает множество нерегламентированных форм: «Кто не платит, тот выходит»; «Лучше маленький рубль,

чем большое спасибо»; «У нас не бильян: входящие платные»; «Просьба не расплачиваться мелкими деньгами: у водителя аллергия на мелочь»; «Мамаша, сажайте на руки маленьких детей, а не 16-летних придуров»; «Как заплатишь — так и доедешь»; «Платишь сейчас — едешь потом»; «Ничто так не отвлекает водителя, как неоплаченный проезд».

Вторая коммуникативная ситуация возникает в связи с остановками. В Петербурге маршрутки работают в режиме «остановка по требованию». Водитель не всегда вовремя слышит просьбу пассажира об остановке, что и приводит к необходимости урегулировать эту сторону их взаимоотношений. Официальными, регламентированными объявлениями являются следующие: «Пожалуйста, об остановках предупреждайте громко и заранее»; «Убедительная просьба об остановках объявлять заранее»; «Уважаемые товарищи! Громко называйте место остановки. Спасибо!»; «Уважаемые пассажиры!!! В просьбе об остановке вам может быть отказано, если это противоречит правилам и безопасности дорожного движения».

Фольклорная культура, вторгаясь в данную коммуникативную ситуацию, порождает объявления другого рода: «Тише говориши — дальше едешь»; «Тише скажешь — дальше выйдешь»; «Остановку объявляйте так, будто все проехали»; «Кричите громче! Когда проедете, все равно будете орать»; «Хочешь выйти — кричи!»; «Говорите громче — водитель глухой»; «Говорите громче — не бойтесь разбудить водителя».

Третья коммуникативная ситуация связана с открыванием дверей маршруток. Двери в микроавтобусах, как известно, автоматически не открываются: пассажир должен их сам открыть и закрыть. Иногда он прикладывает излишние силы, захлопывая двери, что приводит к их порче. Поэтому водители вешают следующее регламентированное объявление: «Дверью не хлопать».

Такого рода объявлений оказывается недостаточно, и фольклорная культура пытается донести необходимое требование до пассажиров иными средствами: «Хлопнешь дверью — получишь монтировкой»; «Кто хлопнет дверью — тот станет льготником»; «Если вы благодарите водителя за поездку, то не хлопайте ДВЕРЬЮ, а просто дайте ему денег»; «Просьба не хлопать дверью, а то она может обидеться»; «Закрывайте дверь, как двери своего холодильника»; «Не хлопай дверьми, помните — это наш единственный выход»; «Конкурс на лучшее захлопывание двери кончен: всем спасибо!»

Наконец, для водителя важным оказывается донести до пассажиров информацию о необходимости соблюдать в салонах маршрутных такси порядок и чистоту. Регламентированных объявлений типа «Соблюдайте чистоту!» или «Не сорите!» нам не встретилось, но следующие примеры явно являются рефлексией на них: «Только не гадить!»; «По салону не бегать!»; «Любимые пассажиры! Оставить след в жизни — это не значит нагадить в автобусе. Ваш экипаж»; «Закурил сам — угости водителя!»

Рассматриваемые объявления характеризуются вариативностью, которая, как известно, является одним из признаков устной народной словесности: «Землю — крестьянам, фабрики — рабочим, деньги — водителю» (сокращенный вариант слогана: «Землю — крестьянам, деньги — водителю»); «Остановки типа "здесь" и "тут" не выполняются» (варианты: «На ваше "остановите где-то здесь" остановка будет где-то там»; «Водитель "где-то там" и "где-то здесь" не останавливается»; «На просьбы "здесь", "тут", "сейчас" водитель не реагирует»). Отмечен вариант, в котором соединяются черты регламентированного объявления с пародийным: «Уважаемые пассажиры! О требуемых остановках предупреждайте заранее и громко. Остановка "где-нибудь здесь" может оказаться "где-нибудь там"». К приведенному выше «Хлопнешь дверью — получишь монтировкой» имеется варианты: «Внимание! Хлопнешь дверью — умрешь от монтировки!!!»; «Хлопнешь дверью — получишь монтажкой». К объявлениям типа «Кричите громче!» вариантом является «Кричите громче: есть шанс не проехать свою остановку».

Отметим также региональный аспект культуры объявлений в микроавтобусах, на котором мы подробно не останавливаемся. В некоторых городах возникают ярко выраженные «локальные» объявления. Так, в Одессе с ее знаменитым Привозом водители вешают следующие объявления: «Хочешь торговаться — ехай на Привоз»; «Не забывайте платить — вы не на Привоз».

Объявления в маршрутках оказались втянутыми в смеховую культуру и тем самым помимо утилитарного (pragmaticального) начала получили еще эстетическое. Основной художественный прием, который лежит в основе объявлений, — пародия. Рассматриваемые слоганы пародируют прежде всего сами объявления — официальные, регламентированные, обязательные для общественного транспорта. Например, объявление «Сидячих мест — сколько сидят, стоячих — сколько влезет» строится на замене одного компонента

(число сидячих мест, число стоячих мест) другим («сколько сидят», «сколько влезет»). По такому же принципу строится объявление: «При аварии звонить моему папе» (на месте «мосму папе» должен быть номер телефона). В других объявлениях пародийный эффект достигается путем расширения регламентирующей части: «Огнетушитель, аптечка и туалетная бумага находятся у водителя». Добавление «туалетной бумаги» в последнем слогане переводит его в область смеховой культуры. Тем же способом строится и объявление «Запасной выход — 5 рублей!»

В маршрутках пародируются не только объявления в транспорте, но и объявления, обычные для других мест. Встречающееся на дверях всех чиновничих кабинетов объявление «Без стука не входить» в маршрутках получает свою пародийную вариацию: «Без денег не входить» (объявление повешено на двери маршрутки). Пародия на объявление, хорошо нам знакомое по магазинам, выглядит так: «Книга жалоб в следующей машине» (вариант: «Книга жалоб и предложений находится в следующей машине» и т.д.).

В объявлениях в маршрутках находит отражение также пародирование пословиц — заметное явление в языке наших дней, подмеченное лингвистами и уже отраженное в специальном словаре³. Известная пословица «Тише едешь — дальше будешь» путем замены компонента превращается в «Тише говоришь — дальше выйдешь» (вариант: «Тише скажешь — дальше выйдешь»). Приведенное выше «Кто не платит — тот выходит» создано на основе пословицы «Кто не работает — тот не ест». Расходящаяся поговорка «Хочешь жить — умей вертеться» получает пародийный вариант: «Хочешь жить — не отвлекай водителя!» Слоган «Искусство вождения требует жертв» явно пародирует выражения «Искусство требует жертв», «Красота требует жертв».

Пародийная фольклорная культура XX—XXI вв. широко использует литературные аллюзии. В современном школьном фольклоре встречаются интерпретации: «Учительская — дворянское гнездо», «Ответ у доски — репортаж с петлей на шее» (ср. названия романа И.С. Тургенева, книги Ю. Фучика) и т.д. Напомню также об иронических песнях по мотивам «Анны Карениной» Л.Н. Толстого, переделках пушкинского вступления к «Руслану и Людмиле» («У Лукоморья дуб срубили») и др. Рассматриваемые объявления в микроавтобусах также не прошли мимо известных литературных образов: «Маршрутка — не лодка, водитель — не дед Мазай: зайцев не возит». Встречаются и стихотворные надписи:

Жену ты можешь не любить,
Друзей ты можешь позабыть,
Но чтоб проезд не оплатить —
Страшней греха не может быть.

Кажется, за данным примером прочтывается хрестоматийное некрасовское «Поэтом можешь ты не быть...». Ср. еще один стихотворный вариант:

Ты можешь изменять жене,
Дружи не видеть много лет,
НО ЗА ПРОЕЗД НЕ ЗАПЛАТИТЬ —
Страшней греха на свете нет.

Объявления в маршрутных такси апеллируют не только к литературным образцам, но и к произведениям иных видов искусства. Так, вероятно, рефлексией на популярный анимационный фильм о семье осьминожек является следующее объявление: «Водитель — не осьминог, всем сразу сдать сдачу не может» (вариант: «Водитель не осьминог — всем сразу сдать не может»).

Некоторые надписи в маршрутках созданы с использованием «черного юмора»: «30 минут страха — и ты дома»; «Не хлопай дверью — замочу»; «ГИБДД требует, чтобы при аварии количество мест в маршрутке совпадало с числом трупов».

В объявлениях в маршрутках помимо вербального активно используется изобразительный ряд. В этом отношении объявления в маршрутках близки к лубочным картинкам, в которых слово и изображение равноправны. Приведем примеры. «Говорите громче. Водитель глухой», — гласит объявление. Рядом с надписью дается изображение старика, приложившего руку к уху. Около вполне регламентированного объявления «Дверью не хлопать» изображается разгневанная красная рожа с торчащими зубами, которая иллюстрирует реакцию водителя на неаккуратное обращение с дверьми. Возможны варианты изобразительного ряда: разгневанная морда обезьяны; огромное раскаленное красное ухо; объявление «Купи себе холодильник и хлопай дверью», имеющее рисунок: маленький человечек тащит большой холодильник; надпись «Конкурс "кто громче хлопнет дверью" закончен. Призы раздадут» (рисунок: спортивные кубки); надпись «Дверью не хлопать, а то выпадет стекло и будет холодно» (рисунок: оконное стекло, запорошенное снегом, и рядом человек, укутанный в большой шарф). Картинка со смешным автобусом с раздутыми боками иллюстрирует объявление на двери маршрутки: «Автобус резиновый — везем всех» (вариант: «Автобус резиновый: влезут все!»). Изображение автобуса с крыльышками сопровождает объявление «Мы летаем для вас», нарисованное свиное рыло — надпись «Только не гадить!» Объявление, связанное с ситуацией оплаты проезда:

«Крупные деньги не давать — сдачу не унесешь» — иллюстрирует рисунок: маленький мужичок с огромной охапкой денег.

Изобразительное начало может присутствовать и в оформлении вербального ряда. Для того чтобы лучше донести до пассажира необходимую информацию, отдельные слова или сегменты слов в объявлениях выделяются крупным шрифтом: «Вы собрались выйти, скажите водителю об этом ЧЕТКО И ГРОМКО — у него и без вас хватает проблем»; «Хочешь выйти? ГовОРИ громче!»

За пародийными объявлениями стоит образ водителя, каким он видит сам себя. Доминирующим в устной культуре маршруток является образ иронического насмешника. «Если хотите выйти, кричите! Водитель глухой»; «Водитель глухой и на неуверенный шепот не реагирует»; «Остановки говорить громко и заранее: водитель глухой и ему нужно время, чтобы поставить протез на педаль тормоза» — предупреждают пассажиров объявления. Водитель как бы открыто заявляет о своей ущербности, неполноценности, он принижает себя в глазах пассажира, что заставляет вспомнить универсальный фольклорный образ «низкого героя». В связи с этим наблюдением приведем одну параллель из классического русского фольклора. А.П. Скафтымов для русского эпоса определил закон «предварительной недооценки» богатыря⁴. Илья Муромец на вопрос Идолища Поганого о том, сколько он съедает за один присест, отвечает, что ест он только один кусочек хлеба и выпивает лишь одну чару пива. Идолище же заявляет, что это не богатырь: сам он съедает полбыка и выпивает жбан пива. Московский борец Потанюшка, принявший вызов иноземца Кострюка, в исторической песне XVI в. прозвывается «хроменьким»: перед Кострюком он якобы убит. Но победа, удача, как известно, оказывается на стороне Ильи Муромца и Потанюшки хроменького.

Таков и водитель маршрутки. На самом деле за образом ущербного героя («водитель глухой») скрывается удалец, условно говоря «добрый молодец». Именно таковым осмыслияет себя водитель, вешая на лобовом стекле машины объявление «Поехали!» (знаменитая фраза первого космонавта Ю.А. Гагарина) или «Эх, прокачу!» (возглас ямщиков и извозчиков, а также надпись на автомобиле Козлевича в «Золотом теленке» И. Ильфа и Е. Петрова). «Сел, заплатил — теперь держись!» — гласит слоган, намекая на скорость движения. Образ водителя-удальца характеризует картинка: ковбой в широкополой шляпе, а рядом надпись «Будь вежлив!»

Манифицируя себя как «удалого доброго молодца», водитель в непосредственной близости от себя вешает объявления, заявляющие о его маскулинности: «Девушки, держите коленки вместе: и вам не холодно, и водителю не жарко»; «Места для 90-60-90»; «Экипаж ищет стюардессу». В то же время водитель маршруток не лишен лиричности. На заднем сидении автобуса можно увидеть объявления: «Места для поцелуев» или «Я тебя тоже очень люблю».

Однако основной образ водителя, повторим еще раз, — это насмешник. Он иронизирует над пассажирами, в том числе над женщинами: «Если вы думаете, что женщины — слабый пол, то посмотрите, как они хлопают дверью». За мнимой глухотой водителя, манифицируемой в приведенных выше объявлениях, кроется насмешка над клиентами маршруток. «Тихо!!! Водитель спит»; «Молись тихо! Не мешай водителю!»; «Не говорите водителю, что делать, и он не скажет, куда вам идти», — гласят надписи, тем самым указывая пассажиру его (подчиненное) место в маршрутке. Водитель всегда спокоен, преисполнен чувства собственного достоинства; нервозностью фольклорная культура маршруток наделяет пассажира. Именно такие образы прочитываются за объявлениями типа «Предупреждайте об остановках заранее, причем кричите так, как будто вы ее 5 минут назад проехали». Водитель смеется над неграмотностью пассажиров, не владеющих литературным языком: «Остановок "здесь" и "тут" не существует»; «Остановки типа "тут" и "здесь" будут где-то "тамо"»; «Просьбы "здесь", "тут" и "щас" не выполняются».

Выход из маршрутных такси с их низкими потолками, как известно, очень неудобен. Зная об этом, водитель над дверьми вместо регламентированного «Осторожно! Берегите голову!» вешает объявление: «Место для удара головой» (или «Место для битья головой»). Такая издевка прочитывается за объявлением, за которым стоит требование соблюдения чистоты в салоне автобуса «Просим бананы и прочее есть вместе с кожурой» (рисунок: банан с раскрытым кожурой; варианты: «Просьба семечки, орешки и бананы есть вместе с кожурой»; «Семечки, орешки и бананы просьба есть вместе с кожурой»).

Образ насмешника, трикстера, уходящий корнями в первобытную обрядовую культуру и нашедший отражение в мировой литературе (шекспировские шуты), в конце XX в. в новых социально-экономических условиях воплотился в образ водителя маршрутного такси.

Объявления в маршрутках возникли как утилитарная необходимость. Их

первоначальная цель — доставить пассажиру необходимую информацию. Однако очень скоро эта задача перестает быть самодостаточной. Определяющим (но не единственным) в объявлениях в значительной мере становится художественное (пародийное) начало. Смеховая культура поглощает утилитарность: появляются объявления, которые никак не связаны с обозначенными выше коммуникативными ситуациями. Объявления как бы отрываются от своей прагматической основы. В сегодняшних маршрутках можно встретить объявления, явно не относящиеся к ситуации «водитель — пассажир» и возникшие вне маршрутных такси: «Мало знаешь — крепко сишишь, много знаешь — крепко пьешь»; «То, что женщина по душе, мужчине не по карману»; «С кем поведешься, от того и лечишься»; «Супружеский долг отдам деньгами!».

В последнее время отмечается тенденция появления иронических объявлений в наземном городском транспорте. Так, на заднем стекле одного из троллейбусов было замечено объявление «Не прижимайся — не в постели», обращенное к водителям машин, двигающихся за данным троллейбусом. В обычном рейсовом автобусе зафиксировано следующее четверостишие:

Бывает заяц серый,
Бывает заяц белый,
А ты какого цвета,
Товарищ без билета?

Описанный нами феномен современной культуры (объявления в маршрутках), на наш взгляд, доказывает, что фольклорная культура не есть нечто застывшее. Фольклор — это явление постоянно развивающееся и порождающее новые формы и жанры.

Примечания

¹ См., например: Современный городской фольклор. М., 2003.

² В статье рассматриваются рукописные, набранные на компьютере объявления и объявления с картинками-иллюстрациями, отпечатанные типографским способом. Выражают благодарность моим коллегам по Чулковскому Дому и студентам II курса кафедры истории западноевропейской и русской культуры Санкт-Петербургского государственного университета, которые помогали мне собирать представленный в данной статье материал.

³ См.: Walter H., Mokienko V. Wörterbuch russischer Anti-Sprichwörter. Greifswald, 2002; Николаева Ю. В. Как рождается современная русская анти-пословица // Проблемы идиоэтнической фразеологии: Докл. междунар. семинара, 4—5 ноября 2003 г. СПб., 2003. С. 66—74.

⁴ См.: Скафтымов А. И. Поэтика и генезис былини: Очерки. М., Саратов, 1924.

О.Е. ФРОЛОВА

К ТИПОЛОГИИ АНЕКДОТОВ

Попытки описать типологию анекдотов с лингвистических позиций привели нас к гипотезе о существовании четырех больших не совпадающих друг с другом групп анекдотов, которые могут претендовать на то, чтобы называться типами: законов, случаев, сцен и толкований (см. [8]). В основу такой классификации были положены несколько признаков: тип предиката (характеризующий/эпизодический) (см. [2. С. 3]), наличие/отсутствие перцептивного модуса, позволяющего адресату представить происходящее с персонажами анекдота в виде искаженной картины или спектакля/фильма, разворачивающегося на глазах адресата [1]. Закон отражает постоянные (или мыслящиеся как постоянные) свойства участников ситуации; в анекдоте-случае рассказывается о некоем единичном событии, сцена представляет событие как зримое, наблюдаемое; анекдот-толкование объясняет значения слов, устанавливает тождество и различия языковых выражений и экстралингвистических объектов, выявляет свойства и различия предметов, явлений и ситуаций.

Однако мы отдаём себе отчет в том, что ни одна лингвистическая классификация, отражающая особенности текстов, не может быть абсолютно строгой и что не все тексты «укладываются» в предложенную схему. Так, например, анекдот

1. Новая реклама «Интуриста»: «Приезжайте в Советский Союз, пока он не приехал к вам сам»¹ —

мы отнесли к группе законов, так как в данном тексте, возникшем после 1968 г. и вторжения советских войск в Чехословакию, предполагается, что участник ситуации Советский Союз получает устойчивую характеристику. По-видимому, в советское время подобных текстов было немногого. Между тем анализ современного материала показывает, что жанр анекдота «освоил» подобную модель построения текста.

Приведем еще несколько примеров:

2. Объявление в газете: «Познакомлюсь с симпатичной девушкой или

ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА ФРОЛОВА, канд. пед. наук; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова

юношей. О себе: симпатичный юноша или девушки»².

3. В маршрутном такси висит объявление: «НЕ ВЛИХАЙТЕ НЕВИХУ-ЕМОЕ»³.

4. Объявление на пограничном столбе: «Говорици Нарупители! В связи с нехваткой патронов предупредительные выстрелы в воздух больше не производим!»⁴

5. Объявление: «Требуется няня, заботливая, аккуратная, и главное СПОКОЙНАЯ, а то этот гаденыш легко возбудим!»⁵

6. Объявление: «Уважаемые жильцы, в связи с неожиданно возникшими техническими обстоятельствами завтра в вашем доме будут отключены горячая, холодная вода, газ, электричество, вас выведут на улицу, где и расстреляют.

С уважением, администрация»⁶.

Попытаемся выявить общие черты приведенных выше текстов. Все они, будучи анекдотами, построены по модели иного жанра — письменного объявления. Об этом свидетельствует само обозначение исходного жанра, включенное в текст: само слово *объявление*, вынесенное в начало текста (примеры 2—6).

Однако и в примере 1 присутствует жанровый показатель исходного текста — *реклама*.

В данном случае анекдот функционирует как бы «не на своем жанровом поле», воспроизводя жанровую схему исходного текста, поэтому мы предлагаем назвать данный тип анекдотов метажанровым.

Метажанровый анекдот может быть охарактеризован как пародия на жанр. Вслед за Ю.Н. Тыняновым пародией считают «комическое подражание художественному произведению или группе произведений» [6. 4. С. 268]. И если опираться на Тынянова, который полагал, что «жанры различаются как системы <...> по двум разрезам: во-первых, они соотносятся между собой в литературной системе; во-вторых, они соотнесены с тем или иным направлением речевой деятельности» [6. С. 301], то в нашем материале метажанровый анекдот переводит исходный жанр из бытового повседневного общения в фикциональную сферу — мир вымысла.

Грамматическая структура анекдота в примерах 2—6 наследуется у

исходного жанра. Так, для анекдотов-объявлений важно планируется будущее, что отражается в характере предикатов текста. В прим. 2 и 6 предикаты выражены глагольными формами будущего времени: *познакомлюсь* (пример 2), *будут отключены, выведут, расстреляют* (пример 6). Вторым способом выражения предиката является глагольный императив: *приезжайте* (пример 1), *не впих(ив)айтe* (пример 3). Наконец, в примере 5 глагол употреблен в настоящем времени, которое может быть интерпретировано как актуальное настоящее, когда говорящий подразумевает, что данное состояние субъекта существует в данный момент и синхронно по времени составлению объявления.

В примере 4 настоящее время предиката обозначает, так сказать, «неминуемое» будущее. Подобное употребление чрезвычайно часто в бытовой речи и обозначает запланированное будущее: *Завтра мы едем в Петербург; Во вторник я занимаюсь с первокурсницами; В субботу мы идем в гости.*

Подобную грамматическую организацию демонстрируют и другие метажанровые анекдоты-объявления.

7. Объявление: «Хирург-дизайнер за небольшую плату выполнит художественную ампутацию конечностей»⁷.

Видимо, в структуру метажанрового анекдота входит включение «жанровой этикетки» исходного текста. Тынянов писал: «Достаточно дать знак жанра, в который включен знак другой системы» [6. С. 541]. Эллипсис этого элемента анекдота возможен в опубликованных в Интернете текстах, но, по нашему мнению, восполняется при рассказывании анекдота.

8. Меняю геропин на кокаин. Телефон 02⁸.
9. Продам ауди 100. Телефон 0000⁹.

Пример 9 представляется более сложным по сравнению с приведенными выше, так как он рассчитан именно на зрительное, а не на слуховое восприятие. Телефонный номер должен напомнить адресату графический символ иномарки: четыре горизонтально расположенных перекрещающихся кольца. Поэтому эллипсис жанровой этикетки в данном случае оправдан именно в письменном тексте.

Поскольку жанр объявления обладает устойчивой формой, но заполнять ее может произвольно, анекдоты-объявления чрезвычайно разнообразны по содержанию.

10. Примем работников для работы на работе. Оплата деньгами¹⁰.

11. Объявление: «Подготавливаем абитуриентов к вступительным экзаменам, пишем курсовые и дипломные для студентов, составляем показанные письма для олигархов»¹¹.

Свобода содержания анекдота-объявления не препятствует тому, что в анекдот допускаются интертекстуальные элементы. Однако, несмотря на это, на наш взгляд, жанровая этикетка оказывается сильнее интертекстуальных включений.

12. Трахаю. Тебедохаю.
Подпись: Старик Хоттабыч¹².

Примеры 2–12 демонстрируют один жанр-донор — объявление.

Паряду с ним анекдот (см. пример 1) обращается и к рекламе. Поскольку данный жанр получил в последнее время исключительный импульс в своем развитии, этот жанр-донор также отразился в обыденной речи и в анекдоте (см. [7]). Реклама предлагает адресату товары и услуги. В первом случае данный жанр связан с названиями а) фирмы-производителя и б) товара. Эти единицы являются центральным звеном рекламного текста. Как показывают наблюдения, интертекстуальные связи в анекдоте-рекламе значительно сильнее, чем в анекдоте-объявлении. Источником интертекстуальности в анекдоте становится бренд (торговая марка) [5. С. 94] и наименование продукта.

13. Компания «Доширак» выпустила облегченные версии своих продуктов: «Дошигастрит» и «Дошиязва»¹³.

14. Opel Astra, Opel Vectra, Opel Калибра, Opel Тигра...

И вот долгожданная новинка сезона: Opel Виагра! Встает намертво в любой ситуации¹⁴.

Анекдот-реклама может обращаться и к самому рекламному тексту, строя свой по аналогии. Так, в рекламе шоколадного батончика с орехами участвовали персонажи, один из которых был собственно шоколадкой, а другие — желудком и мозгом и были названы соответствующими именами собственными. Анекдот лишь добавляет еще одного персонажа из той же анатомической серии.

15. — Привет, Nuts!
— Заткнись, Жопа, я мимоходом...¹⁵

16. Реклама: Прокладки «Олвейс Ультра» удерживают не только влагу и запах, но и звук¹⁶.

Пример 16 демонстрирует наличие а) «жанровой этикетки», б) наименование товара Олвейс Ультра, в) ключевого словосочетания, которое присутствует и в исходном рекламном тексте удерживать влагу.

В отличие от рекламы товара или бренда, реклама услуг свободна от упоминания известных собственных имен.

17. Из рекламы: «Молодожены! Хотите завести ребенка? Доверьтесь профессионалам!»¹⁷

Анекдот-реклама, обращающийся к продуктам и брендам, в наших примерах обходится без «жанровой этикетки», называющей жанр-донор. Что касается рекламы услуг, анекдот не опускает подобной отсылки. Интертекстуальность анекдота, рекламирующего услуги, заключается в том, что воспроизводится ключевая фраза *Доверьтесь профессионалам*.

В отличие от объявления, рекламный текст чрезвычайно разнообразен по форме, так как коммуникативная цель автора — побудить адресата купить товар или воспользоваться той или иной услугой, — как правило, не выражена эксплицитно. В анекдоте-рекламе глагольный императив встречаем только в одном случае (пример 17). Рекламный текст должен привлечь внимание потенциального покупателя в первую очередь своей формой. Отсутствие жесткой узнаваемой формы жанра-донора делает вторую разновидность метажанрового анекдота «интертекстуально зависимой»: если адресат не знает имени товара или бренда, комический эффект не может быть достигнут. Опорами анекдота-рекламы служат наименование товара и бренда, а также воспроизведение ключевой фразы (пример 17).

Третьей разновидностью анекдота, ориентирующегося на другой жанр, мы называем анекдот-предупреждение.

18. МИНЗДРАВ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ: Обзывать больших, мускулистых, злобных мужчин ОПАСНО ДЛЯ ВАШЕГО ЗДОРОВЬЯ!¹⁸

Пример 18 также воспроизводит ключевую фразу жанра-донора, заменив исходную инфинитивную форму *курить*.

Четвертой разновидностью метажанрового анекдота мы называем анекдот, работающий по канве компьютерных текстов, появляющихся в

качестве предупреждений о неполадках программного обеспечения или работы устройства (см. [9]).

19. Вы случайно вошли в Интернет! Это может быть небезопасно! Нажмите «Свойства сетевого подключения»/«Отключить», чтобы исправить эту ошибку!¹⁹

Пример 19 вновь демонстрирует отсылку к исходному жанру. Компьютерное предупреждение, как правило, двухчастно: а) обозначение причины неполадки, выраженное с помощью совершенного вида глагола в прошедшем времени, б) совет о возможном способе исправления неполадки, выраженный императивом глагола также совершенного вида с указанием пути: соответствующей иконки.

Разумеется, метажанровые анекдоты пересекаются с другими типами анекдотов. Во-первых, самые близкие к ним тексты обращаются к интертекстуальным средствам: именам кино- и анимационных фильмов. Кроме того, метажанровый анекдот близок к «фольклорным» анекдотам, героями которых являются сказочные персонажи и которые воспроизводят некоторые сказочные мотивы и нарративные формулы.

20. Летит Змей Горыныч и встречает Илью Муромца.

Первая голова:

— Илюша, будь другом, отруби мне одну голову!

Илья Муромец:

— Ты чего? Крыша поехала?

Вторая голова:

— Да нет... Собрались тут в кино слетать. Две головы хотят Сталлоне посмотреть, а третья: «Тарковского, Тарковского!»... Дура очкастая!²⁰

Пример 20 является анекдотом-сценой с наиболее частотной инициальной формулой с инверсией субъекта и предиката в форме настоящего времени.

Существуют, однако, и пограничные случаи, апеллирующие к другим жанрам, но представляющие законы, случаи, сцены или толкования. Некоторые из них обращаются также и к рекламным роликам.

21. Маленький мальчик долго лежит, приложив ухо к памперсам, а потом с выражением глубочайшего изумления говорит: «Они не дышат!»²¹

Пример 21 мы интерпретируем как анекдот-сцену, но текст оперирует

ключевым словом рекламы этого товара: подгузники должны пропускать воздух — дышать.

К пограничным явлениям мы относим также текст, отсылающий к молитве как к исходному жанру. Достаточно трудно определить жанр данного текста. В Интернете текст был помещен в рубрику «Анекдоты». Подобным же образом определяет жанр таких произведений К.Э. Шумов (молитва юзера и молитва программиста) [9. С. 145].

22. Молитва для служащих: «Отче наш, иже иси в офис! Да будет легок труд наци; Да уедет в отпуск начальство наше; Да исполнится воля наци Аки на работе, так и дома; Оттул наш насущный дай нам на сей день, И отпуск на сию неделю, И каникулы на сей месяц; И прости нам прогулы наши, Как и мы прощаем наказания начальству нашему; Не введи нас в понижение, Но избавь нас от сверхурочного; Ибо есть Твое Царствие в повышении жалованья И сокращении трудового дня. Аминь»²².

Структура примера 22 демонстрирует воспроизведение грамматической структуры и лексического оформления исходного текста. Можно сказать, что этот пример является пародийной стилизацией молитвы «Отче наш».

Подведем итоги. Анекдот может не только строить закономерности, воспроизводить отдельные случаи или представлять их здимо, интерпретировать слова и явления, но также играть на «чужом жанровом поле», подчиняясь закономерностям исходного жанра-донора. При этом анекдот, сохраняя присущность по отношению к исходному жанру, переводит получаемый текст из сферы бытового общения в функциональную. Нами обнаружено по крайней мере четыре разновидности такого монтажанрового анекдота: объявления, рекламные, компьютерные тексты, предупреждение. Этот список — не окончательный. Он может быть дополнен. Языковыми способами образования метажанрового анекдота являются: указание на жанр жанра-донора — «жанровая этикетка», сохранение грамматической структуры исходного текста, воспроизведение знакомых адресату ключевой фразы и имени собственного, заимствованных из исходного текста.

Типология анекдотов, таким образом, выявляет разные способы отражения и конструирования реальности; пятый тип использует заимствованные жанровые средства.

Примечания

¹ Штурман Д., Тихтин С. Советский союз в зеркале политического анекдота. М., 1992. С. 458.

² <http://www.anekdot.ru/anekdot-98-display.html?from=1347&sort=1>.

³ <http://anekdoty.bzon.ru/anekdoty/anb.php?gi=28>.

⁴ <http://www.keke.ru/humor/all/22/2227/print.html>.

⁵ <http://www.anikdot.ru/joke-pics-8005.html>.

⁶ <http://waldo.narod.ru/64A.htm>, № 632.

⁷ <http://www.anekdot.ru/an/0609/x060913;10.html>.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ <http://www.terr.ru/ges/anb/php?gi=28&k=12>.

¹¹ <http://accoona.ru/humor/?y=2004&m=4&d=18&cid>.

¹² <http://www.terr.ru/ges/anb/php?gi=28&k=12>.

¹³ Там же.

¹⁴ <http://www.anekdot.ru/an/0609/jfx060914;100.html>.

¹⁵ Там же.

¹⁶ <http://www.anikdot.ru/joke-pics-8010.html>.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ <http://www.anekdot.ru/an/0609/jfx060914;100.html>.

²⁰ <http://www.sms-stars.ru/yumor/skazki.html>.

²¹ <http://smolensk.wap.ru/enteranec/anec.wml?n=800>.

²² <http://smolensk.wap.ru/enteranec/anec.wml?n=795>.

Литература:

1. Арутюнова Н.Д. Типы языкового значения. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

2. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 7–85.

3. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения // Вопросы языкознания. 1989. № 3. С. 51–61.

4. Гаспаров М.Л. Пародия // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 268–269.

5. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г.Н. Склиревской. М., 2001.

6. Тынянов Ю.Н. О народии // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 284–310.

7. Ферапонтов И.Е. Рекламные тексты в обыденной речи // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 703–710.

8. Фролова О.Е. Лингвистическая типология анекдота // ЖС. 2005. № 4. С. 24–26.

9. Шумов К.Э. Профессиональный мир программистов // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 128–164.

Н.А. МАРКОВА

А.В. МАРКОВ И ТИФЛИССКИЕ ВЫСШИЕ ЖЕНСКИЕ КУРСЫ

Для памяти выдающегося русского ученого — фольклориста, исследователя древних рукописей, историка литературы, этнографа Алексея Владимировича Маркова (1877—1917) текущий 2007 год является вдвойне знаменательным: 130 лет исполняется со дня его рождения; 90 — со дня кончины ученого.

Последние годы своей короткой жизни А.В. Марков работал на Тифлисских высших женских курсах. К сожалению, ни о курсах, ни о педагогической деятельности А.В. Маркова публикаций нет. Задача настоящей статьи восполнить этот пробел.

В 1905—1910 гг., в достаточно непростой для России период, высшие женские курсы возникли в Киеве, Одессе, Казани, Харькове, Тифлисе, Новочеркасске, Варшаве, Томске, Дерпте (Тарту). Уникальность Тифлисских курсов в том, что не только в Тифлисе, но и на всем Кавказе не было до той поры другого высшего учебного заведения. Неожиданный вид гендерного неравенства — доступность для женщин и недоступность для мужчин высшего образования в дореволюционной России, на Кавказе!

Курсы являлись частным учебным заведением университетского типа. Их финансирование велось за счет средств слушательниц, учредителей, правительственные субсидий. Донаторами являлись также Тифлисская городская дума, канцелярия наместника Его императорского Величества, Совет съезда бакинских нефтепромышленников, Тифлисское дворянское собрание.

В 1911 г. высшие женские курсы получили статус вузов, и их выпускницы допускались к экзаменам в комиссиях «для лиц мужского пола». Программы курсов были максимально приближены к университетским. Министерство народного просвещения курировало деятельность курсов, директор курсов ежегодно перед ним отчитывался. Большая часть из представленных ниже формальных сведений о Тифлисских курсах почертнула из отчета их директора Ф.В. Благовидова [2].

Не только программы, но и принципы организации и управления курсами соответствовали университетским нормам. Они определялись Уставом курсов, в основу которого был положен Устав университетов 1863 г., целеполагающим принципом которого была «свобода преподавания и учения». Демократическое устройство предполагало управление курсами выборным советом. Директор и деканы факультетов избирались тайным голосованием. А.В. Марков был избран деканом историко-словесного факультета 26 октября 1912 г.

При приеме на курсы не было конфессиональных и сословных ограничений. В состав преподавательской корпорации входило 35 человек, 15 из них занимали кафедры историко-словесного факультета. Всё это — яркие индивидуальности, талантливые педагоги, самобытные ученые.

Директором курсов и преподавателем истории был Федор Васильевич Благовидов — исследователь церковной истории и истории XIX в. Философию, логику, психологию, историю философии читал Николай Гаврилович Городенский. Лекции по истории греческой, римской и западноевропейских литератур читал Юрий Никандрович Верховский — поэт,

переводчик, историк литературы, друг Гумилева, Ахматовой, Блока. Георгий Николаевич Гехтман, читавший на курсах философию и методологию истории, преподавал, кроме того, в гимназии. Священник и педагог Александр Викторович Ельчанинов читал историю церкви, философ Владимир Францевич Эрн — философию. Историю Кавказа в период мусульманского владычества и арабский язык преподавал Александр Григорьевич Туманский, генерал-майор, востоковед, автор Приложения 1 «Буртас и Бердас» к работе А.В. Маркова [5]!. Михаил Васильевич Беляев читал введение в славяноведение, сравнительную грамматику славянских языков, старославянский, болгарский, чешский языки. Его исследования максимально пересекались с исследованиями А.В. Маркова, они касались народных легенд о миротворении, русских народнопоэтических представлений. Выдающийся немецкий ученый-кавказовед, лингвист, этнограф Адольф Дирр читал введение в языковедение, сравнительную грамматику индоевропейских языков, немецкий и английский языки. Многочисленные ссылки на грузинские и сванетские источники в работах Маркова [4] появились, по-видимому, не без его влияния.

Преподаватели и слушатели Тифлисских высших женских курсов. Во втором ряду снизу четвертый справа — А.В. Марков; слева от него — Ф.В. Благовидов. В верхнем ряду справа — М.В. Беляев. Фото 1913 (?) г.

В качестве декана историко-словесного факультета Алексей Владимирович выполнял большую организационную работу. Хранящаяся в его фонде² переписка свидетельствует о составлении расписаний занятий и экзаменов, подготовке к печати программ, согласовании условий работы, подборе педагогов.

Жизнь на курсах отнюдь не была безоблачной. Курсы постоянно испытывали финансовые затруднения. В 1914 г. началась война, театр военных действий был неподалеку от Тифлиса. Были и неустройства, связанные с интригами. Всё это приводило к педагогическим потерям.

Осенью 1915 г. А.В. Марков отказался от должности декана. Он болен и всю осень проводит в Москве. Война еще не кончилась, но изменилась судьба курсов, изменилась судьба страны. Алексей Владимирович скончался в разгар этих перемен.

В августе 1917 г. газета «Кавказ» в нескольких номерах публиковала объявление: «Совет Тифлисских высших женских курсов объявляет о приеме на историко-словесный, естественный и медицинский факультеты. С разрешения Министерства просвещения будут приниматься не только женщины, но и мужчины. Директор Ф.В. Благовидов». 1 сентября заметка в той же газете информировала о состоявшемся 31 августа заседании Совета по управлению учебным округом. Департамент народного образования обращался к директору курсов с предложением о преобразовании их в университет.

Именно в этот день умер А.В. Марков. По-видимому, будучи тяжело болен, он приехал в Тифлис в августе, желая принять участие в процессе преобразования курсов в университет.

В работах, посвященных биографии А.В. Маркова [1; 3], о его педагогической деятельности почти ничего не говорится. С момента окончания Московского университета в 1901 г. и до переезда в Тифлис в сентябре 1911 г. Алексей Владимирович преподавал русский язык и словесность в различных учебных заведениях Москвы: Строгановском центральном художественно-промышленном училище, Третьем кадетском корпусе, гимназиях. Всё это были средние учебные заведения. Возможность преподавать в высшей школе позволила ему реализовать свои просветительские идеи.

Педагогическая нагрузка Алексея Владимировича на курсах была громадна, она составляла 36 часов в неделю.

Опубликованная программа его курсов [9] — это 25 страниц убористого текста. Но больше поражает содержательная сторона читаемого им комплекса предметов, включающего историю русского языка в связи с диалектологией, историю русской народной словесности, историю древнерусской литературы, а также русской литературы XIX в. Основные особенности преподавательской работы А.В. Маркова вытекают из его исследовательских установок и заключаются в следующем:

1. Все предметы изучаются комплексно, история языка и история словесности рассматриваются как единый исторический процесс — в связи с географией, общей и церковной историей, специфическими процессами и явлениями в словесности и истории других этносов.

2. В ходе изучения предмета обсуждаются и мнения различных исследователей, как отечественных, так и зарубежных; дается их анализ и оценка.

3. Как в лекциях, так и в темах для самостоятельного исследования рассматривается колоссальный объем этнографического и литературного материала: десятки летописных сюжетов, былин, сказок, загадок, экспедиционные записи самого Маркова и т.п.

Многоаспектиность подходов А.В. Маркова к преподаваемому предмету проиллюстрируем на той части курса истории словесности, которая связана с устной народной поэзией. Судя по программе, целью преподавания являлась отнюдь не передача готовых знаний, а обучение методам, приемам, навыкам самостоятельного исследования. Методика исследования, включающая анализ текста, сопоставление с данными истории и литературоведения, выявление типической структуры и т.д., читалась на лекциях. Темы для самостоятельного исследования предполагают не учебные упражнения, но выполнение небольших научных работ.

Рассматривая на лекциях историю изучения народной поэзии, Марков обсуждает подходы, взгляды, мнения большого числа исследователей. Среди них братья Гримм, Буслаев, Бенфей, Либрехт, Пылин, Тихонравов, Веселовский, Миллер, Жданов, Тайлер, Лэнг, Эренрейх, Житецкий, Фамицын, Бедые. Марков анализирует границы применения различных методов и теорий, выработанных этими авторами.

Вместе с тем Марков представляет методы изучения различных видов народного творчества: загадок, сказок, былин, свадебной поэзии, величальных

обрядовых песен, духовных стихов. Анализирует их связь с обрядами, культурами, религией, а также историческими реалиями. Рассматривает вопросы о среде слагателей былин, отражении в былинах и сказках быта русского народа.

Произведения народной поэзии исследуются им в их историческом развитии: в вариантах и слоях напластований. Другая ось анализа — вопросы географического распространения народной поэзии как «по территориям наручий русского языка — малорусской, белорусской, великорусской» [9], так и по губерниям. Особо выделяется роль Великого Новгорода. Иллюстрациями служит рассмотрение конкретных примеров. Это былины: о князе Глебе Володьевиче, князе Романе и литовских королевичах, Добрыне-Змееборце. Духовные стихи: о Голубиной книге, «Плач Адама», «Стих об Иосифе», «Вознесение», «Богач и бедный Лазарь», «Алексей Человек Божий», «Дмитрий Солунский», «Иоасаф-царевич», «Пятнича и пустынник», «Федор Тирон», «Егорий Храбрый», «Аника-воин».

Связи со смежными дисциплинами особенно заметны для интересующих лектора этимологических и литературоведческих изысканий. В частности, он анализирует происхождение имени Роман и названия «былины».

О взглядах Алексея Владимировича на проблему отношения русской литературы к устной поэзии можно судить исходя из его черновой записи (на свободном листке письма Новицкого к Маркову): «Русская литература в своей основе — чужеземное растение, выросшее под прикрытием государственной религии. Старая письменность была в руках духовенства, поэтому большей частью была чужда образцам и приемам народного творчества. Народная поэзия не имела доступа в книгу, духовенством была запрещена и проклинаема. Некоторое время народная поэзия развивалась устным путем, культивировалась скоморохами <...> и каликами персональными; но когда взгляды на нее духовенства были усвоены московскими царями, наступил период административных гонений, окончившийся искоренением некоторых видов народного творчества на всем пространстве России, доступном правительству. Когда после Петра возникла светская литература, ее представители не только не хотели, но и не могли писать в старом национальном стиле, потому что этот стиль до них не дошел»³.

Темы работ по народной словесности, преимущественно русской, были обусловлены составом источников, имевшихся в библиотеке курсов. Надо отметить, это был весьма неплохой состав для небольшого провинциального учебного заведения. Источниками для изучения народной поэзии прежде всего являлись классические собрания русского фольклора, таких как «Народные русские сказки» Афанасьева; сборники Киреевского, Гильфердинга, Григорьева, Кириши Данилова, Ончукова, Рыбникова, а также сборники самого Алексея Владимировича «Беломорские былины», записанные А. Марковым и «Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г.».

Другой вид источников — это работы фольклористов-исследователей Миллера, Веселовского, Елеонской, Бродского, Жданова, Сумцова, Комарова, Срезневского, Ярхо и многих других, опубликованных в журналах («Этнографическое обозрение», «Известия АН по Отделению русского языка и словесности») и в монографиях.

Рекомендовались работы историков Ключевского, Костомарова, Шахматова, Буслаева. Наконец, предлагалось воспользоваться несколькими работами А.В. Маркова, как старыми, так и новыми, опубликованными за время его работы в Тифлисе. Его исследования в значительной степени пересекались с читаемыми им курсами [4; 7].

Темы поделены на 5 разделов: сказки; песни; былины; исторические песни; взаимодействие устного и письменного творчества. Но были и темы на стыке разделов: сопоставление сказок и былин; взаимоотношения между былинами и историческими песнями. Для всех видов народной поэзии предлагалось анализировать строение текста, символику, стиль, технические приемы творчества. Сопostавлялись особенности, связанные с происхождением и временем создания произведений. Рассматривались вопросы отражения в них русского быта. Примером темы, предполагающей сопоставление русского фольклора с мировыми образцами словесности, может служить выявление сказочных и былинных параллелей к эпизодам поэмы Гомера «Одиссея».

Относительно былин в исторической и географической перспективах рассматривались как общие вопросы, так и специфика конкретных произведений. Примерами постановки общих вопросов являются темы: «Эволюция в стиле русского народного эпоса от состояния его в XVII в. и до совре-

менного его состояния» и «Разница в былинном стиле северной и южной России». В различных вариантах былин о Михаиле Потыке и былин о Ставре Годиновиче анализировались старые и новые слои; определялась хронология былин о Василии Буслаевиче. Предлагалось рассмотреть разные типы персонажей: обобщенные образы жены и матери и во многом синкретический образ князя Владимира. Анализировались характеристики в народном творчестве конкретных исторических персонажей: Ивана Грозного, Петра Первого, Степана Разина.

Проблема взаимоотношений устного и письменного творчества занимала центральное место как в темах работ, предлагаемых слушателям курсов, так и в научных интересах А.В. Маркова. Предполагалось сопоставление устных и письменных источников исторического, литературно-художественного и духовно-религиозного направлений. В исторической перспективе сопоставлялись предания Начального свода и Повести временных лет, летописное предание об основании Переславля и сказания о Кожемяке. Анализировались народные легенды в «Истории о начале Русской земли и создании Новгорода» и в «Летописце Великого княжества Литовского и Жомоцкого». Взаимодействие устного и письменного художественного творчества рассматривается на примерах Повести о Горе-Злачстии и духовных стихов об Анике-воине, о Голубиной книге.

Подчеркнем, что указанные сведения относятся лишь к одному из разделов лекций, читанных А.В. Марковым. Не меньший интерес представляют и другие разделы. В рамках курса «История русского языка в связи с диалектологией» представлена развернутая картина формирования наречий и диалектов русского языка от восточных славян X в. до грамматики лирических стихотворений Жуковского. Примерами исследуемых в курсе деталей могут служить вопросы происхождения звуков и букв; сравнения говоров крестьян различных местностей. Не менее широк диапазон вопросов, рассмотренных в курсе истории древней литературы и литературы XIX в.

Алексей Владимирович, судя по всему, был талантливым педагогом. Можно только удивляться объему и глубине преподаваемых им предметов, и это в рамках общегуманитарного образования. Письма учеников и учениц, хранимые в его архивном фонде,

показывают, сколь демократичными и доверительными были их отношения с учителем. Конспекты лекций, читанных А.В. Марковым в 1912—1913 гг., были изданы в качестве пособия «Русская народная поэзия». Интересно замечание: «Слушательницами были изданы только 114 стр.» [9]. Их пока что не удалось найти. Возможно, что спустя 90 лет после смерти автора они будут представлять интерес и для современного читателя.

Примечания

¹ «Эта заметка, представляющая собой ценное добавление к моей работе, написана по моей просьбе А.Г. Туманским», — писал А.В. Марков.

² Личные архивные фонды РГБ, ф. 160, 1890-е гг. — 1917.

³ РГБ, ф. 160, палка 4, № 69.

Литература

1. Азбелев С.И. Алексей Владимирович Марков как медиевист и отзывы о нем современников // Древняя Русь. 2001. № 3.

2. Благовидов Ф.В. Четвертый год существования первого высшего учебного заведения на Кавказе. Тифлис, 1913.

3. Иванова Т.Г. Русская фольклористика начала XX в. в биографических очерках: Е.В. Аничков, А.В. Марков, Б.М. и Ю.М. Соколовы, А.Д. Григорьев, В.Н. Андерсон, Н.Е. Ончуков, О.Э. Озаровская. СПб., 1993. С. 36—59.

4. Марков А.В. Море Твердианское в дуалистической легенде о сотворении мира // Этнографическое обозрение. 1913. № 1—2.

5. Марков А.В. Отношения между русскими и мордою в истории и в области народной поэзии, в связи с вопросом о происхождении великорусского племени // Изв. Тифлисских высших женских курсов. Тифлис, 1914. Кн. 1. Вып. 1. С. 48—94.

6. Марков А.В. Памятники старой русской литературы (Тексты и примечания): Отд. оттиск из «Известий Тифлисских высших женских курсов». Тифлис, 1914.

8. Марков А.В. Повесть о Горе-Злачстии: Образ Горя // Живая старина. 1913. № 1. С. 17—24.

7. Марков А.В. Повесть о Волоте и ее отношения к Повести о св. граде Иерусалиме и к стиху о Голубиной книге // Изв. Имп. академии наук по Отделению рус. яз. и словесности. 1913. Т. 18. Кн. 1.

9. Марков А.В. Программы и темы работ по истории русского языка и словесности: Отд. оттиск из «Известий Тифлисских высших женских курсов». Тифлис, 1914.

Легенды, предания и мифологические рассказы из гагаузского села Болгарево

Публикуемые тексты были записаны в экспедициях 2006—2007 гг. в гагаузское село Болгарево¹; здесь подобраны тематически: топонимические легенды и мифологические рассказы.

Село Болгарево (Былгарево), Добринская обл., община Каварна, находится в Южной Добрудже (Северо-Восточная Болгария) на узком скалистом полуострове длиной более 3 км, завершающемся мысом Калиакра — достопримечательностью этой части Болгарии. Поселение на месте Калиакры известно с IV в. до н.э., когда здесь, на территории так называемой Малой Скифии, фракийское племя теризов возводит крепость Тиризис (впервые упомянута Страбоном). Значение укрепленного поселения возрастает после покорения фракийских земель римлянами (II—III вв.) и особенно после разделения Римской империи на Западную и Восточную (после смерти императора Феодосия, 395 г.). Мыс и земли около него отходят к Восточной Римской империи, крепость в это время известна под именем Акре (греч. ἄκρη ‘оконечность, мыс; крепость (на горе)'). Современное название мыса происходит от этого слова и также греч. καλός ‘прекрасный’. Около X в. эту часть Болгарии заселяют славянские племена, к 1346 г. относится первое упоминание о существовании здесь Добруджанского деспотства². О времени завоевания Южной Добруджи (конец XIV — начало XV в.), в том числе и о взятии Калиакры, турецким султаном Мехмедом I повествует легенда о 40 девах, которые предпочли смерть турецкому гарему. Впервые легенда была записана Е. Огняновой в 1963 г. в Варне³, ныне в Болгарии она общеизвестна, ее изучают в средней школе. На мысе Калиакра установлен памятник легендарным девам, а большой проем в скальных породах мыса носит название «Ворота 40 дев» и считается местом их гибели (несмотря на то что мыс постоянно изменяется и последнее его обрушение произошло в 1902 г., когда под воду ушло 150 м полуострова). В Болгареве сохраняются непубликовавшиеся варианты этой легенды (тексты 6—8), в которых встречаются и народные толкования названия мыса, связывающие его с легендарным антропонимом *Калиакра* (*Калé, Калына*⁴).

Село, лежащее в 3-4 км от мыса, населяют гагаузы, православный тюркоязычный народ, вопрос об этногенезе которого остается открытым и занимает этнографов более 100 лет⁵. В данной заметке вопрос происхождения гагаузов не рассматривается. Гагаузы проживают в основном в Северо-Восточной Болга-

рии, значительная их часть переселилась оттуда в начале XIX в. в Бессарабию и ныне живет в южной Молдавии, где в 1994 г. образована гагаузская автономия (Гагауз Ери), и в прилегающих к Республике Молдова районах Одесской области Украины. Небольшое число гагаузов живет также в Казахстане (куда они переселились из Бессарабии) и греческой Фракии. Гагаузский язык относится к юго-западной (огузской) группе тюркских языков. Болгарские гагаузы, в отличие от молдавских, имеют двойную самоидентичность: «Мы гагаузы, но мы болгары» (или «Мы болгары, но мы тут немногого гагаузы»)⁶. Они билингвы: в качестве домашнего языка используют гагаузский, особенно старшее поколение, при этом свободно говорят по-болгарски; молодые люди и дети часто говорят только по-болгарски. Поколение болгарцев старше 75 лет знает также и румынский: с 1913 по 1940 г. Южная Добруджа входила в состав Румынии, и в Болгареве действовала только румынская школа. Публикуемые тексты произносились на болгарском языке.

Болгарево по сравнению с другими селами Болгарии можно назвать процветающим, несмотря на все проблемы постсоциалистического времени. В настоящее время в нем проживает более 1500 жителей, работает детский сад, школа, дом культуры, в котором всегда открыты библиотека и местный этнографический музей. Действует фольклорный ансамбль под руководством директора дома культуры Элены Урумчевой⁷. Основные занятия населения — выращивание баучевых культур, виноградарство, рыбная ловля; часть жителей занята в сфере туризма на курортах и туристических объектах Черноморского побережья.

В преданиях о названии села (тексты 1—4) упоминается место, где когда-то нашли пресную воду, питаяющую село и считающуюся лечебной; около него в 1904 г. возведена церковь Петра и Павла, так называемая греческая церковь. По рассказам, на строительство храма дали деньги зажиточные греки, однако надо сказать, что гагаузы долгое время оставались под влиянием греческой (а не болгарской) церкви. Уникальным для Болгарии является то, что в селе существуют два храма, построенные почти одновременно; в настоящее время Петропавловский храм реставрируется, и действует только церковь Архангела Михаила в центре села; 8. XI, в престольный праздник (*Архангеловден, Ай Архандел*), отмечается день села, *сбор*. Причина возведения двух церквей неизвестна.

До 1942 г. Болгарево называлось Гявур суктчук⁸ (от тур. *gâvur* ‘немусульманин, неверный, гяур’ и *suktchuk*, см. ниже). Впервые село упоминается в османских документах в 1573 г. под именем Сююджуг-и кюберан ‘сююджуг’ (суктчук) неверных⁹, где первое слово на гагаузском языке (*sütçük/süyicük*) или одном из турецких диалектов (ср. тур. *sögī+c/çuk*), вероятно, означает ‘ивняк’. В народных объяснениях название села указанная выше мотивационная модель (иноконфессиональность + особенности природного ландшафта) доминирует, в том числе и тогда, когда *суктчук* производят от гагауз. *su(-yu)* ‘вода’ и *cök* ‘много’ (текст 2). Объяснение нового названия *Болгарево* представляет усеченный и одновременно включающий семантический переход вариант этой модели (конфессиональная → этническая принадлежность населения). Микротопонимы мотивируются с точки зрения эстетического восприятия (*Кара чалъ*), социальной функции (*Шекер маҳлесе*), как производные от других топонимов (*Дылбока алты*, *Калекорусу*, *Патагония* — присутствует и оценочный компонент) (тексты 5, 6).

Записанная болгарская терминология духовной культуры характерна для данного культурно-диалектного ареала (Северо-Восточная Болгария). Как правило, она дублируется *гагаузской*; единый термин присутствует в случаях, если 1) в болгарском языке он тюркского происхождения; 2) в гагаузском невозможно найти соответствия и заимствуется славянская лексика. Так, обычное для этой части Болгарии название духов-женщин в белых одеждах (лесных фей) *самодивы*, которые по ночам танцуют *хорб* (болгарский национальный быстрый танец, открытый хоровод), дублирует гагаузское *пери къзлъ* ‘девушки *пери*’ (ед.ч. *пери къзъ*). *Пери* имеют много общих черт с *русалками*: их представляют с распущенными волосами, в белых одеждах, они появляются в ночное время¹⁰. Однако болгаревцы четко различают *русалок* и *пери*. *Русалки* считаются вредоносными существами, и их появление приурочено к определенному календарному периоду, Русальной неделе (*Русалска недея*, *Русалы афтасъ*; после Троицы), в течение которой строго соблюдали запрет купаться в море, потому что человек мог стать «пестрым», *аладжá* (покрыться сыпью, которую насылают *русалки*). В этот период следовало быть осторожными с водой, например, во время стирки (если не соблюдали запрет стирать) в таз клали полынь; считалось, что она предохраняет от вредоносных действий *русалок*.

Церковь Архангела Михаила, построена в 1902 г. Фото О.В. Трефиловой. 2007 г.

Церковь Петра и Павла, построена 1904 г. (освящена в 1906 г.). Фото О.В. Трефиловой. 2007 г.

В селе, как и в Северо-Восточной Болгарии в целом, слабо представлены общебалканские поверья о вампирах; «по-гагаузски» это *талаасъм* — в болгарском языке (< араб.) это слово часто обозначает духа локуса (клада), происходящего от «нечистого» покойника; в погребальной обрядности сохраняется ночное бдение у гроба умершего, чтобы его не перепрыгнула кошка, в результате чего он может превратиться в вампира. Лексема *талаасъм* употребляется сейчас только во фразеологических сочетаниях: «одеться как *талаасъм*», «выглядеть как *талаасъм*», т.е. некрасиво; «*талаасъм* ты эдакий!».

Отдельные публикуемые нарративы отражают балканские верования о духах, охраняющих клады, и о наказании кладоискателя.

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ЛЕГЕНДЫ О названии села

1. Это село находилось рядом с Калиакрой. Было *Гаур сүйтчук*. *Сүйт* — ива: «Гяурская ива». *Жюдэтул¹¹* Калиакра, по-румынски «область Калиакра». <...> Там [около «греческой» церкви] было девять матерей-колодцев. Для этой *чешмы¹²* они матери, открытые. Никто не знает, откуда шла эта вода. И ради этой воды то село оставили, перенесли сюда. Это было давно. Около чешмы ведь течет река — росло много ив. *Сүйт*. *Гаур* — болгарин. «Болгарская ива». В сороковом году, когда пришли болгары, его назвали *Българео¹³* [1].

2. [Почему называется Болгарево?] Наоборот [в обратном переводе с гагаузского на болгарский]. Потому что мы

тагаузы, а гагаузы считаются чистыми болгарами. Поскольку *Гаур сүйтчук* называлось когда-то, было много берез. Наши называют *сүйт* березы. [Березы или ивы?] Ивы, ивы. Было много толстых ив. Значит, много воды. Есть одна церковь [Петра и Павла], перед ней источник этой воды. [По-тагаузски ‘много воды’ как будет?] Чок су или сучок. [А ивы при чем? Много ив или много воды?] Ива не растет без воды. От отца я слышал так: *Гаур суючок* — гяуры, у которых много воды. [И все-таки как правильнее, много ив или много воды?] По моему мнению, много воды. Можно перевести по-разному [2].

3. [Почему село называлось *Гаур сүйтчук*?] Потому что раньше было много гяуров. 500 лет мы были под турецким игом, как же им не быть? Но в Болгарево турки не пошли, поэтому и турецкий не знаем, и болгарский не знаем, поэтому гагаузский знаем. [По-твоему, гяуры — это кто?] Турки. Я так понимаю. [Что такое *сүйт*?] Здесь когда-то было много ив. Поэтому по-болгарски, по-турецки¹³, по-такому, иву называют *сүйт*. Это слово осталось. *Гаур сүйтчук*. Здесь была одна *чешма*, вся окружена ивами. Вот такие толстые ивы [3].

4. [Почему *Гаур сүйтчук*?] Это вот, болгары не отдали веру, язык отдали, по-турецки говорим¹⁴. [Как переводится название села на болгарский язык?] Болгарево. [*Сүйт* — это ива?] *Бабайтин* было село, *гаур* означает *бабайтин*¹⁵, он не отдал веру. Поэтому *Гаур сүйтчук*. *Жюдэцул калуп¹⁶* Калиакра. Ива — это отдельно. Есть такие предметы, притянуто [по смыслу]. [Говорят, здесь было много ив?] У нас была только одна *чешма*. С тремя корнями [?]. Мы всем селом брали воду оттуда. Казаки построили *чешма* в центре, везде. [Что за казаки?] Из Советского Союза [4].

5. [Село делится на кварталы?] Есть у нас такое. Нижний квартал называли *Кард чал¹⁷*. [Почему черное?] Потому что рядом с Калиакрой, *Калекорусу*, грязно, заросшие колючками улицы, электричество не было, темно. <...> Здесь квартал называется *Шекер махлесе¹⁸*. Как идешь к бабе Анти. Квартальный колодец он. Все собирались там, особенно на *Заговезни¹⁹*, веселье. Шумно было. Дед Павле выходит из дома — все толпились — с волынкой. *Сокак бунár²⁰* его называли. [Какие кварталы еще были?] *Патагония²¹* называлась, от Яни Райчева налево к ТКЗС [совхозу]. [Почему называлось Патагония?] Потому что на краю села. <...> [Сколько кварталов было?] Четыре, есть еще *Дылбока алтб²²* ‘снизу Дылбока’ или ‘снизу глубоко’²², алтб ‘шесть’. У одного слова два смысла. <...> *Шекер махлесе* ближе к центру села [3].

Предания, связанные с Калиакрой

6. Это воспоминания моей бабушки и мамы. Какой год, не знаю, о годах не говорили. Когда шли турки со стороны Каварны — на краю Каварны ведь есть памятники тех лет, но не знаю, каких точно, — и из Болгарева начали переселяться к Калиакре. Там, где ресторан [внутри современного комплекса музея], там была пещера. Говорили, что там будут прятаться. И отсюда пошли кто с

детьми, кто со стариками, кто с женщинами. Моему деду было тогда 40 дней. И сказали: «Детского крика чтобы не было, если будет слышен детский плач, значит, он нас выдаст». И они шли и по морю, и по суше. И сказали: «Этот ребенок нас выдаст, надо его оставить». И мать оставила его под кустом терновника, там, где называется *Калекорусу*. Это было вроде леса. На самом деле был лес, но от него и воспоминания не осталось. [Что означает Калекорусу?] *Калé-лес²³*. «Калиакринский лес». И мать оставила его в терновнике, и они двинулись вперед. А сердце-то болит. Ребенок начал плакать. Она вернулась обратно, взяла ребенка и 40 дней держала его у груди, чтобы он сосал и не издавал никаких звуков, не плакал. Комары изъели всю ее грудь. И они спаслись [3].

Легенда о Калиакре

7. Я только слышал, откуда я знаю, как было на самом деле? Это случилось во времена турок, когда около нашего села собирали красивых девушек, чтобы отправить их на корабль в Турцию, в гаремы. И они договорились, что не поедут туда, и сами себя уничтожили. Прыгнули [в море] с привязанными одна к другой косами. И первую звали Калина. Прыгнули, и все умерли. [Они все были из Болгарева?] И из окрестных сел. Но большей частью отсюда. И это правда, не придумано. [Почему называется Калиакра?] *Кáлу* Калиакра. Или *кáту* — «голова»? Кажется, «мыс» по-румынски. Первую звали Калина, и отсюда Калинин мыс [2].

8. 40 девушек гнали, хотели отуречить. Одну звали Калé, другую Калиáкра, другую не знаю как. И они бросились [со скалы в море] — там есть маленькая церковь²⁴, маленькие ворота, — чтобы их не отуречили [4].

Чешма в центре села, устроенная в 1930-е гг. Фото 1940-х гг.

Та же чешма. Фото О.В. Трефиловой. 2007 г.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ О вампирах

9. [Почему принято стеречь покойника ночью?] Он *вампиръсал* [мог стать вампиром] из-за кошки [если гроб перепрыгнет кошка]. *Таласъм олъи* — стать «таласымом». Этот человек приходил и пугал людей, его душа ходила и пугала людей [2].

10. Люди, даже если существует *шетайн*²⁵, не видят его, только кони видят. Как впряжен ты коня в телегу и поедешь, скажем, отсюда к Свети-Николе [ближайшее село]. И ничего нет, однако конь бьет копытом и встает. Ты не понимаешь — конь видит. Дьявол ли это, вампир? Люди не видят ни дьяволов, ни демонов. И потому не верят. Я тоже не верю в них. Но со мной случалось, что конь вставал посреди дороги [1].

О русалках

11. Они бегали. Мы, дети, ходили на море купаться. Темнеет, поздно. И нас кто-то гонит. И что это за люди? <...> Я говорю детям: не ходите там, где глубоко. Вода берет *курбан*²⁶ [4].

12. [Что рассказывали о русалках?] Есть *Русалска неделя*. Считалась самой опасной. [Когда она?] В июне. Целую неделю сблюдали, особенно субботу. В доме повсюду клали полыни. Русалки с длинными волосами, в белых одеждах. <...> Никто не знает, где они жили, но ходили. От *аладжэ* предохранялись посыльными [2].

О самодивах

13. Один человек шел среди ночи, слышит: играют волынки и танцуют. И схватили его, и новелки в хоро. Он отдал им всё: штаны отдал, всё, остался голый. И пропел петух, и всё исчезло [4].

14. Было так. Около кладбища А. и его сыны копали. Я иду, и мне они говорят: «Бабушка, или сюла, мы здесь копали, и из-под земли вылезла одна женщина в белых одеждах. Мыступили шаг — она за нами. Мы прыгнули — и она». Я говорю: «Лисайте и плуйте за пазуху»²⁷. Там, однако, кладбище, и иногда кто-то вылезает. В белых одеждах, прыгают, танцуют. Когда человек это видит, он должен окунуть себя и помещение ладаном. И все исчезнут. Называется *пери къзъ* [4].

15. Я слышал давно, одна родильница видела, что у колодца одна в белых одеждах расчесывала волосы при луне. [Кто она?] Не знаю. [Самодива, русалка?] Да, были они. Даже наши в Болгарии слышали. Есть одна местность, Дылбока. С *седянки*²⁸ как возвращались, слышали мужские и женские голоса и как волынка играет. Даже живы еще те, кто слышал. [Эти духи где живут, на море или в ямах?] Не знаю, где жили, но они существуют. [Как их называют?] Самодивы — *пери къзълар*. <...> [Говорят ли, что *пери* танцуют хоро?] Да, *пери хорусу* — самодивское хоро. [Что случалось, если человек наступал на то место, где *пери* танцевали хоро?] Он получалувчье, мог получить удар (*урама*), *урадисал* — заболевал от самодив [2].

16. Самодивы раньше были, сейчас их нет. [Во что они одеты?] Опять-таки в белое, в простынки. [Говорят ли, что они танцуют хоро?] Танцевали, кричали,

прыгали. Раньше. Когда нигде не было электричества и кто-то видел что-то, одетое в белое, кричал: «Я видел самодиву!» А ничего не было. Сейчас нет самодив, при таком освещении самодива тебе будет ходить! Тогда было темно, кто выходил? Только если кто напился. <...> [Что такое урама?] Значит, инфаркт. На такое место ты наступила, *урадисала*. Может рот искривиться или еще что. [Какое это место?] Зола. Золу нельзя ссыпать где попало, на одном месте должна быть зола. На золу если наступишь... Или на кровь. <...> Если ты во время менструации пошла на погребение или в церковь, плохо, тогда бывает *урама* [1].

О духах-покровителях локусов

17. [Колодцы охраняет дух?] В каждом колодце был дьявол, чтобы не ходили ночью брать воду, чтобы не наступали туда и не падали. Хозяин, *сайбия*. У любой местности есть *сайбия* [1].

О кладоискателях

18. Во времена турок спрятали деньги. Один пастух пас коз. На Дылбоке. Там, на Зеленке [местность]. Пас-пас, нашел яму. Дай, думает, влезу, посмотрю, что там есть. Полез — там дверь. Открыл ее. Вшел, видит: у этого угла золото и у того угла золото. Человек очень обрадовался. Ладно. Наполнил мешок, а одна монета попала ему в *царбули*²⁹. Он как принял открыть дверь — она не открывается. Около двери стоял памятник, Черный Арап. Сколько килограммов входит, столько должно выходить. [Что за Черный Арап?] Памятник, очень умный, [охранял], чтобы не выносили деньги. И пастух вытряс из мешка все деньги, а выйти не может. Весь вспотел, не может выйти. И когда вынул монету из лапти, дверь открылась.

19. Моя бабушка рассказывала, что от Калиакры как идешь, слева есть небольшой холм, около него — куст, и от куста вниз 40 ступеней. И там было две комнаты: одна полна золота, другая — серебра. И у них был работник, пас овец. И он спустился туда и, как увидел, наполнил торбу. Собрался выходить — дверь закрыта. С обратной стороны двери был нарисован один дьявол черный. [Он вытряс из торбы золото?] Один золотой остался — не может выйти. Вышел потом. Оно так сделано: тот, кто спрятал золото, нарисовал там дьявola, чтобы ты побоялся взять золото, если его найдешь. И пастушок от испуга на 40-й день умер [1].

20. Наш родственник, звали его Ясон. Он нашел деньги. Знал, что деньги нельзя брать домой. Взял немного монет, завернул в бумагу. Этот человек сопел с ума, повесился и умер. Деньги — *душмай*³⁰. Они живут сами по себе. [Говорят ли, что деньги охраняют *таласть*?] Да, он не выходит, прячется. Вроде духа. Был колодец. И один выкопал деньги и не мог их достать. Пошла по воду одна девушка, взяла одну монету. Пришла домой и через 40 дней умерла [4].

Примечания

¹ Материалы по духовной культуре собирались по программе: *Плотников А.А.* Материалы для этнолингвистического

изучения балканославянского ареала. М., 1996.

² Подробнее об истории Калиакры см.: Джингов Г. Тиризис. Акре. Калиакра. Варна, 2004.

³ Огнянова Е. Достигнуло до нас: Предания и легенды. София, 1984. С. 150, 237. Легенда опубликована в литературной обработке, см. также публикации: Джингов Г. Указ. соч. С. 64; Тиризис. Акре. Калиакра: Крепости, истории, легенды. Варна, 200[?]; существует также стихотворная версия легенды, написанная епископом Траянопольским Иларионом и помеченная на пите на краю мыса.

⁴ Несовпадение номинации и мотивирующего ее слова и не является помехой народноэтнографическому толкованию, также, с точки зрения информанта, не являются взаимоисключающими несколько версий толкования в одном рассказе (например, в тексте 2), ср.: Белова О.В. Названия сел Полесья и топонимические нарративы // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 152 (№ 5), 163 (№ 91).

⁵ Обзор точек зрения на эту проблему см., например: Покровская Л.А. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964. Введение.

⁶ О двойной самоидентификации болгарских гагаузов см. также: Квиликова Е.Н. Гагаузы Молдавии и Болгарии (Сравнительное исследование календарной обрядности, терминов родства и фольклора). Chișinău, 2005. С. 180. Впрочем, такое положение дел может быть связано с тем, что в болгарском гагаузоведении гагаузов принято считать болгарами, гагаузский язык в Болгарии не имеет письменности, его никогда не преподавали в школах; в школе ученикам запрещали говорить по-гагаузски. В 2007 г. я записала от болгаревца-гагауза следующее утверждение: «Гагаузы — не болгары, это другой этнос» [2].

⁷ Пользуюсь случаем поблагодарить Элену Урмечеву и всех моих информантов за теплый прием и содействие в работе.

⁸ Мичев Н. Речник на имената и статута на населените места в България. 1878—2004. София, 2005. С. 64. Турецкие названия сел Южной Добруджи меняли на болгарские в массовом порядке после возвращения этой территории Болгарии по Крайловскому соглашению 1940 г. До 1944 г. там сменились названия 357 населенных пунктов (Там же. С. 10).

⁹ Стойков Р. Наименования на болгарски селища в турски документи на Ориенталски отдел на Народна библиотека «В. Коларов» от XV, XVI, XVII и XVIII век // Известия на Народна библиотека «Васил Коларов» за 1959 г. Т. 1 (7). София, 1961. С. 379. Слово *сюгюдджуз*, видимо, вызвало затруднения у автора при переводе с турецкого и поэтому дано им без перевода в форме, бытовавшей в поздней официальной документации, — *суючук* (вероятно, исказ. *süütçük* > *siyiçuk*).

¹⁰ О распространении термина *пери* у тюркских и иранских народов, а также о сходстве и различии *пери* и *русал* у гагаузов Молдавии см.: Квиликова Е.Н. Русали — Русалки — *Пери* (двойственность мифического образа Русалии в гагаузских народных воззрениях и в календарной обрядности) // Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Российской этнографической музей. СПб.; Кишинев, 2002. С. 294—297. Об отождествлении в Добрудже *русалий* с

самодивами см.: Василева М. Календарни празници и обичаи // Добруджа: Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1974. С. 335.

¹¹ Jude(i) (рум.) 'административная единица (уезд, воеводство)'.

¹² Чешма (болг.), чошма (гагауз.) — источник воды, выведенный обычным для Болгарии образом в каменное сооружение через трубы, в данном случае на центральной площади села.

¹³ Информантка имела в виду гагаузский: гагаузы Болгарии называют свой язык түркчى 'турецкий', 'туркский' (в отличие от гагаузов Молдавии, которые определяют его как гагаузчى 'гагаузский'), ср.: Кошикова Е.Н. Гагаузы Молдовы и Болгарии.. С. 7.

¹⁴ По легенде, гагаузы — болгары, которые не пожелали предать веру и стать мусульманами и вместо нее «отдали» язык, т.е. стали говорить по-турецки.

¹⁵ Силач, богатырь, храбрец (болг. < тур. *babağış*)

¹⁶ Cap(-и) (рум.) I. 'толова', II. 'мыс'.

¹⁷ Черная колючка, черный терновник (гагауз.)

¹⁸ Сахарный квартал (гагауз.).

¹⁹ Воскресенье масленицы недели, вечером которого по селу ходили ряженые (болг.).

²⁰ Уличный колодец (гагауз.).

²¹ Горно-степная часть Южной Америки, расположенная к югу от рек Рио Колорадо в Аргентине и Рио Био Био в Чили. В болг. яз. слово имеет коннотацию 'место на краю света' (ирон.).

²² В оригинале *отблу дълбока, отблу дълбоко*: если спускаться к морю, здесь находится местность Дылбока (*Дълбока*); дълбоко 'глубоко' (болг.).

²³ Калé (болг. < тур.) 'крепость'; *koru* (тур.) 'лес, роща'.

²⁴ Часовня св. Николая около «Ворот 40 дев».

²⁵ Черт, дьявол (гагауз.).

²⁶ Ритуальная жертва (болг. < араб.).

²⁷ Плюя си в пъзвата (болг.) 'плевать себе за пазуху' — то же, что рус. 'плевать через плечо'.

²⁸ Посиделки девушек и парней (болг.).

²⁹ Кожаные лапти, непременная обувь пастухов (болг.).

³⁰ Душман, душманин (болг. и гагауз. < тур. *düşman* 'враг').

Список информантов

1. Анастасия Костадинова Стамева, 1925 г.р., образование 7 кл. (румынская школа).

2. Михаил Костадинов Ангелов, 1936 г.р., образование 7 кл.

3. Марийка Анастасова Узунова, 1944 г.р., образование 7 кл.

4. Элена Йорданова Маркова, 1923 г.р., образование 5 кл. (румынская школа).

О.В. ТРЕФИЛОВА;
Ин-т славяноведения РАН (Москва)

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект «Карпатобалканский диалектный ландшафт: язык и культура во взаимодействии»)

Легенды липован Краснодарского края

В этом номере журнала «Живая старина» мы продолжаем публикацию полевых записей христианских легенд, записанных от старообрядцев-липован х. Новопокровского Приморско-Ахтарского р-на Краснодарского края в 2000—2005 гг. сотрудниками научно-исследовательского центра традиционной культуры Государственного научно-творческого учреждения «Кубанский казачий хор»¹.

№ 1. Об обезьянах

Человек, говорить, от обезьяны. Говорю: может, мне сказать, от чего человек? Обезьяна от человека, но не мы от обезьяны.

Когда Христос ходил с учениками, учил народа, проповедывал, учил народа, как жить по-христиански, как ету всю путь жидовскую затереть. Вот. Ну, значить, к жирам должны Христос притянуть с учениками. Они тогда чего делают. Пошли в лес, набили волков, пободрали. И вот, значить, пошли подмост. Понадели ету вот кожу волчину и сидят под мостом. Будет Христос итти, они испужают и не пропустят Его. Когда стали они входить на мост, они (жиры). — А.Э.) выскочили из-под моста. А Христос взял оградил крестообразно своим крестом. Они осталбенели и стоять невредимые. Он уже пошёл, Христос с учениками, уже в село зашёл — они всё стоять. Потым почали немножко шевелиться. Почали, почали. Потым образумились. И давай ету кожу скидывать. Она им приросла. Они и так, они и так — она приросла. Пристыла. И Он их назвал обезьянами <...> И вот, значить, когда пришли в село, их палками, кто чем, вилами... А там и женщины были, и мужчины — и загнали в леса. Кого убили, а кого, значить, загнали. И так остались они у лесе. И назвали их обезьянами. Христос их назвал обезьянами [1, 2].

№ 2. Василий Великий и мать Февдора

Одна монашка сидить и горюет: «Ничего я хорошего не видала. Люди ходят, усё, а мы ничего не видали». Только помыслила! А бес и пришёл и говорить: «Да, — говорит, — мать Февдора, успеешь это сделать. Иди погуляй. Это ты ещё успеешь». А она: «Да и то правда». И пошла. Поскидала свою монашество, повесила на гвоздик да и пошла. Когда пошла, её беси завели у дом у еты, да... терпимости дом, завели её. Хватилися! Нема ей. Чи вроде она утонула, чи, може, как. Шукають её — нема. Уся монашество висить, говорять. А ей нема. Уже день, два, неделя уже, вторая, уже месяц. А там люди говорят: «А она там, у еты, у дурдоме» — чи как на него говорять, не знаю. Когда приходит: «А ну-ка соберуся». Взял оделся монах. Одел костюм... Июк переоделся и пошёл туда. Под низ всё иночество одел, а сверху костюм одел, как будто он такой, простой. Когда приходит — да, она на фотокарточке стоит. А он спрашивает: «Ету женщину у вас можно вызвать на минутку?» — «Она, — говорят, — час занятая». Так у книги написано. Вот. Вот она освободится, тогда выйдешь, придёшь к вам. Вот он, значит, ждал, ждал — выходившую, она его, значит, провожает, с которым она была.

А етот: «Можно мне к вам?» Ну, она взяла его за руки, ведёт. Она ж не подумала, шо это вон. Взялась его лобызать так, как она знает. А он тогда взял расстегнулся. Да как она глянула, спужкалася и у ноги упала ему: «Прости меня Христа ради! Прости меня!» — «Мати Февдора, шо ж ты наделала. Сколько ты молилась, труда заложила, а теперь душу погубила свою. Иди, на вот тебе одежонку, смену, иди, — говорить, — обмойся и оденися и попли со мной». Она взяла ту одежонку, побегла, обмылась, оделася, ничего не сказала и пошла за ним следом. Завёл её у монастыря: «Вот. Молися беспрестанно». И она кормила его Василия Великого, как сваво. И всех она кормила. Такую она взяла себе игу большую, что она не ела, не наедалася так шоб... больше голодная была. Старалася людей напоить, накормить. Вот. Вот сколько той... А он, ето уже Василий Великий, так называл он её — мать Февдора. И она, ето, преставилась, мать Февдора. И когда приходить, нема матери Февдоры. Значить, преставилася, помёрла. Помёрла. Ну что. Взяли её, нарядили её, положили, похоронили. Он так плакал за сей, так плакал. И до сорок дней он так плакал, хотел узнать её мытарства. Всё-таки какая она была хорошая, добро большую делала. А за это же ничего не знал он, чё она делала. Вот. Ну, и пошёл он. Молится, плачет. Приходить Михаила-Архангел. Постучал в оконечко на сороковой день: «Василий Великий, собираяся, пошли со мной. Посмотрите мати Февдору, мытарства». Он подскочил скорей, туды-сюды. Нема никого. Он туды... А росочка сбита, только одна росочка сбита. А видить, далёко как чиреется кто-то. И вон за тем побег, побег и добег до вратов до райских. Когда приходит — там Михаила-Архангел и Архангел Гавриил. Взял Михаила-Архангел и Гавриила под руки повёл по мытарствах его, показал, чё она заработала, как она проняла мытарства. Так он туды пошёл, говорить, млада отраче... Ну, заходить, завёл к ей в келью. Он упал ей у ноги: «Мати Февдора! Что ж ты так сюды... как ты так могла... такое ты добро делала! Так ты, — мол, — молилася! Как ты могла такой мытарства пройти!» Она говорит: «Я великая грешница. Я, — говорить, — блуд творила. За это сюды попала». А он тогда ей: «А неужели и я так попаду!» — «Иди, — говорить, — сынок, и молися беспрестанно». И он когда пришёл, его не угадали. Взял Михаила-Архангел, вывел за ворота да говорить: «Что видал, всё, Василий Великий (назвал Василий Великий его), то всё сшиши». Он: «Господи, да разве могу я так сшиши!» — «Слишешь. Иди и сшиши». И он пришёл туды. Пошёл отрок млада, а оттуда пришёл старцем, белый. Его

никто не угадал. За сорок дней! «Ну, пришёл, — говорить, — Василий Великий пришёл». Придуть к нему, а он сидить пинать, и коло его кто-то стоять, как человек. Пишеть. А здити бояться. День, второй, день третий... Потом на четвёртый день пришли — никого нема. Да молитву творить. Он: «Аминь». — «Можно зайти?» — «Можно. Заходи». — «Вот вчера приходили, позавчера, — говорить, — а к тебе нельзя зайти. Кто у тебя был? Так и так, отраче млада, такой красивый». — «Никого, — говорить, — у меня не было». — «Как не было? Мы не могли зайти. А шо ж ты такой, постарел?» — «О-о-й! — говорить, — шо ж я такое видел. Ни дай Бог туды попадаться. Блудники, — говорить, — скверные которые, все у змеях. И груди им сосут змеи, и туда всё лазиют везде. Везде у змеях. И все за язык павесинки. И огонь под ногами горить. Ето, — говорить, — всё блудники, которые такие там... Страшно, очень страшно. Я, — говорить, — не мог отъида. Я думал, что я не смогу. И вот, что мне сказали, то вотя...» И вотесть такая книга Василия Великого. Очень, очень она страшная. Вот так.

№ 3. Библейские сюжеты

[Л. Ф.] Раз Бог сотворил небо и землю — значить, на землю надо человека, хозяина.

[Ф. Ф.] Сотворил Адама и Еву. Когда Господь сделал небо и землю, и сделал Адама вперёд, а потом с Адама ребро одну взял и сделал ему помощницу, Еву. И они в раю были. И Он (Бог. — А.З.) послал их у рай и говорить: «Усё, сколько есть, — всё ешьте. А с яблоки — его не кушайте». Вот это яблоки. Он проверял их, как оне, послухают...

[Л. Ф.] Как они, познают друг друга, чи не познают в грехах.

[Ф. Ф.] А змей думает, надо их както... Змей етот, антихрист. И привязана на ету на яблоню. И говорить: «Ева, еште яблочка, нате». Взяла и дала. Она: «Да нам же нельзя кушать?». — «Да ешьте, ничего не будет». Она говорит: «Адам. У нас, — говорит, — яблочек, да такой...» Да попробовала немножко. «Какой яблок хороший. О-о-й!» Ну, и взял тогда он грызну́л... Всюгель Господень сразу прилетает. Видишь, ему вот эта косточка, вот эта вот (показывает на кадык. — А.З.). Это яблочек остался. Он когда глянул, ангель Господень, он перепугался, и тут он и застрял. Она не у всех видно. А у других прямо сильно видно. И уто он (ангел. — А.З.), значить, их выгнал с рая. Взял плеть и выгнал с рая их. «Иди, — говорить, — Адаме и Ева, — говорить, — работай до кровяного поту. Ты, Ева, плоди детей себе, чада, а ты, Адам, работай до кровяного поту и корми своих чадов».

И вот оне, сколько оне были, кормили их, у их нашёлся Каин и Авель. Нашёлся у етого, у Адама. Ну и пошли оне, как дети, гулять. И как он там его ударил, и он и убился, и убил его до смерти, брата свово. Ну, он не знал, шо он его убьёт. Да говорить: «Брат, пошли домой, чё ты лежишь, пошли домой». А пришёл бес и говорить: «А он уже не пой-

дёт домой». — «Как не пойдёт?» — «А ты, — говорить, — его убил». — «Как убил?» — «Вот щас закапывать надо». — «Куда закапывать?» Усмнился, страшно ему стало, почал плакать. Почал просить: «Пойдём домой». А он (бес — А.З.): «Распишишь на стим камне, шо живые твои, а мёртвые мои». Вот поетому и шли и праведные, и грешные все в ад. Он же написал, шо живые твои, а мёртвые мои. Вот и все и шли. И Он, Господь, затоптал етуропись, шоб он не был. И за ета Он послал свою Сына единородного за етуропись. Так нам батьки говорили. И когда Он затоптал, пошёл с ада всех вывел, и праведных, и грешных. И ад разрушил, шоб ад не был. Токо одного Юду оставил. Он цепляется за него, а Он сунул — и полетел. Токо одного Юду оставил, а то всех вывел. А щас и праведные, и грешные никто в ад не идёт до Суда. Когда Господь придёт судить нас... [А куда идёт?] Ну куда идуть. Идуть, значить, на небеса, но усс вместе. В ад не идуть. Господь берёт. А там же есть мученица Халмания. Она ходить, идёт... Тебе пора умирать — она забирает твою душу и ведёт, мученица Халмания... И приходит приносить Господу Богу грешника... Беси тянуть его — она не даёт [1, 2].

№ 4. О Ноe

Вот так было, когда Ноев потоп. Ноев потоп пошёл, значить... И налился на ётым, на горе, на Голгофе налился. А все... Разврат тоже большой был. Вон, значить, молится. Господь пошёл да говорить: «Ной Праведный, иди домой, бери свою жену и бери своих детей и иди у корабель. Уже когда спостроил корабель... Токо, — говорит, — жане не говори, шо ты корабель строишь». Вот. Строил всё время. Молился, строил. А пóтым жинка напáлься. Ему сказала... Бес говорить: «Куда твой муж ходить?» — «Как куда? Молиться на гору». — «Да не, — говорит, — он до бабы до однёх ходить, там живёт». — «Да не может быть!» — «Да».

Ну, пришла она, пришёл вон. Она насыла на его. Почала-почала грызть его. А ему сказали, шо жинке не говори. А вон и сказал жинке. Ну что! — вынудила его. Надо плакать и говорить. «Да, — говорит, — во так и во так». — «Ну, — говорит, — иди и строй тогда». Когда приходит, а его весь корабель разбили. Он пришёл и упал: «Господи, прогреши я Господу Богу! Господи, что же я! Что ж теперь я буду делать?» А уже нонче-автра будеть потоп, вода итить. Ну что ты будешь делать?! А Господь явился да говорит: «Ной Праведный, берися строй». И взялся Ной Праведный. Токо взялся отъида-отъида и склал всё на месте. А беси разбили до конца. Он тогда пришёл... «Иди, — говорит, — домой. Бери свою семью и иди, — говорит, — в корабель, а то сегодня ночью пойдёт донц такой... Сорок дней и сорок ночей будеть течь, итить». Ну пошёл вон домой да говорить: «Ну что? Собираться надо». И дочеке говорить: — «Доча, куда ты собираешься?» — «Пойду в театр». — «Как у театр?! Не. Собираися, пойдём. У так, у так». — «Ну, когда будеть донц, тогда я

прибегу». Он уговаривал, уговаривал, так она и не захотела. «Чё, — говорит, — нам! То посты, то ёшё шо-нибудь. Люди живуть, ничего не знают, а у нас все...» Знаешь, как дети. Уже сын в городе живёт. Пошёл сын сказали. А он: «Пап, хватить тебе антиモンии нам проводить. Токо знаешь ето нам говорить! Будить донц, мы тогда придём». Ну пришёл вон. Забрал, какая семья была у его дома. Забрал и пошёл. Пришёл и сказал, какая будеть зверь, значить, или птица, или что, итить. «Открой корабель, чтобы все заходили под корабель». Все по парам будут, значить, итить. Ну, зашёл, и все за им зашли под тэй корабель. И донц как пошёл, как попш, а корабель уже замкнул. Корабель уже и Ной не можуть открыть. Вот. Уже столько воды. Уже корабель пошёл плавать — уже столько воды. Бегить дочь его. Вот так вот кричить. Прибегла. Пошли открывать, а уже не откроется. Потопилась дочка, потопились сыновья. И вон остался сам. И сорок дней, сорок ночей был донц.

А танер, значить, когда остановился уже [дождь]. И он (Ной. — А.З.) посыает ворону. «Иди, — говорит, — и принеси веточку какую-нибудь». Не могут они пристать. Ну, ворона пошла, нащла стервяжу и ест, грызёт. Чё там она нащла?! Чи, можеть, червей каких-то... И грызёт. «Что полетела, — говорит, — да нема». Послал горлечика. Она пошла, маслиновую веточку сломала. И ето, видить, что она стерву ест, да и говорит: «Ворона нашла стервяжу и ест». — «Шоб она ввек стервяжкой питалася». А этот голубочек принес веточку маслинную. Вот поетому голубочек, он Богу угодный, а ворона... [1, 2]².

№ 5. Пустынник

Один покаялся, а Господь его послал в лес молиться, грехи свои замаливать. А добро никогда не делал, сколько прожил.

Ну молится он. Господь послал, значить, как будто подводу. И застрял подвода прямо коло его обители. Вот. Ангель говорит: «Иди, — говорит, — скажи, пусть поможет тебе подводу... Ну, как ето... кони стали, не могут идти. Иди, там стойти, иди попроси его». Он пошёл, попросил да грить: «Поможи мне подводу, кони застряли, не могут итить». Он говорит: «Я на молитве стою, не могу пойти». Приходит ангель: «Ну, чё он сказал?» — «Сказал: на молитве стою, не могу». — «Иди еще раз скажи».

Он пришёл опять: «Пойдём, ради Христа пойдём, поможешь мне подводу вытащить». Он ему говорит: «Не могу. Я тебе сказал, что я на молитве стою».

Ангель: «Ну, чё он тебе сказал?» — «Сказал: я на молитве стою, не могу пойти». — «Иди еще раз скажи. Если не придёт, скажи так: "На чём стоишь?" — "На земле". — "Под землёй что?" — "Камень". — "Под камнем что?" — "Проластъ". — "Ну и иди туды в проластъ"». Он пошёл, сказал — он (пустынник. — А.З.) и загудел. Разчеловек молился, а добро никакой не створил, сколько прожил, ни милостью не дал, толку что ты молишься. Во так [1, 2].

№ 6. Смерть пьяницы

А то ещё было. Не я помню, отец рассказывал. Отец помнил, чуть-чуть маленький был.

Было у отца одного один-единственный сын. Вот. И он у пьянику ударился, сын той. А мать просить его: «Сынок, да не ходи никуды. Да помоги ты батьке хочь капичку... Капичку снять с клетки, гармáнить³ же будем». Ну попросила она его. Влез на ету, на клетку. Клетки, которую привозят капички ети... Ну, как... Сыматъ ету, я не знаю как. Кашанину ету самую. И стал сыматъ, и как он упал да об гармáн ударился и убился насмерть. Почаля матка плакать: «Хочь бы уже пьяный не был. Что теперь буду делать? Ну, что делать?» Убитый, убился прямо. Похоронили его так вот. Закопали. Матка почала ходатайствовать. Вперёд повезла, значит, пшаницу, нагармáнили, намолотила муки. Отвезла в Тульчу, потом в Сирикей, потом в Магмудею, в Славу⁴. Молилася сорок обедней. В каждом селе. Попросила, чтоб хлеб пекли. Каждого дня хлеб пекли. Сорок хлебов в день пекли. Вот. Штоб за день раздастъ того хлеба. И каждый день обедню молилася. Кажды день. Там, там, там. Сорок обедней.

Ну, на сороковой день молятся, панафиду последнюю. Когда той, приехала подвода. Приехала подвода, кричать: «Хозяин! Хозяин!» Вышли — нема никоого. А кричали. Как разматка раздаётся. «Пойди-ка посмотри, кто там кричит: «Хозяин!» Все слыхали. Нема ничего, никоого нема. Ну, молилися... А люди, суседи, видали, как подвода подъехала. Кони, говорить, такие красивые. И подъехали, говорить, мужчины красивые. В шляпах в таких. А где делись, говорить, не знаем. Ну, кончилась та панафиды. Встали, покормили, проводили людей. А батька говорить: «Пойду-ка я лошадям дам». И пошёл в соломину за соломой. А в соломнику в стом сын лежить. У той одёже, у которой он убился. Не в той, что похоронили, а в той, что он убился. Лежить в соломе на прости. Батька как спужался, кричить: «Матка! Поди сюда! Чё у нас тут творится! Давай собирай людей», — говорить. Значить, милостыня выпросила его и в солому положила. Взяли его. Опять обмыли его, повили. И опять почали молиться, как обычно, панафиду. То его так закопали, а то почали молиться. Это мой отец рассказывал [1; 2].

№ 7. Золотой, серебряный и гнилой лес

Много у нас повестей было, много. Книга у меня была. Хорошая книга была у меня. Я каждый день...

Один мужчина захотел пойти у монастырь. Ещё молодой был. Собрался, пошёл. Не стал ни жинки спрашививать, никого, ничего. Помолился Богу и пошёл. А бес встречается с ним, с человеком этим встречается: «Человече, куда ты идёшь?» — «Да иду, — говорить, — в монастырь. Иду, — говорить, — Богу помолиться». — «Что ты такой молодой идёшь в иноки? Жинку оставил, детей оставил. Вернись назад. Когда постареешь, тогда придёшь. А щас ты молодой. Надо детей ещё

доглядеть и жинку». А он послухал, да и всё. Повернулся. Дожил до середнего возраста. И опять пошёл. А он (бес. — А.З.) опять встречается: «Чё ты такой молодой идёшь? Подожди. Иди, ешё подожди трошки». А он опять вернулся. И до старости дожил. Уже стал горбатый. И пошёл тогда у монастырь, когда уже горбатым сделался.

Приходить у монастырь, постучался. А там сторож: «Кто там?» А он: «Открой, я хочу игумена. Позови его». Он пошёл, игумена позвал. Игумен: «Чего ты хотел?» — «Хочу у монастырю жить». Он говорит: «Ну заходи». Поглядел на горбатого, поглядел, говорить: «Ну заходи». Ну зашёл. Всё, значит. А етый игумен там ему говорить: «Ну, что ж ты тута будешь делать, старый человек? Ну, тогда, чего-чего, бери топорик, ступай дровищечек хочь собери». Ну благословил. Тот взял топорик и пошёл улес. Приходит улес. Как глянул на лес, а лес золотой весь. Весь золотой! Он как глянул: «Что это? Как это золотой лес? Никак не могу! Не могу!» Даже руки не поднял. Поглядел на него, на лес на етый, и пришёл к игумену. «Отче, такой», — говорить, — лес золотой». А игумен: «Понял. Ну, ладно», — говорить. На завтра послал. Пришёл на завтра — а он серебряный получился лес. Серебряный. Опять он не стал рубить. Опять пришёл без дров. Он (игумен. — А.З.) говорить: «Ты опять без дров?» — «Отче, — говорить, — то был золотой вчера, а сегодня серебряный. Не могу». Ну ладно. На третий день послал: «Ну, иди сегодня ешё». Приходит. А етой лес уже лес прелый. Весь уже горбатый, как старик, горбатый такой лес. Прелый весь. Весь сгнил. Гнилой. Он не мог вырубить ни однудровину от этих дров. Ни одной палки не мог выбрать. Пришёл опять без дров. А он говорить: «Ну, чё ж опять без дров?» Он говорить: «Отче, то был золотой, серебряный, а щас гнилой. Нельзя взяться. Сыпется весь. Плохой, не пойдёт. И гореть не будет». А он (игумен. — А.З.) тогда: «Иди садись. Почему-таз золотой, почему серебряный? Почему золотой? Потому что, когда молодой человек идёт в иноки, от него золотая молитва Богу идёт. От молодого человека — золотая молитва идёт. В середине возрасте уже, — говорить, — серебряная. Вот как ты пришёл старый — вот такая у тебе молитва, как утой лес». Так вот нам матушка каждый день читала молитву [3].

№ 8. Июк и Богородица

И вот ешё. Один июк угодил Богу. Святая Богородица ходила, его проводывала каждый день. В живом виде. И чего-то вон там прочитал, какую-сь эротическую слово. А у нас газеты и всё такое. Эротическую слову какую-сь. Так она два дня не приходила к нему. Аж на третий день пришла да в пороге стоить. А он плачет: «Господи, да чём же я прогрешил? Пресвятая Богородица чё же ко мне не стала ходить?» На третий день пришла — в пороге стоить. Молитву сотворила ему. А он выскоцил, глянул да как упал. Ей в ноги, начал плакать: «Пресвятая Госпожа Богородица, чё же Ты не пришла, меня не

проводывала». Она говорит: «У тебя еретик. Я не могу притить. Не могу зайти к тебе в келью. Еретик». — «Какой еретик?» — «Да ты такую молитву прочитал... Во! Это уже еретик. Я не могу зайти. Выбрось это всё». Чё-то там у него какаясь молитва, не так прочитал [3].

№ 9. О св. Николе

Святитель Христов Никола за чё получил себе такую благодать от Бога? Вот, Николушка. Хотели невинному человеку голову отрубить. Он не побоялся тех, что рубают ему голову. Нагнул невинного человека стот, ну, что убивает людей, нагнул головушку и вот этим размахнулся, саблей. А Святитель Христов Никола и сзади — хол за руку. Не допустил его. Вот за его благодать получил от Господа Бога. Не побоялся, что он повернется, да ему голову отрубает. Николушка много добра делает <...> И всегда его просить, если где какая бяда, где идёшь, где садишься: «Господи, благослови», — перекрестись: «Святителю Христов Никола, донеси благополучно» [3].

№ 10. Св. Никола и разбойник

Один свечки ставил. Сам воровал и свечки... Наворует, а потом купить свечки твои. А потом, когда за им гналися и догоняют же, он просить его: «Святителю Христов Никола, сковай мене куда-нибудь!» А там лежала шкура с коня. А он у шкуру его заховал. Они прибегли, не нашли его. А он говорить: «От! Ой, как мене воняло в той шкуринке лежать». А он (Никола. — А.З.) говорить: «Во так мене эта свечка воняет. Шо поставишь, у людей уворуешь и ставишь. Так она и мене» [4].

№ 11. Конец мира

Когда придёт конец свету... Не будеть. Конец миру — будеть. А конец свету — никогда. Останется ниточка, поплавочек белого свету, месяца и солнца. И всё. И семь городов, по сему будеть младенцев. В один город будуть сходиться. Господь так дастъ. И вот они будуть питьться. Господь будеть пить, чтобы оне не помнили ету жисть. И потом будуть век разнажаться (размножаться — А.З.) опять: как разнажались и батька с дочкой, дочка с братом там... Будуть разнажаться. А конец свету — не будеть!

Придёт время такое, оно уже есть, уже есть. Батька мой так сказывал: «Доча, придёт время, и с наших христианев будуть дьяволы». Вот точно оно уже мы дожили... [5].

№ 12. Монашки

Бабушка рассказывала. Она сказала, шо при её памяти, при бабушкиной.

Две монашки были, говорить. А у Турции там-от-ка не ходили деньги раньше — золото. Золото это. Ну, одна монашка, люди же дают — давали. Ну собирают же, собирают там. И монашки тоже дают. Какие вот бедные, а они давали, помогали монашкам. А одна даже скучая была, да говорить: «Пойдём мы закопаем золото, шоб, значит... Жалко людям дать — закопаем

где-то». Ага. А ей говорить: «А чё ж будим говорить?» — «Ну, что же? Пойдём, там где-то леса, чи там поля. Пойдём...» — «Я буду говорить: "Господи..." Помолюся началь: "Боже милостивый, буди мене грешной. Создав меня, Господи, и помилуй. Без числа согрешил, Господи, прости меня грешную". Господи, закалываю труд. Я молилася за него, — ей давали люди милостину, — Дай, Господи, чтобы человек нацел такои: много-детный, бедный, чтоб попользовался им». А другая там закапуешь, подальше там. Идуть. Закопали, идуть и говорють: «Как же ты говорила? Закапуала, ты чего говорила?» — «Ну, а как же. Говорила, чтоб им Господь дал. Такому человеку, что бедный, ну, чтоб узъял ды попользовался им». Она говорить: «А я говорила, чтоб это золото дасца кому, чтоб он согнулся да не разогнулся». Она говорит: «Да рази ж так можно, мать! Да! Да ты же матушка! Рази так можно! Иди перекопай! А я та сказала». А она пошла, матушка эта, шо закапула, пошла ды согнулась, ды не разогнётся. Вот. Яё же салом, да яё по мусалам. Не разогнётся. Нема, нема — приходит. А она стоять согнутая. Вот тебе! Закапала! Сама согнулася и стоять. И тогда давай батюшку звать, ды и владыку, епископов, ды там читать, отчитывать, ды и взяли её. Разогнулись [5].

Примечания

¹ Полевые материалы Фонда А.И. Кобезского — 2000—2005 гг. Краснодарский край, Приморско-Ахтарский р-н, х. Новопокровский, а/к № 2072, 2580, 2581, 2584, 2585, 2596, 2798, 3003, 3007, а также не зафиксированные в общем каталоге материалы.

Предыдущую публикацию материалов из х. Новопокровского см.: ЖС. 2007. № 3. С. 14—16.

² Содержание библейской легенды о Ноe дополняется сохранившимся у старообрядцев-славянами другим общерусским мифологическим сюжетом: «Когда Ноe потоп был. А кошка у корабля была. А мышка прогрызла корабель, и корабель потёк. Она узнала, шо текёт корабель, и туу мышку фатиа, съела и фастом заткнула дырку и спасла корабель. Вот поетому у ей тёла не поганая, только пот поганый. С тарелки нельзя давать ей кушать» [1].

³ Гарманить (от гарман 'тумно, ток') — 'мочить'.

⁴ Г. Тульча, с. Сарикей, с. Магмудие, с. Слава Черкезэ — населенные пункты в Румынии.

Список информантов

1. Февронья Федоровна Евсеева, 1926 г.р., род. в с. Слава Черкезэ (Слава Черкесская, Румыния); зап. А.И. Кобезский, А.И. Зудин.

2. Леон Филиппович Евсеев, 1926 г.р., род. в с. Слава Черкезэ (Слава Черкесская, Румыния); зап. А.И. Кобезский, А.И. Зудин.

3. Матушка Платонида Машинина, 1919 г.р., род. в с. Хамидие (Турция); зап. А.И. Кобезский, А.И. Зудин.

4. Феодосия Панфиловна Крецева, 1933 г.р., зап. А.И. Зудин.

5. Ирина Кирилловна Голубцкая, 1919 г.р.; зап. А.И. Зудин.

Публикация А.И. ЗУДИНА
(Краснодар)

Русское издание книги английского слависта

Райан В.Ф. Баня в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России: Пер. с англ. / Отв. ред. А.В. Чернецов. — М.: Нов. лит. обозрение, 2006. — 720 с.: ил. — (Historia Rossica).

Выход русского перевода книги известнейшего специалиста по русскому языку и народной религии, президента Британского общества фольклористов, члена Британской академии, профессора Вильяма Фрэнсиса Райана, безусловно, является важным научным событием. Толчком к написанию книги для автора послужил найденный им в Оксфорде древнерусский текст «Тайная тайных» — перевод с еврейской версии арабского текста «Зеркало принцев», сделанный в XV в. в Великом княжестве Литовском. Первоначально автором было задумано «исследование традиций гадательных и оккультных текстов в древнерусской рукописной традиции и особенностей их языка», однако в ходе работы стало ясно, что необходимо учитывать «постоянное взаимодействие устной и письменной традиции в области магии и гаданий», и в результате получился «общий обзор всего корпуса письменных источников и фольклорных материалов» (с. 12—13).

Книга построена именно как обзор, этой задаче подчинена и ее простая структура. Начинается она историческим очерком магии и гаданий на Руси от X в. до послепетровского времени (гл. 1). Во 2-й главе дается обзор восточнославянской народной магии (понятие о колдовстве, духах и колдунах, способах магических действий и защиты от них) по этнографическим источникам XIX — начала XX в. с экскурсами в более ранние эпохи. Глава 3 посвящена волхвам, колдунам, знахарям и ведьмам. В следующих главах рассматриваются гадания и предсказания: обрядовые гадания (гл. 4), знамения и приметы (гл. 5), толкования сновидений, физиognомика и т.п. (гл. 6). В 7-й главе рассматриваются заговоры и заклинания, в 8-й — талисманы и амулеты; в отдельную (10-ю) главу вынесены тексты-амулеты. Очень интересна 9-я глава, «Materia magica», где рассматриваются материальные составляющие восточнославянских магических практик (пища, травы, животные, минералы и т.д.). 11-я глава посвящена магии букв и цифр, 12-я — геомантии, 13-я — алхимии. В 14-й и 15-й главах рассматривается астрология: заимствованные из Византии знания и поствизантийское (восточное, западноевропейское и пр.) влияние. Завершается книга очерком

истории отношений русской церкви и государства к магии.

Автор характеризует свой подход к написанию книги следующим образом: «В целом акцент сделан на описании материала, тогда как теории и классификации уделяется меньшее внимание» (с. 18). Для книги, первоначальным адресатом которой был незнакомый с русской народной религией англоязычный читатель, такой подход в принципе оправдан. Однако, как бы ни был хорош такой «сверхпозитивизм», на деле обойтись без элементарных теоретических обоснований всё же едва ли возможно. Не удается это и автору, и декларируемое им нежелание углубляться в теорию приводит к довольно прискорбным результатам. Например, справедливо отмечая, что «большая часть попыток прийти к общему мнению по поводу концептуального сходства и различия понятий магии и религии в той или иной мере страдают этно- и культуроцентризмом» (с. 16), автор выбирает как предпочтительное, во всяком случае — как то, которое «в ряде случаев соответствует материалам» (с. 18), определение магии Дэвида Оуна «как формы отклонения от религиозной нормы, когда для достижения личных или групповых целей прибегают к способам, противоположным тем, которые санкционируются ведущей религиозной конфессией» (с. 16). Трудно придумать более неудачное и в большой степени страдающее иудео-христианским культуроцентризмом определение!

Характерно, однако, что Райан не следует в своих рассуждениях и этому определению. Показательен пассаж на с. 30: «Насколько можно судить, наиболее распространенным видом магии у восточных славян до прихода христианства был шаманизм. Его практиковали волхвы, с которыми церковь и государственная власть Киевской Руси вели долгую борьбу». Здесь, во-первых, удивляет атtestация шаманизма как «вида магии»: ведь шаманизм в культурах, где он развит, является именно той самой «ведущей религиозной конфессией» (нешаманские религиозные верования в «шаманских» культурах, как правило, играют сугубо периферийную роль), значит, под определение магии по Оуну и Райану он никак не попадает! Во-вторых, употребляя понятие «шаманизм», автор, видимо, опять-таки не дает себе труда задуматься над содержанием термина, и приведенная цитата имеет смысл только в случае, если между шаманизмом и магией ставится знак равенства. Иначе остается совершенно непонятным, что это за «шаманизм» имеется в виду, какое отношение имеет деятельность волхвов

(точнее, то немногое, что мы о ней знаем) к шаманизму, какие вообще следы шаманизма можно обнаружить в древнерусской культуре (отсылка к материалам последующих глав книги ничего не дает: в них шаманизм даже не упоминается и уж тем более не приводится никаких параллелей между древнерусской религиозно-магической практикой и реальными шаманскими традициями). В третьих, мы сталкиваемся со вторым важным недостатком книги: недостаточным вниманием автора к историко-генетической проблематике, к проблемам происхождения и эволюции рассматриваемых явлений.

Аттестация рецензируемой книги в подзаголовке как «исторического обзора» накладывает на автора серьезные обязательства: историческое исследование не может быть простым обзором фактов в их исторической последовательности, оно должно преследовать цель выяснить истоки и механизмы развития рассматриваемых явлений. Следует заметить, что, хотя проблемы генезиса составляющих русскую магическую традицию элементов автор упоминает среди своих приоритетов (с. 13), от их реального рассмотрения он чаще уклоняется, ограничиваясь простым перечислением (не всегда полным, не слишком внятным и почти всегда некритическим) существующих точек зрения. Понятно, что в книге, изначально написанной именно как свод сведений для англоязычного читателя, объем которой и без того весьма велик, наверное, невозможно было уделить достаточно внимание собственно исторической проблематике, но ведь эта задача вынесена в заголовок сочинения... Хочется также заметить, что стремление уклониться от изысканий в указанной области — недостаток, характерный, к сожалению, для многих, если не для большинства работ исследователей конца XX — начала XXI в., что безусловно свидетельствует об общем упадке гуманитарной науки.

Особенно симптоматично в этом плане невнимание к происхождению терминов. Так, например, о происхождении рус. *волхв* < др.-рус. *въяхъ* Райан со ссылкой на этимологический словарь Н.М. Шанского пишет: «Его этимология остается спорной, тем не менее многие настаивают на его угро-финском происхождении» (с. 115). По-видимому, в качестве «уро-финского» прототипа имеется в виду фин. *velho* ‘колдун, кудесник’ (с. 142) и соответствующие слова других прибалтийско-финских языков. Они не имеют финно-угорских параллелей; и М. Фасмер, и О.Н. Трубачёв [1. С. 346], и авторы финских этимологических словарей [2.

С. 423] сходятся на (древне)русском происхождении прибалтийско-финского слова. Даже если исследователь не желает углубляться в сложные вопросы происхождения термина (а значит, так или иначе и самого обозначаемого им явления), следует по крайней мере учитывать забытую к концу XX в. научную традицию и использовать надежные словари.

Продолжая тему недостаточно критического подхода к использованию работ других авторов, нельзя не заметить, что неслагоприятное впечатление производят и часто встречающиеся в рецензируемой книге ссылки на работы М.Е. Забылина, Б.А. Рыбакова и т.п., причем опять-таки отсутствуют попытки обсуждения положений и гипотез этих авторов.

Несмотря на качественное в целом издание и заметно хорошую работу редактора, в книге имеются всё же различные мелкие странности и опечатки. Так, в подписи к рис. на с. 574 названы «круг Югорский» и «рука половецкая», в то время как на самом рисунке четко читается надпись *рука оугорская*. Замечу, что весьма любопытно для меня было обнаружить, что этникон *уйгурский* в XVII в. на Руси смешивался с *югорский* — к вопросу о запутанном происхождении (др.-рус. *Югра*, которое некоторые исследователи и в конце XX в. связывали с названиями уйгурских племенных объединений). Досадные опечатки есть и в греческих словах. Так, на с. 71 греч. *διάβολος* дано как *δαιβόλος* (этот ошибки повторяется и на с. 72), а *δαιμόν* — как *δαιμῶν*. Буквы *ю* и *и*psilonon, по-видимому, редакторы вообще различают с трудом: на с. 383 и 384 с такой же ошибкой (*φαρμακou*) напечатано греч. *φάρμακον*; там же и греч. *υοτεία* напечатано как *υοτεί*. На с. 553 *ζωδιακός* написано как *ζῳδιακός* и т.л.

Отмеченные недостатки не умаляют достоинств рецензируемой книги. Она, безусловно, является обширным компендиумом материалов по магии, а также народной религии, мифологии, книжной культуре русских и восточных славян в целом и в этом качестве будет полезна теперь и русскоязычному читателю.

Литература

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4 / Пер. с нем., примеч. О.Н. Трубачева. М., 1986—1987.
2. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. Toim. Ulla-Maja Kuusonen ja muut. №. 1—3. Helsinki, 2000.

В.В. НАПОЛЬСКИХ,
доктор ист. наук;
Удмуртский гос. университет
(Ижевск)

Реплика по поводу рецензии В.В. Напольских на книгу В.Ф. Райана

Рецензия В.В. Напольских на книгу В.Ф. Райана производит на меня скорее благоприятное впечатление. Она свидетельствует о том, что среди российских ученых есть достаточно сильные специалисты, способные написать нeliце-приятный разбор книги Райана. С основными концептуальными критическими замечаниями В.В. Напольских я склонен солидаризироваться.

Тем не менее, учитывая склонность российского читателя к черно-белому восприятию печатного слова, я опасаюсь, что рецензия может побудить какую-то часть читателей «Живой старины» отказаться от чтения книги Райана. Такое отношение к книге британского ученого мне представляется крайне опрометчивым.

Главные претензии В.В. Напольских к книге Райана — отсутствие в ней методологии, оригинальной концепции, наконец, поданных в четкой, концентрированной форме выводов. Для части российских читателей, в значительной мере воспитанных на нормативных требованиях к диссертациям с обязательными «актуальностью исследования», «научной новизной» и значимыми выводами, наличие подобных недостатков может показаться решающим для общей оценки книги.

Между тем книга «Баня в полночь» представляет собой обзор, охватывающий чрезвычайно объемный и разнохарактерный материал, и по отношению к ней подобные требования вовсе не обязательны. Напомню, что классические труды таких видных славистов, как А.Н. Веселовский, М.И. Сперанский и В.Н. Перетц (список может быть расширен), не следили подобным схемам и могут поразить современного исследователя своей кажущейся «аморфностью». Можно вспомнить и о том, что «Золотая ветвь» Дж. Фрэзера довольно аморфна по композиции и не содержит исторически значимых выводов в развернутой, концентрированной форме.

Райан как человек западный и, соответственно, скептик и позитивист, склонен к предельному критицизму. Он с сочувствием цитирует слова Г. Верснела «В предшествующие десятилетия нашего [XX] века ученые были счастливее: они знали, что такое магия и где ее искать. Они просто противопоставляли ее как науке, так и религии, хорошо зная (в отличие от нас. — А.Ч.), чем являются та и другая». Сочувствие вызывают у него и слова Г. Кланицы «Контраст между обилием теоретически обоснованных методологических подходов, сравнительных материалов и той легкостью, с которой может быть опровергнуто каждое общее определение, поразителен». Добавим

сюда утверждение Б. Унбегауна о том, что «фольклор, будучи зыбкой и нестойкой манифестацией народной жизни, не может использоваться иначе, как с крайней осторожностью».

Наконец, автор не делает «никаких попыток анализировать русскую магию и гадания с позиций культурной антропологии», отговаривая: «У меня, как иностранца, не было возможности проводить полевые исследования, кроме того, я не обладаю в этой области специальной подготовкой».

Казалось бы, оговорки подобного рода должны сильно обесценить исследование Райана. Однако на самом деле речь идет всего лишь о том, что автор предпочитает самоочевидность данных источников преходящей моде на те или иные новые концепции. Как человек давно и глубоко погруженный в исследовательский процесс и как многоопытный источникомед, он имеет на это полное право. Отметим, что в книге Райана ясно чувствуется твердая рука автора, структурировавшего весьма аморфный материал. Это явное свидетельство того, что в книге в неявной форме присутствуют и авторская концепция, и методологические подходы.

В.Ф. Райан — в первую очередь славист, специалист по русскому и древнерусскому языкам, рукописным материалам и лексикологии. То, что он обращается также к фольклорно-этнографическим материалам, — важная, но вторичная составляющая его научного творчества, равно как и его обращения к этимологии и сравнительному языкоznанию. В силу этих обстоятельств он ищет истоки тех или иных феноменов прежде всего в ранних рукописных материалах (подобно В. Мансикке), а не в лингвистических реконструкциях (и так достаточно многочисленных). Именно это обстоятельство позволяет отнести книгу Райана к историческим исследованиям. Райан по основной профессиональной квалификации исследователь рукописей; соответственно, наиболее важные достоинства его книги следует искать именно в этой сфере.

Можно сожалеть о том, что автор сравнительно слабо раскрыл темы традиционной календарной обрядности с ее магическими истоками; свадебной и погребальной обрядности; связи архаических верований с истоками народной поэзии, наконец, мифологии. Но именно эти составляющие традиционной народной религиозности достаточно хорошо отражены в научной литературе на русском языке.

В то же время рукописное наследие, связанное с неортодоксальными верованиями, отражено в книге В. Райана с исключительной полнотой и систематичностью. Такого обзора в научной литературе на русском языке до сих пор не было.

В ряде случаев Райан непосредственно переходит от обзора, пересказа к собственным оригинальным исследовательским разработкам. Это касается его главы, посвященной алхимии, разделам о восточном

двенадцатилетнем цикле, «Лопаточнике» и «Волховнике».

В каких-то случаях можно усомниться в правомерности взаимного расположения глав и разделов книги с чисто академической точки зрения. Но сам автор отводит эти претензии словами: «Непосредственное обращение к источникам и удобство композиции кажутся мне предпочтительными способами представления материала».

Эта завидная по своей смелости формулировка представляется мне вполне оправданной. Дело в том, что англоязычное издание книги было ориентировано не только на профессиональных славистов. Русскоязычное издание также не адресовано исключительно узкому кругу специалистов по средневековым магическим текстам (практически все они лично знакомы с автором и английским изданием его книги). Русское издание ориентировано скорее на «смежников», на широкий круг интеллигентных читателей и, главное, на начинающих специалистов и учащуюся молодежь. А для них и материалы, собранные Райаном, и особенности его подхода весьма поучительны.

Посвященная весьма обширному кругу материалов книга Райана по определению не могла быть исчерпывающим компендиумом. И всё же мало к какому крупному современному труду в области славистики так подходят слова К.Н. Бестужева-Рюмина, сказанные им об «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина: «Он останавливался над каждым памятником, над каждым вопросом <...> Для человека, начавшего заниматься историей, нельзя указать лучшего руководства <...> он познакомится со всем кругом источников и потом уже легко сможет дополнить свои сведения»¹.

Перевод книги Райана был, естественно, сложной задачей для редактора и переводчиков. В первую очередь мы стремились к тому, чтобы все цитаты из источников воспроизводились по исходной славянской версии, а не во вторичном переводе; во вторую — к тому, чтобы все неясности были перепроверены лично автором. В-третьих, мы пытались сохранить живой и нередко юмористический стиль автора. К сожалению, некоторых ограждений избежать не удалось. Так, ответственный редактор не сумел скоординировать деятельность профессионального византиниста (проверявшего греческую терминологию) с работой издательства.

В целом в книге В. Райана проблематика русских народных верований «со всех сторон своих видна» (выражение Е.А. Баратынского); может быть, не со всех, но лучше, чем в любой другой книге.

Примечания

¹ Бестужев-Рюмин К. Русская история. СПб., 1872. Т. I. С. 221 (Введение).

А.В. ЧЕРНЕЦОВ, доктор ист. наук;
Ин-т археологии РАН (Москва)

Локальные традиции игры на гармони

Мехнечев А.А. Кирилловская гармонь-хромка в традиционной культуре Белозерья. — Вологда: ОНМЦ, 2005. — 272 с.: ноты, ил., компакт-диск.

Рецензируемая работа посвящена народно-инструментальной традиции северо-западной Вологодчины (Белозерский, Кирилловский, Валкинский и Вытегорский районы) и выполнена по экспедиционным материалам 1979—2005 гг. Ленинградской / Санкт-Петербургской консерватории, Российской Фольклорно-этнографического центра и Вологодского областного научно-методического центра. Регион отличается своей самобытной школой инструментальных мастеров. Более того, в 1930-е гг. было организовано обучение этой профессии в профтехшколе пос. Никольский Торжок Кирилловского р-на.

Для современного этапа развития русской гармонной традиции характерно утверждение гармони-хромки как общеэтнического инструмента, что лежит в русле интеграционных процессов, происходящих в народной культуре. Сохранились лишь отдельные островки, где локальные разновидности гармони активно противостоят общерусской хромке — Средний Урал (уральская минорка), Елец и прилегающие к нему регионы (елецкая рояльная гармоника) и т.д. Поэтому чрезвычайно важно и знаменательно, что появилось всестороннее исследование еще одного такого островка, основополагающий инструмент которого представляет собой разновидность хромки, и именно его предпочитают местные музыканты.

Мнение последних по этому вопросу широко представлено в рецензируемой работе, равно как и многочисленные высказывания носителей традиции по самым различным вопросам, что является наиболее ценным в работе. Однако не хватает авторского обоснования столь активного функционирования в регионе именно кирилловской хромки, хотя для автора, владеющего инструментом (а это сквозит в каждой строке), причина этого, казалось бы, должна лежать на поверхности. На наш взгляд, она кроется во взаимосвязи и взаимообусловленности инструмента и музыки (жанровая доминанта региона — «Русского»). Характерное расположение басов кирилловской хромки (местные гармонисты называют его «на косых», «буквой Г», «в шахматном порядке» и т.д.), отличающее ее от общерусской,

дает возможность реализации основополагающей для традиции гармонической формулы без смены позиции руки, что особенно важно для «Русского» с его минимальным временем звучания одной гармонии — один цикл «бас-аккорд». Владея инструментом, могу подтвердить, что «Русского» на обще-русской хромке 25х25 — самый «тяжелый» наигрыш из-за его утомительной «беготни» по басам.

Примечательно, что в работе нашел отражение такой малоизученный вопрос, как освоение инструмента в традиции и, соответственно, проблема передачи традиции. Самое интересное, что «педагогический процесс», описанный в работе (традиционному инструментализму, как правило, не свойственна однозначная связь «учитель — ученик»), совпал с нашим личным опытом преподавания игры на гармонике в условиях академического учебного заведения¹. Разница лишь в том, что автор этих строк строит начальный этап обучения на материале ОРЧФ², кирилловские гармонисты осваивают инструмент на материале жанровой доминанты своего региона — «Русского»³. В остальном все совпадает: и начало освоения инструмента с басов, и первоначальное схематическое изложение «голосов» (отыскание на правой клавиатуре в одном ряду аккордов, «ладящих» с басами), и дальнейшее освоение переборов на основе уже знакомых аккордовых звуков, и — главное! — формирование индивидуального исполнительского стиля гармониста за счет того, что связь «учитель — ученик» (пусть скрытая) заканчивается на начальном этапе освоения инструмента, за которым возникает опасность копирования исполнительского стиля условного «учителя».

Подлинное открытие автора — глава «Семантика переборов», где раскрывается семантика ладов, участков правой клавиатуры гармони, «сбоев» ритмогармонической формулы и всевозможные сигналы и сообщения, передаваемые исключительно музыкально-инструментальными средствами. Действительно, даже читателя, знакомого с традиционным русским инструментализмом, поражает тот факт, что, к примеру, лады, которыми располагает инструмент (ионийский, в котором играют девушки, и миксолидийский с минорной доминантой, в котором играют парням), различают не только гармонисты, но и традиционная аудитория.

Привлекает в работе внимание к народной терминологии. Редкая книга

о традиционном искусстве может похвастаться таким обилием приводимых высказываний народных музыкантов. В этих высказываниях причудливо переплелись собственно народная и «ученная» музковедческая терминология. При этом терминология, используемая автором, порой грешит неточностями. Самая вопиющая из них — неудачное заимствование андреевскими балалаечниками у скрипачей термина «пиццикато». Естественный по отношению к смычковым инструментам, вполне применимый к плекторным (отложить плектр и защищать струны непосредственно пальцами), термин «пиццикато» по отношению к щипковым инструментам — нонсенс. Возможно, он возник как противопоставление основному приему игры на балалайке (брязганию) — защищивание струн по одной, но это, на наш взгляд, еще не основание для его применения: все равно никакого предмета — «посредника» между пальцами и струнами — в руках у исполнителя нет. В какой-то мере оправданием для применения термина может служить то обстоятельство, что щипок и брязгание — разные приемы и их необходимо терминологически развести. Однако нередки случаи (а мы имеем дело с одним из них), когда при заимствовании из другого языка слово приобретает отсутствующий в языке-источнике статус термина. Именно этот нюанс имели в виду народные исполнители, «оправляя» автора: «нашишки» (с. 26).

Несколько странно трактует автор термин «позиция». В общепринятом смысле так называется положение левой руки музыканта на грифе хордофона. Приводимые автором на с. 26 шесть «позиций» на балалайке с гитарным строем на самом деле являются гармоническими схемами балалаечных наигрышей в различных тональностях, реализуемыми, за исключением последнего примера, в *одной* позиции. Понятно заметим, что употребление названий основополагающих строев балалайки — гитарного и балалаечного — в кавычках сегодня представляется анахронизмом. Еще как-то оправданые в «устах» академического музыканта, впервые сталкивающегося с фактом наличия разнообразных строев народной балалайки, эти кавычки, будучи употребленными фольклористом, вызывают по меньшей мере удивление. Предшественники А.А. Мехнцева, большинство работ которых в библиографии имеется (однако из книги не явствует, что автор с ними знаком), уже давно «узаконили» эти народные

названия строев в статусе научных терминов, отменив кавычки.

В работе, посвященной такому специальному инструменту, как гармоника, тем более принадлежащей перу автора, владеющего инструментом, естественно ожидать максимально точного отражения исполнительского процесса, а через него — мышления музыканта на инструменте. Однако вместо этого находим описание конструкции гармоники по системе, предложенной А.А. Миреком, писавшим только об инструменте вне связи с исполняемой на нем музыкой. А.А. Мирек (а вслед за ним А.А. Мехнцев) дает распределение звуков по рядам, но не указывает взаимного расположения рядов. Когда же речь заходит об удобстве реализации гармонической формулы наигрыша на басах кирилловской хромки, А.А. Мехнцеву все же приходится прибегнуть к буквенной схеме (с. 47, 112, 113). При этом он не учитывает, что аналогичный принцип был использован автором этих строк⁴, хотя соответствующая работа в библиографии имеется. Пространственная ориентация схемы, которую предпочитает А.А. Мехнцев, отличается от нашей.

Отличается от общепринятого и октавное положение диапазона правой клавиатуры, которое дает автор. Во всех работах о хромке как справочного, так и учебно-методического плана⁵ диапазон дается от до первой октавы, у А.А. Мехнцева — от до малой октавы. Как и в предыдущем случае, здесь выбор за автором (к тому же при богатой регистрациях выбор октавы для нотации порой неоднозначен), но в работе ни слова о том, почему выбор автора столь нетрадиционен.

Наибольшие нарекания вызывает глава «Вопросы классификации инструментальных наигрышей». Автор, по существу, указывает на неспособность современной науки (а точнее — как это будет видно из дальнейшего изложения — свою собственную) систематизировать все многочисленные и разнообразные феномены традиционного инструментализма: «...опыты систематизации не позволяют исследователям перейти на следующую ступень классификации — установить местоположение конкретных музыкальных форм в системе» (с. 104)⁶. И далее: «На сегодняшний день вопросы классификации наигрышей не решены» (с. 105). При этом он опирается исключительно на наработки узкого круга своих коллег⁷ (А.А. Банин, А.М. Мехнцев, Г.В. Лобкова) и совершенно не учитывает опыта, накопленного российской (и не только)

фольклористикой до выхода в свет самой ранней из упомянутых А.А. Мехнечевым работ. Главное, что снимает многие вопросы систематизации, — тезис И.И. Земцовского о размытости границ жанров: «Одни жанровые группы более четки, другие — как бы размыты, и признание этого является не следствием ущербности науки, якобы неспособной увидеть четкость границ, а отражением объективных свойств самого фольклора»⁸.

Несколько ниже А.А. Мехнечев подтверждает свою неспособность классифицировать «вверенный ему» материал: «Если мелодии общераспространенных песен ("Коробейники", "Светит месяц", "Златые горы" и т.п.) легко узнаваемы, то классифицировать традиционный наигрыш⁹ — задача нелегкая и порой непреодолимая» (с. 108). Однако если вдуматься (а то и просто обратиться к источникам), то эта задача вовсе не представляется неизрешимой. «Каждый жанр во многом обозначен не столько мелодий, сколько ритмогармонической формулой. Версии одного наигрыша, исполненные на инструментах с преобладанием мелодического или гармонического начала, могут показаться слушателю, незнакомому с традицией, совершенно разными. Но даже рядовой сельчанин, не говоря уже о музыканте, абсолютно точно атрибутирует наигрыш»¹⁰.

Дальнейшее развитие тезиса И.И. Земцовского — предложенная нами классификация кадрильных композиций¹¹ (которая может «работать» не только на данном материале): четко обозначены (и, соответственно, получили терминологические определения) два полярных типа, а все остальные расположены между ними на некой воображаемой оси и рассматриваются как тяготеющие преимущественно к тому или иному полюсу.

Не учтена в рецензируемой работе и известная формула Е.В. Гипплиса: жанр — «типизация структуры под воздействием общественной функции и содержания»¹². По существу, присутствует только функциональная характеристика наигрышней, да и та упрощена и содержит меньше основных позиций (не считая промежуточных) по сравнению с наработками предшественников.

Чтобы не заканчивать на минорной ноте, коснемся весьма актуальной в наши дни проблемы, которую не обошел своим вниманием А.А. Мехнечев, — проблемы взаимоотношения фольклора и различных форм его фальсификации. Она наиболее остра в сфере инструментализма, а на материале

рекензируемой работы актуализируется во взаимоотношении традиционной гармонной и академической баянной культуры. До сих пор в широких музыкальных (и не только) кругах бытует взгляд на фольклор как на сырой материал, непременно подлежащий обработке, а на народные инструменты (в нашем случае — гармонь) — как на непременно подлежащие усовершенствованию (баян). Автор представляет искусство кирилловских гармонистов как самоценное, активно противостоящее всякого рода «улучшениям». При этом он заручается поддержкой самих носителей традиции: «Баян не принят был в деревне, и что на нем можно сыграть под пляску?» (с. 29). По мнению самих баянистов, они «не могут "создать настроения" на празднике» (там же). А. Мехнечев точно отмечает различия между традиционной гармонной «школой» и самоучителями на хромке (тоже традиционной), написанными баянистами с их академическим¹³ тезаурусом (с. 62—63).

В заключение позволим себе процитировать вывод, который мы принимаем безоговорочно: «Возвращаясь к существующему положению дел в области профессиональной подготовки исполнителей на гармони, необходимо сказать, что широко распространенная практика предлагать ученикам переложения различных пьес для баяна взамен традиционных наигрышей и игнорирование сложившихся в традиции приемов игры на инструменте порочна. Эта установка формирует снисходительное отношение к инструменту, поскольку приводит учащихся к мысли о том, что кирилловская хромка всего лишь диатонический вариант баяна с ограниченными возможностями» (с. 64).

Примечания

¹ См. Бойко Ю.Е. Инstrumentальное искусство и традиция // Міжнародна науково-практична конференція «Традиційна народна культура: збереження самобутності в умовах глобалізації». Харків, 2004. С. 23.

² Под этой аббревиатурой (общерусская частушечная формула), уже вошедшей в учебник (Народное музыкальное творчество. СПб., 2005. С. 380), имеется в виду основополагающий для русского традиционного инструментализма наигрыш, опирающийся на ритмогармоническую формулу S-T-D-T в мажоре при длительности звучания каждого аккорда в один такт в размере 2/4, не имеющий, однако, общераспространенного народного названия и фигурирующего под названиями «Подгорная», («Подгорка»), «Елецкого», а то и просто «под частушку», «под пляску».

³ К сожалению, в работе почти не представлены другие бытующие в регионе наигрыши.

В нотной части монографии при подавляющем преобладании «Русского» имеется лишь по одному образцу «Цыганочки» (с. 176), «Коробейников» (с. 127) и «Рекрутских страданий» (с. 218—220). Последний наигрыш, представленный, к сожалению, без вокальной партии, можно было бы принять за ОРЧФ (две четверти на аккорд), если бы не тактировка, указывающая на то, что перед нами — вдвое растянутый наигрыш «Русского». Интересно было бы также узнать, бытует ли в данном регионе ОРЧФ (в рецензируемой работе отсутствует) и насколько активно по сравнению с указанной жанровой доминантой.

⁴ Бойко Ю.Е. Частушки Среднего Урала (наигрыши и наигрыши) // Экспедиционные открытия последних лет. СПб., 1996. С. 118, 119, 122.

⁵ См., например: Мирек А.А. Справочник по гармоникам. М., 1968. С. 76; Лондонов П.Л. Самоучитель игры на двухрядной гармонике-хромке. М., 1990.

⁶ Попутно отметим нестрогое использование автором научной терминологии: смысл приведенной цитаты не меняется от перемены местами слов «систематизация» и «классификация».

⁷ При этом, как явствует из Введения, явно преувеличена роль Российского фольклорно-этнографического центра, в котором работает автор, в ущерб многочисленной армии этноорганологов, представляющих Ленинград / Петербург, Москву, Орел, многие другие города России, а также Германию (*Morgenstern U. Volksmusikinstrumente und instrumentale Volksmusik in Russland*. Berlin, 1995) и Японию.

⁸ Земцовский И.И. О системном исследовании фольклорных жанров в свете марксистско-ленинской методологии // Проблемы музыкальной науки. Вып. 1. М., 1972. С. 176.

⁹ А «Коробейники» и т.п. — не традиционные? — Ю.Б.

¹⁰ Народное музыкальное творчество. СПб., 2005. С. 380.

¹¹ См. Бойко Ю.Е. Русские инструментальные кадрильные композиции // Музыка и танец: вопросы взаимодействия. Майкоп, 2004. С. 119.

¹² Гипплис Е.В. Программно-изобразительный комплекс в ритуальной инструментальной музике «медвежьего праздника» у манси // Теоретические проблемы народной инструментальной музыки (Музыкальный инструмент и инструментальная музыка). М., 1974. С. 73.

¹³ Единственная поправка — терминологического характера: антоним «традиционного» — «академическое», а не «профессионально» (с. 63; в традиции есть свой профессионализм); антоним последнего — «любительское».

Ю.Е. БОЙКО, канд. искусствоведения, Российской ин-т истории искусств (Санкт-Петербург)

Сборник по славянской и балканской этнографии

Етнографски проблеми на народната култура.

— Т. 7 / Българска Академия на науките; Етнографски институт с музей; Съст. В. Николова, Отг. ред. Р. Попов. — София, 2005. — 278 с.

Рецензируемое издание подготовлено в рамках проекта «Сравнительные исследования традиционной духовной культуры славян» совместно с сотрудниками отдела болгарской традиционной культуры Института этнографии БАН и отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. Несмотря на широту и разнообразие тематики статей, сборник представляет собой единство целое благодаря общему подходу к народной духовной культуре, к структурному, ареальному и семантическому анализу отдельных ее элементов.

Сборник открывает работа Л.Н. Виноградовой «Типология сюжета подмены ребенка в славянской демонологии», в которой на широком материале поверий и быличек исследован сюжет о кознях мифологических существ (банника, лешего, ведьмы, русалки, вилы, полудницы и др.) в отношении новорожденных, установлены его истоки и география. Выявлены две основные модели в развитии сюжета: западнославянская (совпадающая в основных чертах с южнославянской) и русская, имеющая общие особенности с мотивами финноугорской мифологии, а также некоторые промежуточные типы, представленные в украинской и белорусской традициях.

В работе Т.А. Аганкиной «Заговоры от бессонницы и детского плача (восточно-южнославянские параллели)», также посвященной сравнительному аспекту славянской демонологии, проанализированы четыре семантические модели сюжета заговоров от детской бессонницы, общие для восточно- и южнославянской традиций: договор/обмен с мифологическим существом или природным явлением; изгнание/отлучение недуга от ребенка; уничтожение недуга; «связывание» болезни определенными регламентациями поведения и запретами. Одни мотивы этого сюжета объединяют Восточные Балканы через карпатское посредничество с южной частью восточнославянского ареала, другие (особенно мотив изгнания недуга в пустые места, где нет ничего живого) практически повсеместно распространены у восточных и южных славян, в чем автор видит существенную роль древнеславянской книжности в формировании фольклорных текстов заговоров.

Статья М. Георгиева «Космогония и словарь» основывается на эмпирическом материале (врачевальная ритуальная практика и лечебные заговоры), но ставит перед собой в первую очередь теоретические задачи. Лечение как от-

носительно простой по своей структуре ритуал представляет собой удобный объект для анализа и осмысления его символического содержания. Автор выделяет две разновидности дискурса — креативный (невербальный, связанный с использованием предметов и обряде) и коммуникативный (вербальный, представляемый в мифе) — и определяет структурное соотношение между ними. Он исходит из допущения об изоморфизме структуры мироздания (космогонических мифов) и структуры мифоноэтического словаря символов, или о соответствии невербальных символов их вербальным эквивалентам. Структура такого словаря характеризуется как дихотомическая: значения символов в нем однозначны и оппозиционно упорядочены как «уранические» и «хтонические». Леченис рассматривается автором в плане креативного обрядового дискурса. Суть лечения как ритуала заключается в переходе от состояния амбивалентного хаоса к однозначному космосу. При этом процесс врачевания включает редуктивную и конститтивную фазы: редуцирующему воздействию подвергается болезнь (или демон болезни) с помощью хтонических символов, а конституирующее (восполняющее) действие направлено на больного — этой цели служат уранические символы. В работе содержится много ценных идей, наблюдений и выводов, касающихся, в частности, содержательной структуры символа, дискурсивного различия между смыслом и значением знака (символа), многозначности символа, амбивалентности некоторых ритуальных символов (например, бело-красная *мартенница* как универсальный амулет, сочетающий в себе уранические и хтонические значения — оппозиционные значения цветового кода в одном символе), оксюморонности символов (например, калина как горькая, но красивая функционирует как противоречивый обрядовый символ: хтонический во вкусовом коде и уранический в визуальном), выделения у символа одного значения как доминантного, инверсии доминантного значения в результате подмены кода (например, «благословенные» растения, определяемые в вербальном коде часто как *божьи*, действуют в лечебном ритуале как конституирующие по отношению к человеческому телу, а «проклятые» оказывают редуцирующее воздействие на болезнь, т.е. действуют как хтонические символы, однако нередко это следствие замены христианским мифом хтонических либо уранических дохристианских значений этих растений на противоположные), функционирования хтонических персонажей с ураническими свойствами (белая домовая змея) и уранических персонажей с хтоническими чертами («демонические» святые)

в мифологических представлениях, фольклорных текстах и т.д. Недостаток заключается в несоответствии масштабов теоретических задач, поставленных автором, масштабам обыгнанной статьи. Ориентация на разнообразные лингвистические, культурологические и философские концепции, оперирование структуралистской и постструктураллистской терминологией делает статью излишне перегруженной теоретическими рассуждениями, суть которых часто лишь намечена, но не раскрыта в доходчивой для читателя форме.

Статья А. Воденичаровой «Повитуха — болгарские и восточнославянские черты одного древнего архетипа» представляет собой опыт реконструкции ритуально-мировоззренческого архетипа, воплощенного в образе и функциях повитухи и связанного с обожествлением плодородного женского начала. Социальный, профессиональный и ритуальный статус повитухи как посредницы между миром людей и потусторонним миром, между жизнью и смертью, особый дар, знания и умения, приписываемые ей и наделяемые сакральной символикой, рассматриваются в контексте народно-философских ценностей и представлений о мире и жизненной программе человека в их бытовом и ритуальном воплощении. Раскрыто участие повитухи в процессе рождения человека как обрядового «перехода» и как символического сотворения, показана ее роль как существа, наделяющего плодородием и возобновляющего плодовитость женщины и земли, ее связь с потусторонними силами и влияние на судьбу.

Следующие две работы сборника посвящены свадебной обрядности, в основном болгарской. В первой из них — В. Николовой «Анатомия и мифология (человеческое тело в свадебном обряде)» — показано, как мужское и женское тело как природный, анатомический объект приобретает социальную знаковость, наполняется мифологическим содержанием и превращается в объект культуры. Исследуя телесное поведение жениха и невесты, сопоставляя ритуальные функции ног и обуви, ног и штанов, руки и рукава, руки и нанизываемых на них калачей, лона и подола, поясницы и пояса и т.д., автор предлагает свои (не всегда, впрочем, бесспорные) интерпретации символики руки, стопы, колена, рта, подмышек и других частей тела. Каждая из них, мужская и женская, функционируя в оппозиции друг к другу и одновременно взаимодополняя друг друга, по-своему раскрывает «историю» брачного соединения. В мужском теле свадебный обряд акцентирует выступлые, твердые и гладкие части (кулак, колено, босая и разуваемая нога), в женском — имеющие углубление, мягкие, теплые и влажные (ладонь, лобо, подмышки,

обутая нога). Женское тело в обряде подвержено внешнему воздействию, нагрузке, давлению сверху, часто выступает как объект хватания и напелено на соединение с землей (сажание, приседание невесты, вставание на колени), в то время как мужское выдается над землей и нацелено на проникновение (стояние жениха на одной ноге, резкие удары ногой, кулаком и т.п.).

Статья Е.С. Узенёвой «К вопросу о хлебе в болгарской свадьбе: этнолингвистический аспект» касается терминологии и семантики свадебных хлебов. Автор выстраивает типологию свадебных хлебов по форме (круглый, кольцеобразный, овальный, плетеный, антропоморфный), размеру и другим релевантным признакам (дрожжевой или пресный, сладкий или нет, украшенный или без украшений, печеный или сырой). Прослежен весь ритуальный процесс изготовления хлеба и выявлены два ареальных типа связанной с ним обрядности и терминологии: восточноболгарский — с ритуальным помолом и просеиванием муки, западноболгарский — с ритуальным замешиванием теста. Рассмотрение функций хлебов в обрядовых действиях позволяет прояснить как общую символику свадебного хлеба, так и специфическую, нередко меняющуюся на протяжении обряда символику отдельных хлебных изделий. Хлеб в обряде маркирует ситуацию ритуального «перехода» и отдельные его этапы, символизирует брак и самих новобрачных, а также их потомство. Действия с ним направлены на обеспечение и распределение между новобрачными их новой, общей доли, на достижение семейного благополучия, плодовитости и продолжение рода. Выводы автора подкреплены лексико-семантическим анализом наименований свадебных хлебов, а выявленное на его основе деление болгарской языковой территории на северо-западный, западный, восточный, тракийский и родопский ареалы в целом подтверждается данными ареального анализа всей свадебной терминологии и соответствует существующему диалектному членению.

На пересечении двух сфер традиционной культуры — народной демонологии и похоронно-поминальной обрядности — лежит тема исследования С.М. Толстой «Мотив "рождения после смерти" в верованиях и в ритуале». На богатом и систематизированном полесском материале в широком сопоставительном славянском плане автор рассматривает ряд устойчивых элементов мифологического мотива (причины, цели, способы хождения, категории ходячих покойников и т.д.) и особенности их презентации в отдельных этнических и региональных традициях. Особый интерес представляет анализ трех ключевых антагонистов, связанных с рассматриваемой темой и с культом мертвых вообще: двойственное отноше-

ние к мертвым (почитание их и страх перед ними, их приглашение и отгон), антиномия души и тела (ходят души или тела, святость или демонизм истлеленного тела), двойственность самого понятия хождения (приготовление покойника к «путешествию» и одновременно принятие мер к предотвращению его движения, вставания и хождения). Общая типология и география славянских народных представлений о посмертном хождении должна базироваться, как заключает автор, на трех видах относительно автономных между собой данных: верованиях (о причинах хождения, о типах ходящих и их поведении), ритуале (превентивные действия в похоронном обряде и возможные способы защиты от явления мертвца во сне или наяву) и фольклоре (характерные для каждой отдельной традиции сюжеты о ходячих покойниках).

В статье Р. Попова «Народно-христианский кульп святой Екатерины в славянском и балканском контексте» представлена сложная картина народных поверий, праздников, ритуальных действий и запретов, связанных с этой святой, в сравнительном славянском, балканском и отчасти общеевропейском плане. Автор останавливается на нескольких существенных аспектах народного культа св. Екатерины: она предвещает зиму, помогает девушкам предбрачного возраста в выборе брачного партнера, ведает некоторыми болезнями, обладает огненной природой и является повелительницей мышей. Истоки подобной символики, присущей этому персонажу в народной традиции, объясняются влиянием агиографических данных, календарной приуроченностью праздника св. Екатерины, народной этимологией и некоторыми другими причинами.

Работа В. Вассовой «Кулинарный код и животный жизненный цикл» исследует связь между народным календарем, традицией овцеводства и пищевым рационом балканских народов. Используя понятие «животного жизненного цикла», фиксирующего возрастные стадии жизни домашних животных в культуре (прежде всего в обрядовых действиях и в кулинарии), автор рассматривает, как человек регулирует воспроизводство скота, обеспечивая тем самым оптимальный распорядок животноводческого хозяйственного года, и как на календарно упорядоченный человеком животный жизненный цикл проецируется кулинарный код. Календарные периоды соотносятся с возрастом животного, и в таких же возрастных категориях характеризуются получаемые скотоводами продукты питания — молоко и мясо. Первый календарный период охватывает раннюю весну — от дня Сорока мучеников (*Младенцы*), когда после службы и зимней беременности овец у них начинают рождаться ягната, до Юрьева дня,

когда в жертву св. Георгию приносится первородный ягненок. Это время первого пригляда скота и его пищевого эквивалента в кулинарном коде — свежего мяса, называемого «молодым», а также начало сезона потребления «молодого» молока в пищевом рационе человека. Второй период охватывает время от Петрова дня до Успения Богородицы или до осени, когда объем продуктов скотоводства достигает максимума. В течение лета происходит постепенное изменение химического состава молока и, соответственно, «старение» молочных продуктов. Между Юрьевым днем и Пасхой режут молодых животных, а осенью — старых, консервированное мясо которых пополняет зимние пищевые запасы. Два календарных периода в скотоводческой практике находят отражение в кулинарном коде в виде сезонного потребления «молодого» и «старого» молока и мяса.

Завершает сборник статья О.В. Беловой «Этнографический контекст славянских "библейских" легенд». Автор обращается к некоторым этиологическим сюжетам, отражающим события Священной истории в их фольклорной интерпретации, которые служат мотивировкой различных обрядовых действий, запретов и предписаний в народной культуре, и выделяет два способа «встраивания» народных легенд в обрядовый контекст. Один тип легенд содержит толкование ритуальных действий, относящихся к народной христианской или церковной обрядности: крашения пасхальных яиц, освящения вербовых веток перед Пасхой, использования сена или соломы во время рождественской трапезы, украшения рождественской спли и т.п. Данные тексты апеллируют к каноническим или апокрифическим библейским сюжетам, давая им соответствующую трактовку. Другой тип легенд представляет мотивировку тех или иных обрядовых и бытовых действий или этических предписаний, например жертвоприношения домашней птицы в родильном обряде, обычая печь рождественский хлеб, пасхального обливания, чтения молитвы перед началом работы, почитания хлеба и др. В легендах подобного рода библейский элемент выступает в качестве «авторитетного источника», подтверждающего непоколебимость моральных норм и правил ритуального и бытового поведения. Соблюдение обрядов представляется в них как залог стабильности мира и жизненного уклада человека и содержит предупреждение социуму от вселенской катастрофы.

А.В. ГУРА, доктор филол. наук;
Ин-т славяноведения РАН (Москва)

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ «Славянская этнолингвистика» (НШ-2141.2003.6)

Возвращение сборника несказочной прозы

Русские простонародные легенды и рассказы. Сборник 1861 г. / Изд. подгот. В.С. Кузнецова, О.Н. Лагута, А.М. Лаврентьев. — Новосибирск: Наука, 2005. — 320 с.

Книга замечательна главным образом тем, что содержит образцы несказочной прозы из ставшего библиографической редкостью анонимного сборника 1861 г. и дает возможность ввести фольклорный и лексический материал этих текстов в научную традицию¹. Впрочем, называть «Русские простонародные легенды и рассказы» (далее «Легенды...» — П.П.) лишь переизданием текстов из сборника 1861 г. было бы абсолютно неверно. Прежде всего это тщательное научное исследование, содержащее комплексный лингвоФольклористический анализ жанров несказочной прозы.

В исследовательской части книги объясняется методика анализа текстов, делается попытка выявления языкового портрета предполагаемого рассказчика/собирателя. Книга оснащена подробнейшими комментариями к сюжетам, фольклористическими и лингвистическими приложениями. Фольклористический раздел представлен указателями сюжетов и мотивов легенд, контаминацией сюжетов, имен персонажей, имен собирателей и мест записи текстов сборника А.Н. Афанасьева. Лингвистическая часть содержит описание процедуры компьютерной обработки текстов, ранговые показатели лексем текстов сборника 1861 г., частотный словарь двух сборников, идиолектный словарь рассказчика и материалы к *Словарю языка русской народной легенды*. Кроме того, предисловие, комментарии и приложения к текстам построены таким образом, что книга de facto оказывается коллективной монографией.

Кратко обозначим основные проблемы, которые решаются исследователями: установление аутентичности легенд из анонимного сборника как в сюжетном, так и лингвистическом аспектах; выявление зависимости текстов анонимного сборника от текстов Афанасьева; анализ языковой личности рассказчика анонимного сборника легенд; изучение языка русской народной легенды середины XIX в.

В предисловии к «Легендам...» говорится, что «о фольклорной аутентичности материала убедительно свидетельствуют и анализ предоставленных в нем фольклорных сюжетов, и исследование его языкового материала» (с. 20). В связи с этим лексический состав данного сборника был проанализирован с точки зрения частотности словоупотреблений

всех его единиц, соответствия исследованному ядру фольклорного лексикона и лексике афанасьевских «Русских народных легенд». Для этого использовались прикладные программы на основе технологии XML—TEI. Сначала была осуществлена текстовая и аналитическая разметка материалов сборника: выделены лексемы, стилистические фигуры, тропы, фразеологические единицы, коммуникативные формулы. В результате получился словарь с контекстами каждого словоупотребления. Именно на материале этого словаря и сделано большинство выводов, позволивших подтвердить фольклорную аутентичность материала «Легенд...», и, кроме того, указать идиолектный портрет рассказчика/собирателя.

Что касается вопроса о соответствии языка сборника языку легенд Афанасьева (публикаторы сравнивали их по 11 инвариантным сюжетам, отмеченным в обоих сборниках), то «подсчеты позволили установить близкое частичное распределение лексического материала» (с. 33 и приложение 3)². Также проанализирован словарь анонимного рассказчика, в котором 85% лексем совпадают с афанасьевским сборником, а оставшиеся 15% относятся к социолектным и идиолектным чертам и таким образом позволяют обрисовать как интенции рассказчика, так и его «речевой портрет» (с. 37). Прежде всего, анонимный собиратель очень осторожно использовал слова религиозно-тематической общности, присутствующие в текстах сборника Афанасьева (*Бог, Господь, Христос, Ангел пр.*). Теонимы и агионимы *Иисус, Спаситель, Николай Угодник* и пр. подверглись в «Легендах...» «изофункциональной мсне»: вместо имен святых употребляются номинации *старичок, мудрец, человек, а личность святого описывается иносказательно*. Данная мсна может принадлежать как рассказчику, так и цензору, наличие которого не отрицается исследователями (с. 242). Заметим в связи с этим, что рассказчик и цензор могут быть одним лицом — анонимным собирателем. Тогда выявление речевого портрета рассказчика произведено методологически верно. Однако, если 15% словоформ, отличных от афанасьевского собрания текстов, принадлежит разным лицам — рассказчику и цензору, то в этом случае говорить о идиолектном словаре одного рассказчика не совсем корректно.

Если обратиться к специфике языка «Легенд...», то интерес вызывает наблюдение ученых о приоритете глаголов в жанре легенды в отличие от «глагольной температуры» лирической песни или былины (приложение 3). В

легенде глаголы описывают прежде всего человеческие движения и формы диалога. Причем статус передвижений положительного персонажа легенды можно характеризовать как «неспешный, неторопливый». В текстах легенд, как показывают исследователи, *бегут, спешат, торопятся*, как правило, отрицательные персонажи (*разбойник, гордый пан*) и *нечистая сила*. Положительный персонаж легенд никогда не передвигается быстрым.

Отметим, однако, положения, требующие уточнения. Часто исследователи акцентируют внимание на дефиниции «язык легенд», отдавая приоритет легендам в круге жанров несказочной прозы: «...регулярные лексические параллели в текстах с инвариантными сюжетами из анонимного и афанасьевского сборников позволяют сделать системные выводы относительно субстантивной части *тезауруса легенд* вообще» (с. 33). Однако в корпус инвариантных сюжетов обоих сборников входят тексты быличек, поверья. Таким образом, следует считать, что авторы скорее ориентируются на широкое использование термина *легенда*, распространенное в зарубежной фольклористике³. Следовательно, необходимо либо эксплицировать тот факт, что лексика в сборниках относится не только к легендам, но и к суевериям, поверьям, быличкам, либо признать более широкий статус термина *легенда*, в частности оговорить, что она представляет собой социально адаптированный жанр, проектирующий пластины религиозных сюжетов и представлений из области актуальных верований. В связи с этим необходимо уточнить границы словаря языка легенд — приложения 5 «Русские народные легенды в изданиях XIX в. Как источник лингвистических данных и объект изучения языка легенды. Словарь языка русской народной легенды» (с. 256–317).

Исходя из материалов, представленных в словаре, можно сделать вывод, что лексическое поле для большинства жанров несказочной прозы (а не только для легенды) довольно однородно. Поэтому исследователям необходимо быть более осторожными при выделении словаря какого-либо одного жанра.

Удачным можно признать метод подачи материала в фольклористических примечаниях: в них высказывается информация о сюжете легенды, ее варианты и их анализ. Это дает возможность наглядно и последовательно увидеть уникальность конкретного сюжета, а также на многочисленных примерах проследить жанровую реализацию того или иного сюжета. Кроме того, сюже-

ты легендарных текстов соотнесены с СУС⁴, указателями мифологических рассказов В.П. Зиновьева и Э.В. Померанцевой⁵ (с. 167–174).

Наличие в исследовательской части книги указанных терминологических неточностей нисколько не умаляет значения первого подлинно научного издания анонимных легенд XIX в. «Легенды...» представляют собой образец персиздания малого корpusа текстов с аналитическими комментариями и, несомненно, будут востребованы в ходе всех последующих разысканий в области несказочной фольклорной прозы.

Примечания

¹ В сборник входит несколько довольно редких сюжетов легенд, не включенных в собрание текстов А.Н. Афанасьева «Народные русские легенды»: № 3 «Благочестивая жена» (сюжет 840В* «Судьба на том свете»), № 5 «Что Бог назначит, то и будет» (сюжет 934А «Смерть в колодце»), № 10 «Старичок-предсказатель» (сюжет 931 «Кровосмеситель (Андрей Критский)»), № 4/18 «Два мудреца» (сюжет 750В**** «Чудесные странники»).

² Кроме того, авторы указывают на относительное равенство числа слов в одном тексте отдельно взятого сборника: это примерно 550 лексических единиц.

³ Например, интересно следующее определение легенды: «...это <...> большая категория традиционных прозаических нарративов, к которой относятся истории, представляемые рассказчиками как правдивые, хотя и отчасти основанные на традиционных мотивах и концептах <...> легенды имеют в большей части "святской" характер и относятся к менее отдаленному прошлому <...> легенда часто рассказывается, чтобы поддержать бытование некоторых поверий в современном фольклоре» (*Brunvand J.H. The Choking Doberman: And Other «New» Urban Legends / Ed. J.H. Brunvand, 1986. C. 158*). Также см.: *Ellis B. When is Legend? An Essay in Legend Morphology // Perspectives on Contemporary Legend. Vol. 4: The Questing Beast / G. Bennet, P. Smith. Sheffield. 1989; Smith P. Contemporary Legend: A Legendary Genre? // Ibid. P. 91–101.*

⁴ Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л., 1979.

⁵ Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск, 1987. С. 205–250; *Айвазян С.Г. Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах // Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. С. 162–182.*

Н.В. ПЕТРОВ;
Российский гос. гуманитарный ун-т
(Москва)

Новая литература по фольклору и этнографии

Исследования и материалы

Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; Отв. ред. В.А. Попов. — СПб.: МАЭ РАН, 2006. — Вып. 10. — 320 с.: ил.

Андреева Т.Б. Традиции сельского пивоварения на Русском Севере в XIX — начале XXI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. — М., 2006. — 13 с.

Брилёва И.С. Концепт греха в структуре фольклорного произведения (на материале малых жанров и несказочной прозы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. — М., 2007. — 24 с.

Дагданова Ж.Н. Бурятское народное декоративно-прикладное искусство в XIX — начале XXI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. — М., 2007. — 33 с.

Иванова Ю.В. Албанцы и их соседи / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. — М.: Наука, 2006. — 367 с.

Культура Чечни: история и современные проблемы / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; [Отв. ред. Х.Б. Туркаев]. — 2-е изд., перераб., доп. — М.: Наука, 2006. — 531 с.

Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; Отв. ред. В.А. Прищепова. — СПб.: Наука, 2006. — 342 с.: ил. — (Сб. МАЭ; Т. 52).

Луговой К.В. Ритуал в народном эпосе народов Северного Кавказа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. — М., 2006. — 18 с.

Маклаевские чтения, 2002–2006 / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; Отв. ред. Е.В. Ревуненкова. — СПб.: МАЭ РАН, 2006. — 312 с.: ил. — (Историко-культурные связи народов Тихоокеанского бассейна).

Мировоззрение и культура северорусского населения / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; [Отв. ред. И.В. Власова]. — М.: Наука, 2006. — 388 с.

Миссонова Л.И. Уильята Сахалина: большие проблемы малочисленного народа / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; [Отв. ред. С.А. Арутюнов]. — М.: Наука, 2006. — 295 с.: ил., карты.

Практика постсоветских адаптаций народов Сибири / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал Института археологии и этнографии Сибирь. отл-ния РАН; Отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов. — М.: Наука, 2006. — 678 с. — (Народы и культуры).

Отв. ред. Д. Функ, Х. Бич, Л. Сильвианяя. — М.: ИЭЛ РАН, 2006. — 230 с.

Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. — М.: Наука, 2006. — Вып. 31 / [Отв. ред. С.А. Арутюнов, З.Б. Цаглагова]. — 310 с. — [Об этноконфессиональной и традиционной культуре народов Кавказа].

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева: [В 5 кн.] / Мин-во культуры и массов. коммуникаций РФ; Федеральн. агентство по культуре и кинематографии; Российск. этнограф. музей. — Т. 1—4. — СПб.: Би., 2004—2006.

Т. 1: Костромская и Тверская губернии. — 2004. — 567 с.: ил.; Т. 2; Ч. 1: Ярославская губерния. Ионохонский уезд. — 2006. — 607 с.: ил.;

Т. 2; Ч. 2: Ярославская губерния. Даниловский, Любимский, Романо-Борисоглебский, Ростовский и Ярославский уезды. — 2006. — 551 с.: ил.; Т. 3: Калужская губерния. — 2005. — 647 с.: ил.; Т. 4: Новгородская губерния. — 2006. — 411 с.: ил.

Сбережение народа: традиционная народная культура: Материалы науч.-практ. конф. 8—9 июня 2007 г. — Краснодар: ООО РИЦ «Мир Кубани», 2007. — 224 с.

Седакова И.А. Лингвокультурные основы родного текста болгар: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ин-т славяноведения РАН. — М., 2007. — 52 с.

Скацидакисские чтения 2004 года: Этнограф. и культ.-ист. аспекты / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; Сост. Т.А. Шрадер, И.Б. Губалов; Отв. ред. В.Е. Возгрин, Т.А. Шрадер. — СПб.: МАЭ РАН, 2006. — 520 с.: ил.

Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ред. Н.А. Дубова, В.И. Козлов, А.Н. Ямков. — М.: ИЭА РАН, 2006. — 250 с.

Среднеазиатский этнографический сборник / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. — М.: Наука, 2006. — Вып. 5: [К 100-летию со дня рождения О.А. Сухаревой] / [Отв. ред. С.Н. Абашин, В.И. Бушков]. — 286 с.

Сухарева О.А. Сузани: среднеазиатская декоративная вышивка / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. — М.: Вост. лит., 2006. — 159 с.: ил. — (Культура народов Востока).

Тюркские народы Сибири / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал Института археологии и этнографии Сибирь. отл-ния РАН; Отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов. — М.: Наука, 2006. — 678 с. — (Народы и культуры).

Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: Материалы Всерос. науч. конф., Москва, 19–20 апреля 2005 года / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Комплексный НИИ РАН, г. Грозный; [Отв. ред. Х.И. Ибрагимов, В.А. Тишков]. — М.: Наука, 2006. — 575 с.

Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1963–1980 годы / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. — М.: ИЭА РАН, 2006. — 379 с.

Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1981–1984 годы / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. — М.: ИЭА РАН, 2006. — 319 с.

Этностатистические траектории Южного Урала. Динамика расселения народов Башкирии: Сб. ст. / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Отв. ред. А.Д. Коростелев. — М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2006. — 229 с.

Учебные пособия, справочники, альбомы

Адыгская (Черкесская) энциклопедия / Под ред. М.А. Кумахова — М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. — 1248 с.

Бузин В.С. Этнография русских: Учеб. пособие. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. — 421 с.

Два века русского детства: Портреты. Бытовые сцены. Костюм. Мебель. Рисунки. Учебные тетради. Письма. Книги. Игрушки. XVIII — начало XX в.: [Альбом] / Гос. Третьяков. галерея; Гос. Ист. музей; Гос. НИИ реставрации. — М.: Индрик, 2006. — 296 с.: ил.

На грани миров. Шаманизм народов Сибири: Альбом из собрания Российск. этнограф. музея / Ред.-сост. В.В. Горбачева, Т.Ю. Сем, К.Ю. Соловьева — М.: Художник и книга, 2006. — 296 с.: ил.

Поляничкина Г.А. Этнография: Учеб. пособие для студентов вузов. — Ростов н/Д: Феникс, 2007. — 158, [2] с. — (Высшее образование).

Русский традиционный костюм: Иллюстр. энциклопед. / [Н. Соснина, И. Шангина]. — СПб.: Искусство—СПб, 2006. — 400 с.: ил.

Русское устное народное творчество: Ареаломатия-практикум: [Учеб. пособие] / [И.Н. Райкова, С.Н. Травников, Л.А. Ольшевская, Е.Г. Июльская; Под общ. ред. С.А. Джанумова]. — М.: Изд. центр «Академия», 2007. — 400 с. — (Высш. проф. образование).

Материал подготовила
О.В. ТРЕФИЛОВА;
Гос. республиканский центр
русского фольклора
(Москва)

Чтения памяти **В.Н. Топорова**

19 декабря 2006 г. в Москве в «Доме Юргиса Балтрушайтиса» прошли чтения памяти Владимира Николаевича Топорова (5.07.1928—5.12.2005). Чтения были организованы Комиссией по творческому наследию академика В.Н. Топорова совместно с научным советом РАН «История мировой культуры» и посольством Литовской Республики в Российской Федерации. Тематика представленных сообщений, во многом отражая научные интересы В.Н. Топорова, была очень широка. Современный русский язык и индоевропейская грамматика, этимология и петербургский текст, мифология и судьба научного наследия Топорова — эти и другие темы были затронуты в докладах участников. Конечно, не могли не прозвучать выступления, посвященные изучению фольклора, прежде всего славянского и литовского.

Доклад **Т.В. Топоровой** (Москва) «Об образе дуба в русских былинах и реконструкции формулы сырой дуб и мать сырьи земля» подробно рассмотрен образ дуба в русских былинах. По мнению исследовательницы, семантика дуба в былинах неоднозначна. Так, дуб может выступать как центр мира или как граница между миром хаоса и обычным пространством. Для Соловья-разбойника дуб является аналогом дома (например, спускаться с дуба, сидеть на дубе/дубах). Дуб в различных случаях выступает как субъект или объект действия, может являться локусом или инструментом (былинный герой может махать дубом). Наконец, проанализировав случаи употребления сочетания дуб сырой, докладчица пришла к выводу о существовании соответствующей формулы, являющейся мужской парой к более привычной формуле мать сырьи земля, противопоставленной ей по признакам мужской—женский и вертикальный—горизонтальный.

К образу матери-земли обратилась **Н. Лауринкене** (Вильнюс, Литва). В ее докладе «Земля-мать в литовской народной традиции» подробно рассмотрена роль земли-матери в литовском языке и фольклоре. Земля (Жемина) — одно из наиболее ярких женских божеств в литовском пантеоне. В народной традиции земле приписываются такие характеристики, как темная, черная, серая, сырья. Как и в других индоевропейских аграрных традициях, земле приписывается не только плодородие, но и связь с хтоническим миром: земля — мать не только для всех живущих, но и для умерших. По мнению исследовательницы, сложный комплекс представлений, связанный

с матерью-землей, был актуален для литовских крестьян даже и во второй половине XX в.

Г.А. Левинтон (Санкт-Петербург) в своем докладе «К биографии Сидора Карповича» обратился к работам В.Н. Топорова, в которых рассматривается семантика этого имени, и к проанализированному в этих работах материалу. Поводом для такого исследования послужило нахождение старообрядческой жалобы XVII в., содержащей угрозу группового самосожжения и подписанной именем *Сидорки Карпова*. Г.А. Левинтон пришел к выводу, что, поскольку имя *Сидор Карпович* и производные от него имена (например, *Сидор Поликарпович*) могли служить для обозначения как человека вообще, так и для «идеального покойника», проводника в мире мертвых, подобная подпись не только служит для скрытия имени писавшего, но и отсылает к народной традиции.

С.М. Толстая (Москва) в докладе «Об одной числовой модели в фольклорных текстах» рассмотрела символические истолкования чисел в фольклорных текстах славянских народов в различных жанрах — приговорах, считалках, быличках. Так, в южнославянской традиции существует ряд быличек и легенд, в которых ребенок (новорожденный младенец, по неосторожности обещанный черту, «маленький хлопчик» и т.п.) спасается от нечистой силы, давая символические истолкования числового ряда от одного до двенадцати (один — един Бог и т.п.). В восточнославянских (украинских и белорусских) быличках количество звеньев уменьшается до 9-10, а иногда и 3-4, при этом сами истолкования часто приобретают житейский (*втроем хорошо в дорогу ехать*) характер. На Урале не так давно были зафиксированы приговорки для обучения маленьких детей счету, в которых смешиваются религиозные и бытовые мотивы (*один Бог на небе, четыре колеса в телеге и т.п.*) С.М. Толстая полагает, что основной функцией таких приговорок и считалок является обучение детей счету и передача им самых необходимых знаний. При всем многообразии текстов и истолкований, по мнению докладчицы, общим для всех рассмотренных произведений является потребность в семантизации числа, при этом подобное перечисление часто обладает магической, защитной функцией.

В заключительных выступлениях организаторов была выражена надежда, что чтения, посвященные памяти В.Н. Топорова, будут проводиться ежегодно, а их тематика расширится.

А.В. РАФАЕВА,
(Москва)

XIV Лотмановские чтения

В рамках XIV Лотмановских чтений «Поэтика мифа сегодня», прошедших в Российском государственном гуманитарном университете 20–22 декабря 2006 г., прозвучал ряд докладов, посвященных различным аспектам изучения мифа и непосредственно касающихся фольклорных традиций.

В докладе Ю.Е. Березкина (Санкт-Петербург) «Мифология как наука: краткий обзор исследовательских позиций» были изложены современные представления о возникновении и распространении мифа. Докладчик рассмотрел мировую мифологию как совокупность сюжетов, каждый из которых имеет ареальное распространение. Последнее в совокупности с данными археологии и популяционной генетики позволяет датировать возникновение некоторых сюжетов и реконструировать историю их распространения по земному шару. В свете результатов этих исследований докладчик рассматривает популярные теории о возникновении и эволюции мифа. Любая эволюционистская теория мифа, постулирующая универсальные стадии развития мифологии и связывающая эти стадии с каким-то отдельным мифом или мифологическим образом, становится опровергаемой (например, фрейдизм или концепция Мирового древа). Признав право на существование за функционалистским подходом к изучению мифа, докладчик обосновал его принципиальную неспособность объяснить семантику мифа, поскольку любой сюжет сакрального повествования в одной традиции всегда может оказаться сюжетом профанного в другой.

Доклад С.А. Боринской (Москва) «Пересекая границы: североевразийский космогонический миф, языки и генетические линии» был посвящен ареальному распространению одного мифологического сюжета. Это миф о ныряльщике, сотворившем мир из земли, поднятой со дна Мирового океана. Группа ученых, исследовавшая распространение мифа о ныряльщике, воспользовалась периодизацией эволюции этого мифа, которую предложил финно-угровед В.В. Напольских. Самой древней разновидностью этого мифологического сюжета была признана версия, согласно которой в сотворении земли участвуют две соревнующиеся водоплавающие птицы. Данные об

ареальном распространении этого варианта были сопоставлены сначала с расселением народов, принадлежащих к трем языковым семьям (индоевропейской, алтайской и уральской), а затем — с распространением одной из мутаций Y-хромосомы № 3 в Северной Евразии. Первое сопоставление показало, что мифы о ныряющей птице одинаково часто встречаются в фольклоре народов, относящихся ко всем трем языковым семьям. Зато сопоставление ареала распространения Y-хромосомы № 3 с ареалом распространения мифа о ныряющей птице дало положительную корреляцию. На основании этой корреляции исследователи делают предположение, что эта версия мифа распространилась по территории Евразии вместе с носителями данной генетической мутации.

Доклад А.С. Архиповой и А.В. Козьмина (Москва) «Как умирает миф и рождается небылица: новый процесс в Старом Свете» представлял собой сопоставление ареального распространения сказочных сюжетов, включающих в качестве повествовательного элемента рассказывание небылиц. В одном случае речь идет о сказках, в которых герой должен рассказать небылицу, чтобы получить руку царевны, в другом небылица рассказывается лесному демону, чтобы получить от него огонь. Докладчики установили, что сюжеты со сватовством и сюжеты с получением огня относительно редко встречаются в одних и тех же традициях. С другой стороны, сюжет с получением огня имеет тенденцию появляться там, где есть мифологический мотив «Пощедший искать огонь находит его у демона. Демон убивает или преследует человека». Исходя из этого, докладчики сделали вывод, что сюжет с получением огня за небылицу есть определенного рода реплика «серъезного» мотива «огонь демона», тогда как сюжет со сватовством чисто сказочный, не связанный с мифологией.

В докладе А.И. Давлетшина и Д.А. Беляева (Москва) «Мифы о творении людей: типологический подход и его значение для анализа эпиграфического материала (майя классического периода)» изображения на сосудах индейцев майя 250–1000 гг. н.э. интерпретировались при помощи типологии мифологических сюжетов о сотворении человека, предложенной Е.М. Мелетинским. Исходя из особенностей мифологии индейцев Центральной Америки (идея множественности мировых эпох, в начале каждой из которых создавалось

новое человечество) и содержания надписей на сосудах, докладчики пришли к выводам, что изображения можно истолковывать как три независимых сюжета о сотворении людей. Первый — создание людей из глины Богомтворцом, под чьим руководством Бог-Писец (Обезьяна) и Бог-Счетовод лепят и расписывают человеческие головы. Согласно второму сюжету, люди были изготовлены из дерева. В третьем сюжете люди — это дети братьев-близнецов и жены хозяина гор и лесных животных, которую близнецы похищают, воспользовавшись недомоганием ее мужа.

В докладе «Мифологическое в жизни современной северорусской деревни», основывавшемся на материалах, собранных в 2003–2006 гг. экспедицией Российской-французского центра исторической антропологии им. Марка Блока РГГУ в Республике Карелия и Вологодской области, Т.С. Ильина и А.Л. Топорков (Москва) сделали попытку охарактеризовать современное состояние русской мифологической традиции. Исследователи приходят к выводу, что сфера жизни, которая регулировалась поверьями и магией, значительно сузилась; кроме того, фольклор через средства массовой информации испытывает влияние городской культуры. Мифологическое начало в настоящее время вытеснено из сферы социальной и мировоззренческой, но закрепилось в сфере внутрисемейной, объясняющей семейные конфликты и обеспечивающей коммуникацию между живыми и умершими.

Доклад М.А. Гистер (Москва) «Табу vs. предписание в фольклорных и литературных сказках о красавице и звере» был посвящен сюжету о необыкновенном супруге в литературной сказке и мировом фольклоре и его трансформациям. Один из главных компонентов этого сюжета — некое табу, нарушение которого приводит к пропаже чудесного супруга или чудесной супруги. Фольклорный и литературный сюжеты о красавице и звере эволюционируют по принципу замены табу предписанием, выполнение которого должно привести к окончательному превращению чудовища в человека. В качестве одного из примеров такой трансформации докладчица описала судьбу литературной сказки С.Т. Аксакова «Аленький цветочек» в устной традиции XX в.

В.С. КОСТЬРКО
(Москва)

«Российская славистическая фольклористика: пути развития и исследовательские перспективы»

Под таким названием 9–10 ноября 2006 г. в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова прошла международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора Н.И. Кравцова (1906–1980) — видного ученого-слависта, фольклориста и литературоведа, с 1964 по 1980 г. — заведующего кафедрой русского устного народного творчества филологического факультета МГУ. Конференция была организована кафедрами русского устного народного творчества и славянской филологии филологического факультета МГУ; ее участниками стали ученые из России, Украины, Белоруссии, Болгарии, Азербайджана. Конференция проводилась при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 06–04–14080г).

Пленарное заседание открыло заместитель декана филологического факультета, заведующий кафедрой славянской филологии В.П. Гудков, который произнес приветственное слово от имени деканата. Ученница Н.И. Кравцова А.В. Кулагина зачитала поздравительный адрес от болгарских ученых-славистов, учеников и последователей Н.И. Кравцова, сотрудников Института литературы, Института фольклора и Института этнографии Болгарской академии наук.

На пленарном заседании прозвучали доклады, посвященные как научной деятельности самого Н.И. Кравцова, так и теоретическим вопросам, которыми занимался ученый: изучению русского и сербского эпоса, исследованиям в области славянского фольклора в целом.

В.П. Аникин (Москва) в докладе «Научные традиции кафедры фольклора МГУ и взгляды Н.И. Кравцова» отметил, что Кравцов как издатель антологии «Сербский эпос» предложил свое решение вопроса о специфике эпического фольклора, выдвинув на первое место принцип художественности; при этом докладчик указал на несомненную пользу сегодняшнего обращения к научным методам изучения фольклора как художественного творчества. В докладе «Н.И. Кравцов и историческая школа исследователей русского эпоса» С.Н. Азбелев (Санкт-Петербург) отметил, что Н.И. Кравцов развил на материале сербского эпоса положения, выдвинутые в свое время исторической школой примени-

тельно к русскому эпосу. В.М. Гашак (Москва) в докладе «Сербский эпос» Н.И. Кравцова проанализировал сборник «Сербский эпос», изданный Н.И. Кравцовым в 1933 г.: в таком качестве и на таком научном уровне славянский эпос ни до, ни после Кравцова не издавался.

Личность Кравцова по-новому была представлена в докладе Н.Т. Пахсаряна (Москва) «Н.И. Кравцов — переводчик и комментатор Скаррона», в котором была освещена деятельность ученого в качестве редактора иностранной литературы в Гослитиздате и издательстве «Academia». Анализировалось издание 1934 г. — «Комический роман» французского писателя XVII в. Поля Скаррона, сопровождавшееся статьей, обширным комментарием и библиографией. В докладе был отмечен высокий уровень перевода, выражено пожелание его переиздать.

Обзору основных направлений научной мысли украинской фольклористики посвятила свой доклад «Современное состояние славянской фольклористики в Украине» ученица Н.И. Кравцова Л.К. Вахнина (Киев, Украина). Она говорила о том, что Н.И. Кравцов является родоначальником украинской славистической фольклористики, его научное наследие имеет большое значение для современных исследователей, в ближайших планах которых переводы на украинский язык ряда трудов Н.И. Кравцова, в первую очередь учебника «Славянский фольклор». Докладчица отметила современную тенденцию перехода от узко филологических работ к более широкому культурно-историческому взгляду, с выходом на европейские компаративные изыскания.

Доклад Т.В. Зуевой (Москва) «Б.П. Кирдан как исследователь славянского фольклора» стал продолжением темы украинской фольклористики. Б.П. Кирдан создал первую фундаментальную историю народных дум, посвятив этому четыре монографии и антологию. Впервые в истории фольклористики были проанализированы все доступные тексты с вариантами с привлечением в качестве сравнительного материала летописей, произведений русского, белорусского, польского фольклора. Исследовательские интересы Б.П. Кирдана связывали его с Н.И. Кравцовым, который был научным редактором одной из монографий Кирдана.

Работую часть конференции составили несколько секций: «Поэтика и язык фольклора», «Историография фольклора», «Литературоведение», «Фольклор и литература», «Фольклор и современность: городской фольклор и полевые исследования».

В работе секции «литературоведение» приняли участие преподаватели

и ученые МГУ (кафедры славянской филологии, истории зарубежной литературы, теории литературы, истории русской литературы XIX в.), Института славяноведения РАН, Бакинского университета (Азербайджан).

Объединенное заседание секций «Поэтика и язык фольклора» и «Историография фольклора» открыл доклад Г.И. Морозова (Москва) «Малоизвестные факты из жизни Н.И. Кравцова». Докладчик поделился своими воспоминаниями о Кравцове начиная с 1940 г. В докладе широко цитировались интересные документы из личного архива Н.И. Кравцова, например рукописное заявление Ю.М. Соколова в Секцию научных работников при Горкоме Писателей от 13/XI 1933 г., личная переписка, воспоминания учеников и коллег ученого. Тему продолжила В.А. Бахтина (Москва) с докладом «Учитель и ученик (Ю.М. Соколов и Н.И. Кравцов)», в котором рассказала об ученических годах Кравцова, привела интересные свидетельства и документы того времени, говорила о переписке с Ю.М. Соколовым, оказавшей решающее воздействие на формирование Н.И. Кравцова как ученого.

В докладе «Проблемы теории фольклора в трудах Н.И. Кравцова и П. Динскова и современные тенденции» А.В. Кулагина (Москва) предложила рассмотреть две дискуссионные проблемы современной фольклористики: предмет и границы и жанровое пространство фольклора. Обе эти проблемы неоднократно становились предметом обсуждения и в работах ученых-энциклопедистов П. Динскова и Н.И. Кравцова, которые признавали необходимость комплексного анализа фольклорных произведений. Говоря о современных тенденциях в решении указанных проблем, А.В. Кулагина обратилась к опыту Первого Всероссийского конгресса фольклористов, прошедшего в феврале 2006 г. в Москве, приведя диаметрально противоположные суждения участников конгресса. В таком же сравнительно-историческом аспекте был представлен в докладе жанровый вопрос в фольклористике.

Проблемам текстологии фольклорных произведений был посвящен доклад А.Л. Налепина (Москва) «Текстология переводов и первых фиксаций памятников русского фольклора: исследовательские перспективы». Докладчик подробно остановился на проблеме текстологии изданий и переводов русского фольклора на иностранные языки, отметив, что чрезвычайно важным и перспективным в комплексной текстологии фольклора является исследование материалов, хранящихся в западных архивах (например, записи английских путешественников и общественных деятелей XVII в.).

А.Л. Топорков (Москва) в докладе «Мифологическая школа и современность» проанализировал динамику оценки наследия мифологической школы в трудах учёных второй половины XIX — XX вв. и современной фольклористике, определив интерес к постулатам этой школы как «пульсирующий». Докладчик дал высокую оценку разработкам мифологической школы, которые не потеряли своей привлекательности и актуальности до сего дня, но предостерег современных исследователей от безоглядного, «потребительского» использования формулировок и выводов классической мифологической школы.

С.П. Сорокина (Москва) в докладе «Сюжет "Анника-воин и Смерть" в русском, украинском и белорусском вариантах драмы "Царь Максимилиян"» рассмотрела реализацию христианского литературного сюжета «Пренятия Живота со Смертью» в текстах народной драмы, отметив, что при проникновении сюжета в традиционный фольклор принципиально меняется эмоциональная направленность первоисточника: в фольклорных текстах отсутствует мрачная экспрессия, а пафос осуждения грешника сменяется готовностью к смерти как к обыденному концу жизни, что характерно для солдатской среды бытования фольклорных произведений с рассмотренным сюжетом.

В.Г. Смолицкий (Москва) свой доклад «Темное место в "Слове о полку Игореве"» посвятил прояснению одного из спорных мест знаменитого памятника древнерусской литературы. Говоря о неточном переводе одной из строк «Слова», В.Г. Смолицкий отметил, что ошибка переводчиков связана с неправильным толкованием слова *победный*, истинный смысл которого можно понять, лишь обратившись к русским говорам, в которых это слово значит 'бедный, несчастный, горемычный'. Таким образом, внимательное изучение диалектов и говоров является, по мысли докладчика, неоцененным источником достоверной информации по истории и древней литературе.

Структурному анализу волшебной сказки на славянском материале был посвящен доклад **И.Ф. Амрян** (Тольятти) «Прием тавтологической редупликации и его реализация в структуре славянской волшебной сказки». Говоря о традиционных двухчастных структурах, исследовательница ввела понятие «тавтологической редупликации», обозначив им один из типов повторов в славянской сказке, суть которого «заключается в том, что повторно воспроизнодится сюжетная схема или мотив, а расподобление происходит во временному плане». В докладе анализировались две разновидности «тавтологической редупликации»: предсказание — реализация и событие — рассказ о нем.

Мотив переодевания на материале славянского эпоса был проанализирован в докладе **В.Е. Добровольской** (Москва) «Мотив "сокрытия пола" в славянской эпической традиции». Дав обширный обзор мотивов «переодевания», характерных для эпических жанров, докладчица рассмотрела различные реализации мотива «женщина в мужской одежде» у разных славянских народов, установив связь со сказками, апокрифами и житийной литературой. Генетические корни этого мотива В.Е. Добровольская усматривает в обрядовой travestии.

Л.А. Морозова (Москва) посвятила свой доклад «Концепт "природа" в русской паремиологии» концептуальному решению проблемы психологического восприятия человеком явлений природы и его отражения в фольклоре. В паремиях философское осмысливание явлений природы предстает в конкретном проявлении, обозначенном докладчицей как «паремическая концептуализация». Для структурирования материала Л.А. Морозова предложила использовать таксономический метод построения полей.

Тему изучения жанра паремий продолжил доклад **Г.И. Морозова** (Москва) «К теории образования, функционирования и развития современных русских пословиц», основу которого составили наблюдения над использованием пословиц в публицистике последних лет. Докладчик проанализировал динамику развития жанра, выявив закономерности употребления пословиц в устной и письменной речи и охарактеризовав основные способы их формирования, в том числе в современном обществе — в бытовом контексте и профессиональной деятельности.

К жанру лирической песни обратилась в своем докладе «Проблема поэтики лирической песни в трудах Н.И. Кравцова» **Т.Б. Дианова** (Москва). В работах Н.И. Кравцова, по словам Диановой, получила обобщение предшествовавшая работа по созданию нормативной поэтики лирической песни, в результате была предложена методология имманентного анализа целостного художественного произведения, были заложены практически все тенденции дальнейшего изучения лирической песни: теория формул, лингвофольклористика и др.

Доклад **М.С. Симаковой** (Москва) «Частушки в игровом общении молодежи: жанровое своеобразие и творческое обращение к фольклорному наследию» представил трактовку жанра частушки как коммуникативного средства, способного отразить любые ситуации деревенского быта. Докладчица рассмотрела игровое общение молодежи в традиционном культурном контексте, провела сравнительный анализ основных мотивов частушки, лирической песни и свадебного фольклора. Э.И. Гут-

кина (Москва) в докладе «Частушка как модель лирического стихотворения» установила связь между частушками и литературной лирикой, основываясь на философской эстетике М.М. Бахтина, исследованиях по поэтике лирического стихотворения Р. Ингартена, Ю.М. Лотмана, И.Б. Роднянской, Э.К. Розенова, Ю.Н. Тынянова.

Народная драма стала объектом доклада **С.С. Зининой** (Москва) «Образ Венеры/Богини в русском фольклорном и любительском театре». Докладчица проанализировала реализации образа «Венеры/Богини» в народной драме «Царь Максимилиян», выделив несколько основных «семей»: дерзкая богиня, воительница, иноземка/иноверка, невеста/жена, девица/любовница. Источниками столь противоречивого образа, по мнению С.С. Зининой, послужили календарные обряды, мифологические рассказы, исторические песни, былины, городской роман, лубочные картинки.

Работу секции «Фольклор и литература» открыл доклад **В.А. Смирнова** (Иваново), ученика Н.И. Кравцова, «Проблема фольклоризма в романе И.С. Тургенева "Отицы и дети" (новые возможности прочтения)». В.А. Смирнов предложил решить проблему мифологичности образов героев романа И.С. Тургенева с помощью семантики имени и цвета, а также привлекая в качестве сравнительного материала обрядовый фольклор, народную сказку, былину о Василии Буслаеве.

Л.В. Фадеева (Москва) в докладе «Сказочные ресминиcенции в комедии А.Н. Островского "Правда — хорошо, а счастье — лучше"» рассказала о роли фольклора в творчестве А.Н. Островского, который не раз использовал в своих произведениях народные песенные жанры и паремии, сказочные сюжеты и образы. При этом драматург не просто заимствует, а «избирает путь свободной импровизации на основе общеизвестных фольклорных мотивов». Тему продолжила **О.Б. Балашова** (Москва) докладом «Свадебный обряд в контексте исторического романа А.Н. Толстого "Петр I"», проведя сравнительный анализ драматургии традиционного свадебного обряда и изображения свадьбы в романе.

Тема фольклора в авторском творчестве прозвучала также в докладе **Д.В. Поля** (Москва) «Народный герой в эпике М.А. Шолохова: архетипическое и историческое», рассмотревшего образ Григория Мелехова как эпический, генетически восходящий к былинным богатырям, в первую очередь Микуле Селяниновичу.

В секции «Фольклор и современность: городской фольклор и полевые исследования» были представлены доклады, посвященные актуальным проблемам полевой фольклористики,

изучению современного состояния традиционных жанров фольклора: сказки, несказочной прозы, анекдота.

В докладе Б.Г. Ахметшина (Уфа) «История и перспективы изучения несказочной прозы» были затронуты вопросы жанровых границ и классификации народной несказочной прозы. В.П. Федорова (Курган) в докладе «Рукописный сборник старообрядца Амвросия Польинских (круг чтения крестьян-старообрядцев Курганской области)» проанализировала характер рукописного старообрядческого сборника, значительную часть которого составили тексты духовных стихов. В докладе Т.Ю. Журавлевой (Москва) «Русский анекдот: итоги и перспективы изучения» был предложен обзор исследований традиционного и современного анекдота, а также сравнительный анализ русских анекдотов о лурахах и неверных женах и аналогичных рассказов у других народов с целью обнаружения путей их появления в русской словесности в соответствии с теорией заимствования. Жанр устного рассказа стал предметом доклада Л.Ф. Миронихиной (Москва) «Народная кухня в голодные годы (из устных рассказов о войне)». На материале, собранном в средней полосе России (Смоленская, Калужская, Владимирская области), описаны основные «голодные блюда», которые нашли также отражение в различных жанрах фольклора, в первую очередь в устных рассказах о войне.

Современному состоянию сказочной традиции был посвящен доклад А.А. Ивановой (Москва) «Тексты "учителя" и "ученика": к вопросу об эволюции сказочной традиции», в котором прозвучало несколько актуальных тем: хранение в памяти, воспроизведение и передача народного культурного наследия, проблемы эволюции жанровой традиции. В решении этих и многих других вопросов важная роль принадлежит полевой фольклористике. В докладе было указано на появление нового типа текстов, которые нуждаются в научном осмыслении, а именно повторных записей. На примере полевых записей разных лет в Куйбышевском р-не Калужской обл. А.А. Иванова предложила интересные и перспективные наблюдения за развитием жанра сказки, отметив роль контекста: обстоятельства исполнения, фоновое знание, историко-культурную ситуацию. В качестве одной из причин редукции традиционных текстов в докладе было названо влияние книжных источников (публикаций народных сказок), которые способствуют утрате механизмов запоминания и текстообразования.

**А.С. САТЫРЕНКО,
А.Г. ШЕШКЕН**
(Москва)

Содержание журнала «Живая старина» за 2007 год

Статьи, публикации

Абраменко О.А. Свадебная обрядность цыган Северо-Запада России — 2, с. 19

Акельев Е.В. Московские мошенники в XVIII в.: клички, язык и развлечения — 1, с. 46

Александрова А.Ю. Деревенский bard Мария Николаевна Ботова — 1, с. 12

Алексеевский М.Д. Болезни животных и методы их лечения в народной культуре — 3, с. 37

Анекдоты из коллекции Н.В. Соколовой (1926 г.). Предисловие, публикация и примечания *М.А. Мельниченко* — 4, с. 24

Архипова А.С., Неклюдов С.Ю. Фольклор на асфальте — 3, с. 2

Архипова А.С., Мельниченко М.А. Почему Ленин носил ботинки, а Сталин сапоги? — 4, с. 20

Балобанова Э.Ф. Травы, вода и слово: способы лечения в селе Варзуга — 3, с. 35

Виноградов В.В., Громов Д.В. Легенды о путешествующей императрице — 3, с. 4

Грива М.А. Культовые камни в Коломенском — 1, с. 26

Грэхем С. Цикл анекдотов о чукчах: откуда, однако? — 4, с. 33

Джанумов А.С. Западноевропейская легенда о чудесном цветении растений — 3, с. 7

Добровольская В.Е. Когда «молитвки петь грешно» — 2, с. 26

Добровольская В.Е. «Как революцию делали...» — 4, с. 7

Духовные стихи рязанско-владимирского пограничья. Публикация *О.В. Гордиенко* — 2, с. 29

Ермакова Е.Е. Номинации лечебных и магических текстов в народной медицине Тюменской области — 3, с. 31

Зудин А.И. Христианские легенды старообрядцев хутора Новопокровского — 3, с. 11

Иванова Т.Г. Этнография и ГПУ (эпизод из жизни вологодского этнографа А.А. Веселовского) — 2, с. 41

Иванова Т.Г. Объявления в маршрутках: взгляд фольклориста — 4, с. 35

Из архивных записей заводского фольклора. Предисловие, публикация и примечания *М.В. Ахметовой* — 4, с. 17

Карасёв Л.В. Детские страшные истории — 2, с. 32

Колосова В.Б. Современная украинская свадьба в Черновицкой области — 2, с. 5

Костырко В.С. Путь богов или путь предков? К истории новой якутской веры — 1, с. 29

Лечебная магия (из московских записей). Публикация *В.В. Запорожец* — 3, с. 40

Лурье М.Л. Деревенский поэт Ю.В. Тимофеев — 1, с. 5

Маркова Н.А. А.В. Марков и Тифлисские высшие женские курсы — 4, с. 41

Минаева А.П. До и после литературы — 1, с. 2

Моррис Р., Моррис (Юмсунова) Т.Б. Свадебный обряд у старообрядцев Орегона — 2, с. 15

Моррис (Юмсунова) Т.Б. Память о Романовке — 3, с. 26

Назаркин А.Д. Иркутские бумажные куклы-«панормы» — персонажи произведений Лидии Чарской — 2, с. 36

Наргелене В.Ф. Причтания невесты в Белёвском районе Тульской области — 2, с. 8

Народный культ св. Иринарха Ростовского. Публикация *А.Б. Мороза* — 3, с. 14

Недзельский Е.Л. Народная поэзия в годы революции — 4, с. 2

Немировский А.А. Слухи и сплетни в белогвардейском лагере — 4, с. 10

Никитина С.Е. «Наивная литература» в конфессиональной среде — 1, с. 22

Никитина С.Е. Голоса Самодуровки — 3, с. 17

Ноговицын В.А. Чабыргах как жанр детского фольклора якутов — 2, с. 34

Олонецкие записки С.Н. Дурылина. Предисловие и публикация *В.Г. Смолицкого* — 1, с. 39

Петрухин В.Я. Моя бабушка и революция — 4, с. 14

Письмо крестьян В.И. Ленину. Публикация *М.Д. Алексеевского* — 4, с. 9

Плотникова А.А. Русские старообрядцы Добруджи — 3, с. 21

Революция глазами «глубинки». Предисловие, публикация и примечания *А.С. Каргина* — 4, с. 15

Розов А.Н. Народный исполнитель и собиратель — 1, с. 9

Рубцова Л.В. «Загадки Кёнигсберга—Калининграда»: образ города в народных нарративах — 3, с. 9

Рыжакова С.И. Священный лес Покайни в Латвии: изобретение традиции? — 1, с. 32

Сидорова Д.Е. «И сказки волшебные оживут...». Предисловие, публикация и примечания *О.Г. Щербининой* — 1, с. 17

Сидорова Д.Е. «Думы летят кверху — мечты падают в пропасть...» Из дневника за 1906 г. Публикация *О.Г. Щербининой* — 4, с. 12

Солдатские песни из архива Русского географического общества, записанные Н. Кибардиным. Предисловие и публикация В.А. Поздеева — 1, с. 36

Соловьёва Н.Е. Северные старообрядцы: взгляд извне — 3, с. 29

Тимофеев Ю.В. Стихотворения. Публикация М.Л. Лурье — 1, с. 5

Узенёва Е.С. О семантике болгарской свадьбы — 2, с. 2

Узенёва Е.С. Старообрядцы в Болгарии — 3, с. 24

Устьянские сказки, бывальщины и легенды. Предисловие и публикация В.И. Щипина — 1, с. 42

Фролова О.Е. К типологии анекдотов — 4, с. 38

Хлыбова Т.В. Стих о Николе Мокруше — 2, с. 22

«Чтоб дети были красивые и здоровые...» Публикация Г.И. Лопатина — 2, с. 38

Шундалов И.Ю. Крестьянские некрополи Терского берега Белого моря — 4, с. 27

Энгаватова А.В., Сапрыкина И.А. Погребения в берестяных гробах — 4, с. 30

Экспедиции

«Благослови, Господи, пар Божью скотинушку...» Публикация А.А. Ивановой, Н.В. Солосиной — 2, с. 47

Легенды липован Краснодарского края. Публикация Зудина А.И. — 4, с. 47

Из фольклорного наследия Нигижмы. Публикация А.Б. Ипполитовой — 1, с. 52

Легенды и сказки евреев Тульчина. Публикация С.А. Егоровой, Ю.А. Мягковой — 3, с. 43

Минеева И.Н., Пигин А.В. Святыни Лекшмозерья — 1, с. 49

Предсказательницы и целительницы в г. Бологое. Публикация М.В. Ахметовой — 2, с. 49

Старообрядцы деревни Смольники. Публикация Е.А. Монаховой — 3, с. 46

Топорков А.Л., Ильина Т.С. Вологодская экспедиция РГГУ — 2, с. 44

Трефилова О.В. Легенды, предания и мифологические рассказы из гагаузского села Болгарево — 4, с. 44

Юбилеи

К 70-летию В.Ф. Райана — 2, с. 59
А.К. Байбурину — 60 лет — 3, с. 42

Обзоры и рецензии

Алексеевский М.Д. В поисках утраченного колеса времени (Я. Крук, О. Котович. Колесо времени: традиции и современность) — 2, с. 55

Ахметова М.В. «Малая эсхатология» в русской рукописной традиции XV—XX вв. (А.В. Пигин. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности) — 3, с. 50

Березович Е.Л. «Чужие» глазами славян (О.В. Белова. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции) — 3, с. 54

Бойко Ю.Е. Локальные традиции игры на гармони (А.А. Мехнечев. Кирилловская гармонь-хромка в традиционной культуре Белозерья) — 4, с. 52

Борисов В.Е. Историческое исследование русской демонологии (А.Л. Юржанов. Убить беса. Путь от Средневековья к Новому времени) — 3, с. 56

Гура А.В. Сборник по славянской и балканской этнографии (Етнографски проблеми на народната култура. — Т. 7) — 4, с. 55

Дранникова Н.В. Книга о фольклоре старообрядцев Литвы (По заветам старины: Мифологические сказания, заговоры, поверья, бытовая магия старообрядцев Литвы) — 1, с. 58

Канева Т.С. Новая литература по традиционной культуре в Республике Коми — 2, с. 58

Козыmin А.В., Петров Н.В. Новая книга о пространственно-временной организации в сказках и былинках (В.А. Черванёва, Е.Б. Артёменко. Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира (на материале эпических жанров)) — 1, с. 54

Напольских В.В. Русское издание книги английского слависта (В.Ф. Райан. Баня в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России: Пер. с англ.) — 4, с. 50

Николаев Д.С. Выдуманные святыне во франкоязычных странах Европы (J.E. Merceron. Dictionnaire des saints imaginaires et facétieux) — 1, с. 57

Петров Н.В. Возвращение сборника несказочной прозы (Русские простонародные легенды и рассказы. Сборник 1861 г.) — 4, с. 57

Трефилова О.В. Новая литература по фольклору, этнографии, этнолингвистике — 1, с. 59; 2, с. 57; 3, с. 58

Трефилова О.В. Новая литература по фольклору и этнографии — 4, с. 58

Христофорова О.Б. В поисках «мужского»: гендерная проблематика в отечественных исследованиях (Мужской сборник. Вып. 2; Традиционная мужская культура и фольклор Великой Отечественной войны) — 2, с. 53

Христофорова О.Б., Литвина Н.В., Исэрэв А.А. Книги о фольклоре и устной истории старообрядчества («Взойду ли я на гору высокую, увижу ли я бездну глубокую...»: Старообрядческий

фольклор Нижегородской области; Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. — Вып. 1; И.В. Бойко, Н.В. Литвина. Чулеш и Килинк, XXI век: Межкультурная коммуникация староверов-беспоповцев, челканцев и шорцев: Полевые материалы 2001—2005 гг.) — 3, с. 52

Чернецов А.В. Еще одна английская публикация о русской магии (W.F. Ryan. Russian Magic at the British Library: Books, Manuscripts, Scholars, Travellers) — 2, с. 57

Чернецов А.В. К изучению пограничной зоны между устной и рукописной традициями (А.Л. Топорков. Заговоры в русской рукописной традиции XV—XIX вв.) — 3, с. 48

Чернецов А.В. Реплика по поводу рецензии В.В. Напольских на книгу В.Ф. Райна — 4, с. 51

Ясон Х. Третье издание указателя Аарне или новое начинание? Перевод с английского А.В. Рафаевой (H.-J. Uther. The Types of International Folktales. A Classification and Bibliography. Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson) — 2, с. 51

Научная хроника

Алексеевский М.Д., Добропольская В.Е. Конференция «Славянская традиционная культура и современный мир» — 1, с. 61

Алексеевский М.Д., Васильева З.С. Конференция «Мифология и повседневность» — 2, с. 60

Ахметова М.В. XIV Виноградовские чтения — 3, с. 61

Губанова Г.А. Третий Лазаревские чтения — 1, с. 60

Иванова Т.Г. Сыктывкарская конференция, посвященная 80-летию А.К. Микушева — 3, с. 59

Ильина Т.С., Топорков А.Л. Круглый стол «Кодовство и народная религия в России и Западной Европе» — 2, с. 62

Костырко В.С. XIV Лотмановские чтения — 4, с. 60

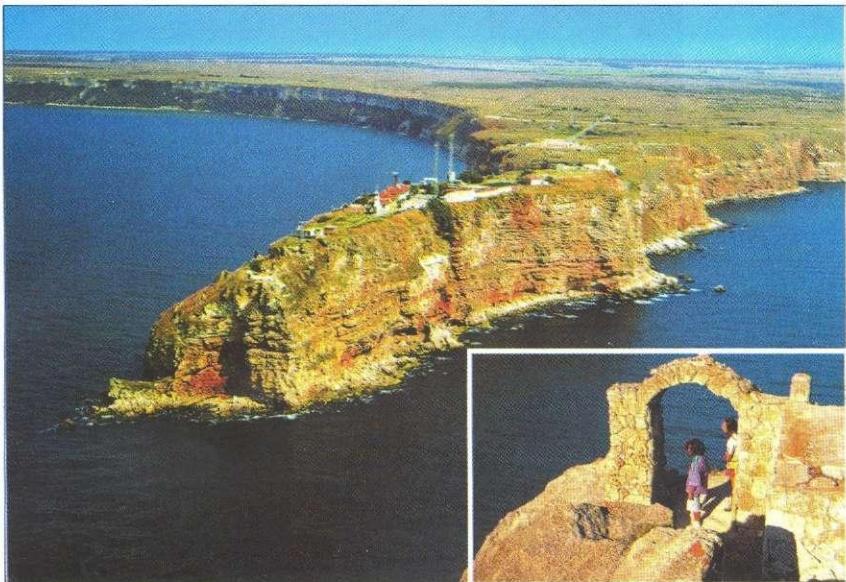
Махнач А.И. Конференция «От этнографии славян к культурной антропологии» — 2, с. 64

Рафаева А.В. Чтения памяти В.Н. Топорова — 4, с. 59

Сатыренко А.С., Шешкен А.Г. «Российская славистическая фольклористика: пути развития и исследовательские перспективы» — 4, с. 61

Седакова И.А. Годовой цикл обрядов в их разнообразии — 1, с. 63

Христофорова О.Б. III Московский международный фестиваль визуальной антропологии — 3, с. 63

Мыс Калиакра (открытка). В нижнем правом углу — «Ворота 40 дев», находящиеся на окончности мыса. Фото «Изкуството утре», Болгария

Южную Добруджу (Северо-Восточная Болгария) населяют различные народы Балканского п-ова, в том числе гагаузы — православный тюркоязычный народ, духовная культура которого еще недостаточно изучена. В экспедициях 2006—2007 гг. в гагаузское село Болгарево были записаны материалы по календарной и семейной обрядности, мифологические представления гагаузов. Избранные меморандумы публикуются в статье О.В. Трефиловой (с. 44—47).

Памятник «Легенда о Калиакре», установленный перед входом в музей-заповедник «Калиакра». Фото О.В. Трефиловой. 2007 г.

Фольклорный хор с. Болгарево под управлением Элены Урумчевой (сидит в центре). 1-я слева — Анастасия Костадинова Станева (баба Анти), 8-я слева — Марийка Анастасова Узунова. Фото О.В. Трефиловой. 2006 г.

Этнографический музей в доме культуры с. Болгарево. На переднем плане справа — две самопрялки и ткацкий стан, в центре на домотканом коврике чёрга — женские деревянные туфли нальмы; на заднем плане слева — детская лялька, в центре — свадебный сундук с домотканым приданием, над ним — настенный вышитый ковер. Фото О.В. Трефиловой. 2007 г.

Уличный колодец (сокак бунар) в центральном, «сахарном» квартале (Шекер маҳлесе) с. Болгарево. Фото О.В. Трефиловой. 2007 г.

Журналы «Народное творчество», «Живая старина», «Традиционная культура» и книги, изданные Центром русского фольклора, можно приобрести за наличный или безналичный расчет по адресу: 119034, Москва, Турчанинов пер., д. 6 (желательно в понедельник и четверг с 11.00 до 18.00); тел.: (495) 245-2205, 245-2079

Уважаемые читатели!

Подписка на журнал

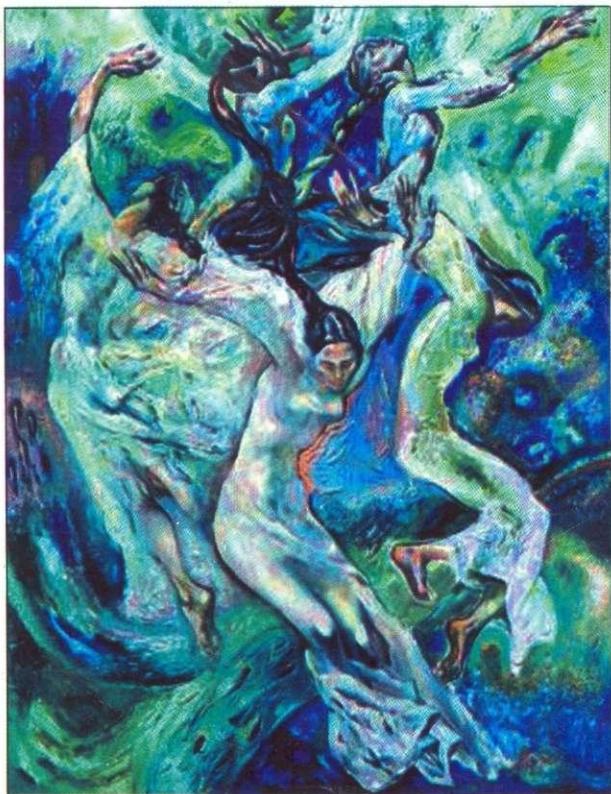
**«ЖИВАЯ
СТАРИНА»**

принимается во всех
отделениях связи

Подписной индекс —
73149 (каталог Роспечати)

Для зарубежных читателей —
73149 (каталог «Russian
Newspapers & Magazines — 2007»)

Internet: www.rospe.ru

В следующих номерах:

В.Б. Колосова

(Санкт-Петербург)

О вторичной фольклоризации

К.А. Федосова (Балобанова)

(Москва)

*Ремарки и комментарии
исполнителя магического
текста*

Н.В. Возякова

(Москва)

*Собиратели фольклора
в испанской деревне*

Н.В. Дранникова (Архангельск),

Ю.А. Новиков (Вильнюс, Литва)

*Пинега продолжает
удивлять фольклористов:
новые записи былин*

К.З. Рангочев

(София, Болгария)

*Болгарский юнацкий эпос:
современное состояние*

*Материалы фольклорно-
этнографических экспедиций*

Обзоры, рецензии

Научная хроника

